

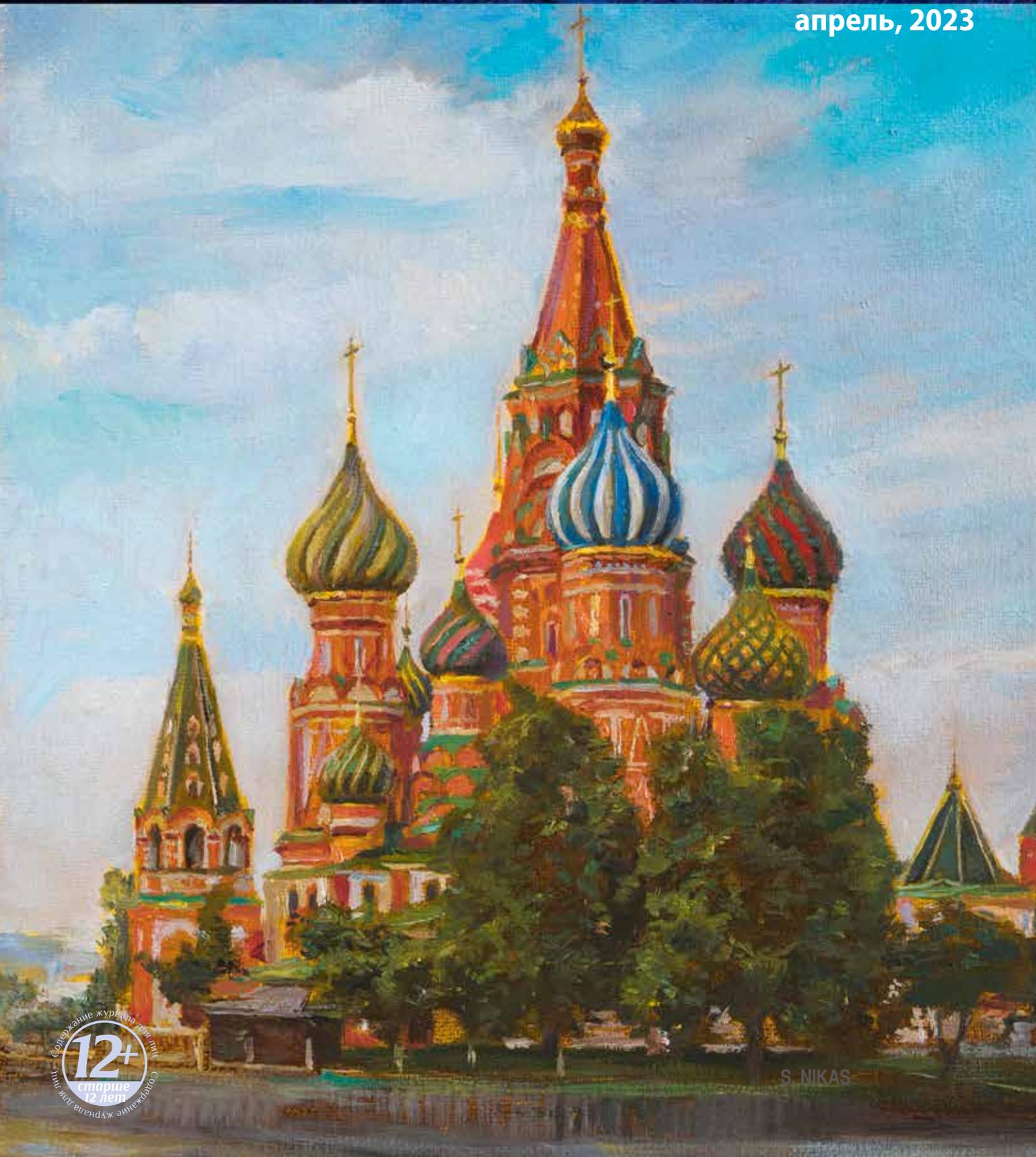
АЛЕКСАНДРЪ

ISSN 2542-0135

литературно-исторический журнал № 4 (79)

апрель, 2023

Содержание журнала доступно
12+
старше
12 лет
Содержание журнала доступно

S. NIKAS

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

Перед вами апрельский, «пасхально-космический» номер литературно-исторического журнала «Александръ». Слова глубокой благодарности приношу почитаемому мной владыке Тихону, открывшему этот праздничный номер издания.

В мире ничего не бывает случайным, и так произошло, что апрельский номер «Александра» открывают классики русской литературы, легендарные литераторы Владимир Крупин, Фёдор Конюхов, Валерий Ганичев – православные писатели, внёсшие значительный вклад в защиту русского языка и отстаивание православных ценностей. Они-то и задали тон всему апрельскому «Александру».

Связь с космосом помогли осуществить академик РАН, шеф-редактор «Александра» Александр Семин, настоящий офицер Николай Макаров и друг издания космонавт-испытатель Герой России Олег Артёмьев. Они представили произведения, расширяющие горизонты познания и увлекающие во Вселенную.

Дорогие друзья!

Поздравляю со светлым праздником – Пасхой! Весна и возрождение, цветов и трав цветение, тихий свет в глазах, любовь и радость в сердцах – вот что для нас означает светлая Пасха. Пусть в жизни Вашей будут только свет и радость, пусть будет она полна благополучия, добра и мира!
За Русский мир!

Анатолий ТРУБА,
директор – главный редактор

ХРИСТОС
ВОСКРЕСЕ

ДОРОГИЕ ОТЦЫ, БРАТЬЯ И СЕСТРЫ!

В этот день величайшей Победы над злом и смертью поздравляю всех вас, православных христиан Псковской земли, с нашим праздником праздников – Светлым Христовым Воскресением!

Господь Иисус Христос непостижимым Промыслом Своим ведёт нас ко спасению через особые испытания нашего с вами времени. В нынешний день Святой Пасхи очень многие из вас не присутствуют в храмах. И поэтому обращаюсь в первую очередь именно к вам, прихожанам наших храмов и монастырей. Ваш подвиг святого послушания Церкви Христовой, ваше смирение, жертвенность тем более драгоценны перед Богом, что, знаю, лишь одна мысль, одно чувство примиряют вас с тем, что вы не можете в самые дорогие для христианского сердца дни прийти в Божий храм. Эти мысль – святая забота о людях, с которыми вы общаетесь. Это чувство – христианская любовь к ближнему! В нынешнее время тяжкого морового поветрия вы сделали всё, чтобы не стать невольными виновниками болезни известного или неизвестного вам человека, его несчастий и, может быть, самой смерти.

Конечно, и нам, священникам, очень тяжело без вас в эти дни. Сегодня вы не присутствуете в храме телесно. Но духом мы вместе во Христе. «Мы же, братия, быв разлучены с вами на короткое время лицом, а не сердцем, тем с большим желанием будем ждать увидеть лицо ваше» (1-е Послание святого апостола Павла к фессалоникийцам).

Мужественно исполняя всё положенное нам каждый на своём месте, мы призваны быть участниками духовной брани и победы Господа нашего Иисуса Христа над многоликим злом мира сего – духовным и материальным: грехом, болезнями, ненавистью, смутой, противлением Истине.

Сегодня всем нам тяжело. И впереди – новые испытания. Все силы наших соотечественников и всего человеческого рода направлены на победу над всемирной моровой язвой. Будем молиться и действовать, чтобы приблизить победу над этим злом, как приближали Победу в предыдущей всемирной войне наши отцы и деды. В праздник Светлого Христова Воскресения по-особенному вспомним слова, вдохновлявшие их: «Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами!»

ХРИСТОС ВОСКРЕСЕ!

**Тихон,
митрополит Псковский и Порховский**

Литературно-исторический журнал «Александръ» включён в список изданий, выходящих при содействии Союза писателей России.

Главный редактор – Анатолий Сергеевич ТРУБА,

секретарь Союза писателей России, доктор экономических наук, профессор.

Шеф-редактор – А. Н. СЁМИН (Екатеринбург), член Союза писателей России, академик РАН, заслуженный деятель науки РФ.

Редколлегия:

В. С. Аршанский (Мичуринск), почётный гражданин Тамбовской области, член СПР, заслуженный работник культуры;

Н. Ф. ИВАНОВ (Москва), председатель правления Союза писателей России;

Г. В. ИВАНОВ (Москва), поэт, первый секретарь Союза писателей России;

В. В. БЕРЕЗОВСКИЙ (Москва), директор Центра «Святые Лавры Руси Православной»;

Т. Н. ВОРОНИНА (Екатеринбург), народная артистка России, артистка Свердловской государственной филармонии, создатель и руководитель «Театра Слова», член Союза писателей России;

В. И. ГАЗЕТОВ (Москва), член Союза журналистов России, декан факультета рекламы и связей с общественностью Института экономики и культуры, кандидат исторических наук, профессор, почётный работник высшего профессионального образования РФ;

В. Т. ДОРОЖКИНА (Тамбов), член Союза писателей России, почётный гражданин города Тамбова, заслуженный работник культуры РФ;

В. А. КАЗМИН (Луганск), председатель Луганской писательской организации им. В. И. Даля Союза писателей России;

Л. В. КОЛПАКОВ (Москва), секретарь Союза журналистов России, первый заместитель главного редактора «Литературной газеты», шеф-редактор отдела «Искусство»;

В. Г. КОРЗУН (Москва), лётчик-космонавт, Герой России, генерал-майор;

С. И. КОТЬКАЛО (Москва), сопредседатель Союза писателей России, главный редактор интернет-обозрения «Русское Воскресение», журнала «Новая книга России»;

И. М. КУЛИКОВ (Москва), доктор экономических наук, академик РАН, директор ВСТИСП;

Р. С. ЛЕОНОВ (Мичуринск), член Союза журналистов России, председатель информационно-издательского отдела Мичуринской епархии;

Ю. М. ПОЛЯКОВ (Москва), председатель редакционного совета «Литературной газеты», писатель, публицист, общественный деятель;

Г. Н. ПОПОВА (Мичуринск), член Гильдии театральных менеджеров России, директор Мичуринского драматического театра, заслуженный работник культуры РФ;

Никас САФРОНОВ (Москва), народный художник РФ, академик Российской академии художеств, профессор, член Союза писателей России;

С. А. ТРАХИМЁНОК (Минск), доктор юридических наук, профессор, член Союза писателей России, член Союза писателей Беларуси;

А. Н. ЧУМИКОВ (Москва), генеральный директор агентства «Международный пресс-клуб», гл. н. с. ФНИСЦ РАН, доктор политических наук, профессор.

Редакция вступает в переписку только с авторами, материалы которых приняты к публикации. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. За достоверность фактов несут ответственность авторы статей. Их мнения могут не совпадать с точкой зрения редакции. Авторы присылаемых материалов обязаны сообщить редакции: домашний адрес с почтовым индексом; день, месяц, год своего рождения; паспортные данные (серия, номер, кем и когда выдан). Редакция убедительно просит авторов присылать электронную версию своих произведений с обязательной распечаткой текста. Рукописи без распечатки не принимаются. Параметры набора: 14-й кегль через 1,5 интервала, отчётливо читаемый.

ЖУРНАЛ «Александръ» № 4 (79), апрель 2023 г.

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-66728 от 8 августа 2016 г.

Учредитель и издатель, директор, главный редактор – А. С. Труба.

Дизайн, вёрстка – Елена Ермохина (Путятина).

Дата выхода – 01.04.2023 г.

Тираж 1000 экз.

Распространяется бесплатно. Безгонорарное издание.

Адрес редакции, адрес издателя: 119146, Москва, Комсомольский проспект, 13, Союз писателей России.

Телефон: 8-915-879-14-14 – директор, главный редактор.

Электронная почта: truby.anatoly@yandex.ru

Адрес сайта: www.alexlib.ru

Информация предназначена для лиц старше 12 лет.

Бумага мелованная. Гарнитура PF Agora Slab Pro.

Формат 60x90 1/8. Усл. печ. л. 12.

Изготовлено в полном соответствии с предоставленным макетом в типографии Book Jet:

390005, г. Рязань, ул. Пушкина, д. 18

Сайт: <http://bookjet.ru>, почта: info@bookjet.ru

Тел. +7 (4912) 466-151

ISSN 2542-0135

В журнале использованы рисунки и фотографии, находящиеся в интернете в свободном доступе.

В НОМЕРЕ:

СВЯТЫНИ

- 6 Фёдор Конюхов.
Ковчег Завета из Аксума

РУССКИЙ МИР

- 11 Александр Балтин.
Пасхальная русская поэзия
- 14 Владимир Крупин.
Главное причастие
- 17 Алёшино место
- 19 Русский стиль

БИБЛЕЙСКОЕ

- 22 Максим Лаврентьев.
Псалмы Давида

ПАЛОМНИКИ

- 30 Валерий Ганичев.
Кипрские заметки

ПОЭТИЧЕСКИЙ БЛОКНОТ

- 42 Евгений Харитонов.
России верные сыны
- 45 Елена Осминкина
- 46 Николай Полотнянко
Валентина Донскова

ДУХОВНОЕ

- 50 Алексей Федотов.
Преображенский собор

ХОББИ

- 55 Александр Семин.
Космическая филателия

КОСМОС

- 59 Анатолий Арестов.
Космическая гавань
- 62 Николай Макаров.
Рядом с космическими полётами

ПОЭЗИЯ

- 70 Ольга Даранова.
Кровные знаки
- 73 Валерий Румянцев.
Твой выбор
- 75 Алексей Шихалёв

- 77 Дина Бабайцева

ИСТОРИЯ РОССИИ

- 79 Виктор Елисеев.
Страсти по власти

СТИХОТВОРНОЙ СТРОКОЙ

- 83 Юрий Мартишин.
Я прошу, не смотри равнодушно...
- 86 Любовь Ладейщикова.
Пламень жизни
- 89 Жанна Ташма
- ШАГИ «АЛЕКСАНДРА»
- 92 Александр Сергеев.
Встречи с легендой космонавтики

На вклейке: работы художника
Никаса Сафронова

КОВЧЕГ ЗАВЕТА ИЗ АКСУМА

Фёдор КОНЮХОВ, протоиерей

Наша экспедиция в Эфиопию состоялась в 2010 году. Она отличалась от прочих наших путешествий тем, что была задумана и проведена нами исключительно как духовная. Мы не устанавливали спортивные рекорды, не совершали научные открытия, не занимались изысканиями, не ставили перед собой рекламные цели. Просто у нас было огромное желание пройти Эфиопию и увидеть собственными глазами Ковчег Завета, посетить монастыри, храмы, святые источники, встретиться с монахами-отшельниками, священниками и простыми людьми, которые испокон веков обрабатывают здесь землю.

В древней Абиссинии, по преданию, находится Ковчег Завета – великая святыня ветхозаветного иудаизма и новозаветного христианства. Это тот самый Ковчег, в котором хранились две каменные скрижали с Десятью Заповедями, полученные пророком Моисеем от Бога как свидетельство Божьего союза с народом Израиля. Этот ларец, изготовленный по повелению Бога, имел длину в 2,5 локтя, ширину в 1,5 локтя и высоту в 1,5 локтя. Один локоть равнялся 52,5 см. Ковчег был сделан из акации, инкрустирован золотом и покрыт сверху золотой крышкой. В нём, помимо скрижалей, находились золотой сосуд с манной небесной и жезл Ааронов. Три тысячи лет тому назад, в эпоху царя Соломона, древние израильтяне утратили Ковчег. Последнее упоминание о нём датируется 586 годом до нашей эры. Впоследствии поисками Ковчега безуспешно занимались крестоносцы, военные,

тамплиеры и иные масоны. Лишь в девяностых годах прошлого столетия британский писатель Грэм Хэнкок обнаружил следы ларца в Эфиопии. По мнению исследователя, Ковчег Завета был вывезен из иерусалимского храма в 600 году до Рождества Христова. Позже, в 370 году от Р. Х., ларец перенесли в город Аксум к принявшему христианство императору.

Есть ещё одна версия появления Ковчега в Абиссинии. В древней эфиопской книге «Кебра Негаст» («Слава царей») содержатся сведения о том, что царь Соломон влюбился в царицу Савскую, и от этого союза у них родился сын Байна-Легкем. Ему-то Соломон впоследствии и передал Ковчег. Тот отвёз святыню в древнюю Эфиопию, в тогдашнюю её столицу город Аксум. Кстати, сами эфиопы очень похожи на евреев, у них такие же носы и даже мочки ушей.

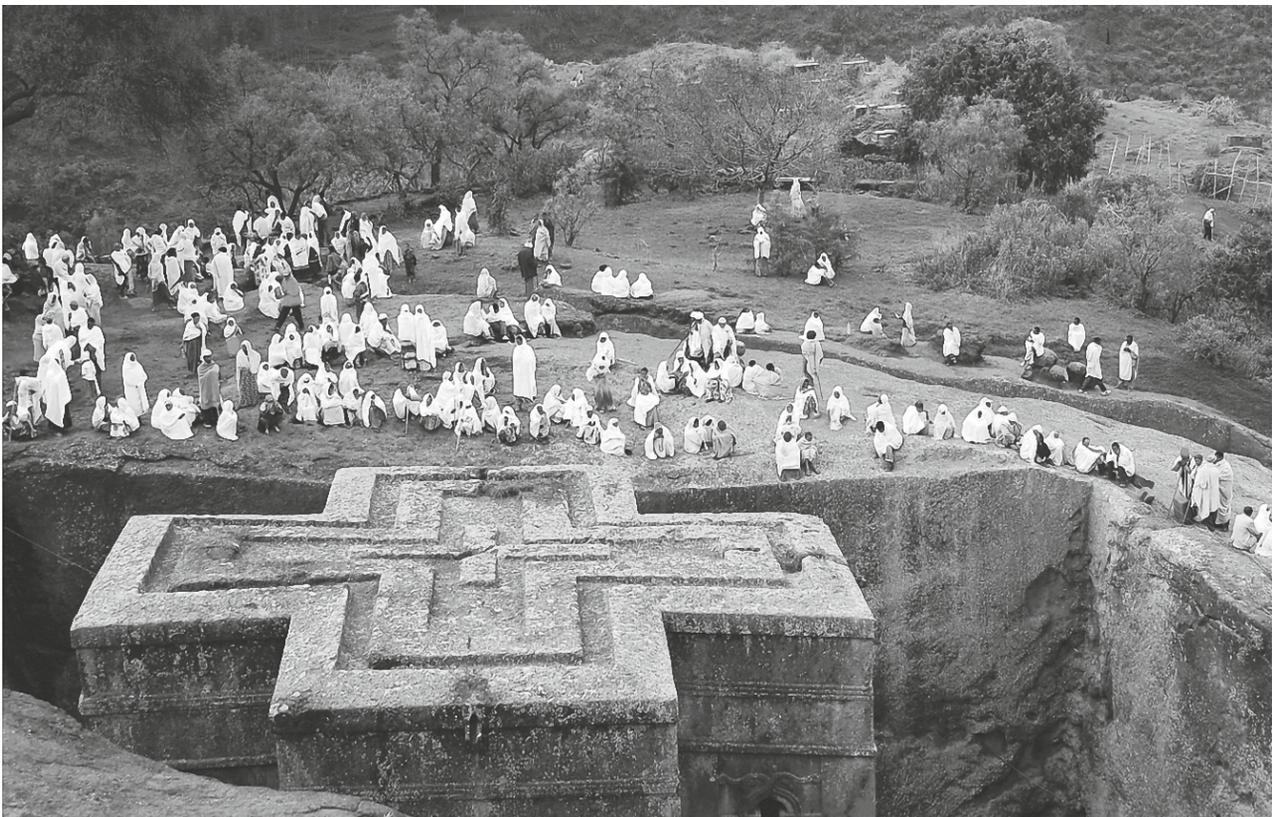
Эфиопия потрясла меня тем, что христианство там утвердилось за семьсот лет до крещения Руси. Оно было принесено апостолом от семидесяти Филиппом, который крестил внука Эфиопской царицы Кандакии. Его звали Аэтий. Он стал просветителем древней абиссинской земли. Окончательно вера утвердилась здесь в IV веке, и христианство стало государственной религией.

На севере Эфиопии, в городе Лалибэла, находится одно из восьми чудес света – одиннадцать древних монолитных церквей. Все храмы высечены в каменных скалах вулканической породы. Жемчужина этого титанического по

труду зодчества – храм Георгия Победоносца XIII века. Он высечен в скале. Храм создан в виде креста, двенадцать квадратных метров на двенадцать. Он самый большой в мире храм подобного рода. Находится на одном уровне с землёй, внутри скалы, как в шахте. Туда можно попасть только через специальный тоннель. Сам город расположен в горах на высоте две с половиной тысячи метров. Он носит имя своего основателя – императора Лалибэлы, которого эфиопы почитают святым. Лалибэла провёл несколько лет на Святой Земле Израиля. А когда Иерусалим в двенадцатом веке захватили мусульмане, эфиопский царь решил основать святой город в горах у себя на родине.

В Эфиопии много и других святых мест. С ними связаны те или иные исторические и духовные события. Там, например, есть озеро, на островах которого, как считают местные христиане, была сама Матерь Божия. Когда Дева Мария с Иосифом и маленьким Иисусом бежали в Египет от Ирода, то возвращались они, по сведениям местных христиан, через Эфиопию.

Храм в честь Георгия Победоносца. VIII век

С Патриархом Абуной Павлосом

Из Евангелия мы знаем, что Святое Семейство действительно бежало в Египет. А где оно там было и каким путём возвращалось, того не ведаем. А эфиопы имеют своё предание. Может, так оно и было, кто знает. А они убеждены, что знают.

А теперь вновь вернёмся к теме Ковчега. В городе Аксум расположен самый почитаемый храм Эфиопии – Собор Святейшей Девы Марии Сиона. Он на протяжении веков служил традиционным местом коронации эфиопских императоров. Исторически в основании Эфиопии было Аксумское царство, самое первое в мире христианское царство и самое большое после Римской империи. Рядом в специальной часовне и хранится великая святыня христиан – Ковчег Завета.

Священник может заходить в часовню только два раза в год. Снаружи она охраняется волонтерами с палками, а также стражниками, которые вооружены автоматами Калашникова. Внутри охрану святыни несёт один человек, которого, по вере эфиопской Церкви, избирает сам Господь Бог. Этот богоизбранный хранитель-отшельник приходит

в храм и уже никогда его не покидает. Часовня и двор с воротами окружены решёткой, через неё охраннику передают еду из местного христианского монастыря. Когда хранитель умрёт, его там же похоронят и заменят на нового. Такова традиция.

Итак, в 2010 году мы оказались в Эфиопии. Там Успенским постом мы удостоились попасть на приём к Патриарху – Католикосу Абуне Павлосу. До этого мне говорили, что Предстоятель никого не принимает.

Я, помню, сильно расстроился по этому поводу. Однако всё оказалось по-другому. Когда ему доложили, что прибыл русский путешественник, он, к нашей несказанной радости, тут же согласился нас принять.

Об этом нам сообщили по телефону из Аддис-Абебы. И вот мы у Патриарха Абуны Павлоса. Он живёт в пещере, высеченной в скале, дверь в неё завешена шкурой. Внутри сурового жилища горит костёр из кизяка, там же находится жаровня. В пещере присутствует ещё один человек – келейник. Патриарх встретил меня

Часовня Ковчега Завета около собора Святейшей Девы Марии Сиона, Аксум, Эфиопия

радушно, и я подарил ему софринский крест, который загодя приобрёл в Москве.

Ложе Патриарха вырублено из камня и застелено шкурами, на них он спит. Днём здесь жарко – до тридцати градусов, а ночью – плюс пятнадцать-семнадцать.

Патриарх сам угостил меня кофе. Он же его и приготовил – жарил, толок в ступе и варил. Кофе, как утверждают знатоки, берёт своё начало именно в Эфиопии. Равно как и лучшие сорта пшеницы.

Я обратился к Предстоятелю Церкви с просьбой:

– Хочу увидеть Ковчег Завета!

Патриарх ответил:

– Я не могу приказать, чтобы тебе его показали. Ты должен сделать нечто такое, чтобы эфиопы тебя полюбили. Поезжай, например, и посмотри храм IX века без крыши, где на алтарь никогда не попадает дождь. Посети пещеры, находящиеся на высоте 3000 метров, где почившие люди не истлевают...

И я направился к указанным святыням. Едва дошёл. Жара невыносимая, пил воду с бабуинами из какого-то озера. Жара такая, что рот совсем высох. Когда дышал, чувствовал, что воздух через горло не проходит. Оказывается, он проникает через него, только когда в горле есть слюна, а у меня там всё пересохло, думал, задохнусь.

Побывал в пещере, где умершие не подвержены тлению. Увидел там множество высохших серых мумий. Над ними таинственно витала вечность.

Потом посетил упомянутый Католикосом храм, который находится в 300 километрах от Аддис-Абебы. Само храмовое здание построено ещё до Рождества Христова. Рядом с нынешним алтарём язычники жгли когда-то костры для жертвоприношений. Храм назван в честь Спасителя и расположен на высоте 2000 метров. Это четыре шестиметровые плиты без крыши. Но

даже в сезон дождей вода чудесным образом внутрь него не попадает. Оказалось, храм стоит с XIII века среди пологих холмиков, а когда идёт ливень, внутри храма всё пасмурно, мрачно, но сухо. Наука пока никак не объяснила этот феномен.

Совершив заповеданное Патриархом паломничество, я подумал, что должен ещё чем-то удивить эфиопский народ. И решил, что пройду местную пустыню Даниканскую протяжённостью в 1200 километров за 40 дней в пост на одногорбых верблюдах. Температура в пустыне 58–60 градусов. Пустыня расположена на 116 метров ниже уровня океана. Там много мелкого камня, в разломах которого бурлит магма. Никто туда вглубь ещё не ходил.

Очень трудно было найти погонщика, потому что вдоль пустыни живут мусульмане, а в горах – христиане. Здесь разные племена воюют между собой за воду, женщин, баранов, верблюдов и коз. Каждые два-три дня мы проходили по территории разных племён и меняли погонщика. Один из них показывает мне бусы на шее и говорит:

– Это я убил врага из этого племени!

Я ему осторожно предлагаю:

– Давай срежем эти бусы, пройдем племя, а потом опять наденешь.

Тот отказывается:

– Нельзя!

Мы купили 2600 бутылок воды. В нашем сопровождении было пятнадцать эфиопов и два

охранника Президента, все с автоматами Калашникова. Если ты безоружен, то в тебя могут в любой момент из-за кустов выстрелить. По этой причине пытались дать автомат и мне как единственному белому путнику, явно выделявшемуся, по мнению сопровождавших, из числа прочих своей внешностью и потому представлявшему собой привлекательную мишень.

Итак, за 42 дня я пересёк пустыню, удивив всех, и пришёл в Аксум. Про меня уже ходили слухи, что какой-то человек прошёл пустыню, которая никому и никогда не была знакома, а он взял и прошёл. Выходят священники с барабанами, меня встречает сам епископ Аксумский. Народ тоже пришёл на меня посмотреть.

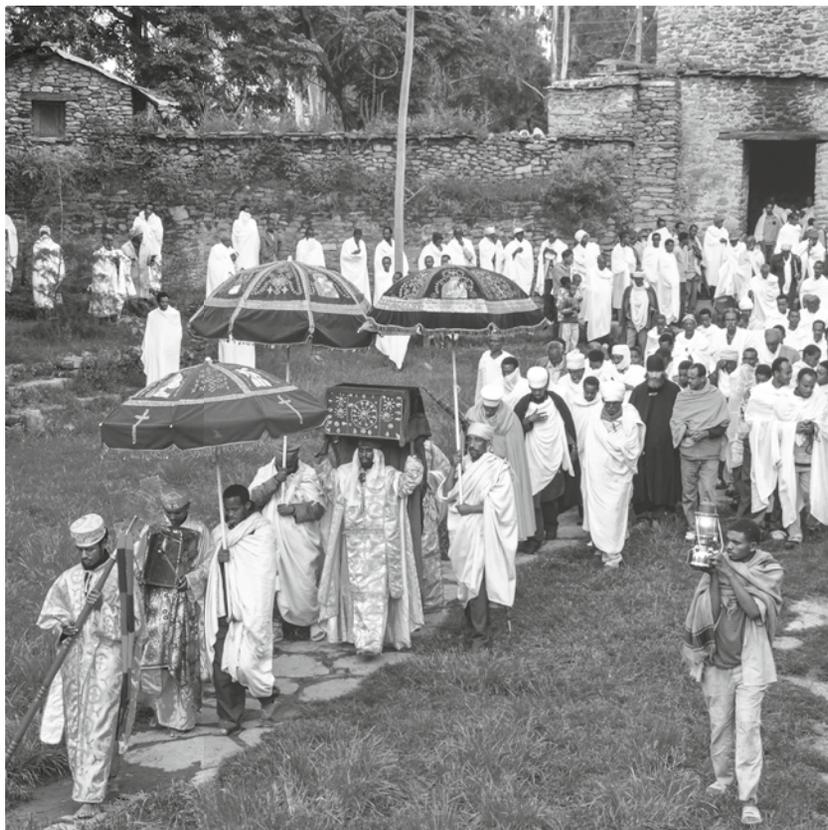
Владыка говорит:

– Будь в храме и молись, я договорюсь с хранителем.

Хранитель не принадлежит никакой конфессии, он – Хранитель.

Я всю ночь отстоял на службе, которая идёт у них 12 часов. Наступило утро, а меня к Ковчегу так никто и не вызывает. Я пошёл в гостиницу. Только лёг, как прибегают люди и говорят:

– Хранитель хочет с тобой встретиться.

Вынос Ковчега

Мы тотчас садимся в машину и летим туда. Приезжаем к часовне, я встаю за решёткой. Выходит хранитель и несёт ящик на голове к забору. Всё обставлено очень торжественно – священники все в белом, издают звуки цимбалы, на которых играл ещё царь Давид. Бьют барабаны, горят свечи. А я один в чёрном облачении. Подхожу. Меня предупредили, чтобы я ни в коем случае не дотрагивался до Ковчега Завета – в противном случае тут же забьют палками. Я подхожу, становлюсь лицом к лицу к хранителю, он держит на голове ящик с закрытой тканью...

Я стою и не понимаю, где нахожусь – на небе или на земле. Происходит что-то доселе невиданное... никогда я такого раньше не ощущал!.. Ты просто стоишь, и нет времени, нет ощущения тела. Господи, как же это здорово! Как милостив Ты к нам, земным странникам, и как щедро даруешь Свою великую любовь и заботу!..

На следующий день в газетах написали, что впервые европейцу вынесли и показали Ковчег.

Икона-складень из Эфиопии

ПАСХАЛЬНАЯ РУССКАЯ ПОЭЗИЯ

1

*Колокола будут гудеть...
Гуд тяжёл.*

Мистический праздник, самый непостижимый сердцем, именуемый Праздником Праздников, – Пасха – отражается в зеркалах русской поэзии различно:

*Повсюду благовест гудит,
Из всех церквей народ валит.
Заря глядит уже с небес...
Христос Воскрес! Христос Воскрес!
С полей уж снят покров снегов,
И реки рвутся из оков,
И зеленее ближний лес...
Христос Воскрес! Христос Воскрес!*

Так пел Аполлон Майков, и тут скорее о пробуждающейся жизни: о том, как славит природа, неизъяснимая во многих тайнах своих, невиданное событие, согревающее сердца, остающееся тайной...

Песенная нежность, отчасти печальная мелодичность Константина Фофанова изливается

нежностью природы, вновь устанавливающей весенние законы, ибо:

*Сосны в бархате зелёном,
И душистая смола
По чешуйчатым колоннам
Янтарями потекла.
И в саду у нас сегодня
Я заметил, как тайком
Похристовался ландыш
С белокрылым мотыльком!*

Красота праздника – красота природных персонажей, и человек-певец, подмечающий мельчайшие тайны, не может остаться равнодушным к ним.

Строй поэзии К. Р. (великий князь Константин Романов) исполнен торжественности: здесь будто бы классицизм соединяется с тонкими ритмами Серебряного (ещё не наступившего, если иметь в виду период жизни князя) века:

*Тебе, Воскресшему, благодаренье!
Минула ночь, и новая заря
Да знаменует миру обновленье,
В сердцах людей любовью горя.*

*Хвалите Господа с Небес
И пойте непрестанно:
Исполнен мир Его чудес
И славы несказанной.*

Оркестровая высота звука поднимается выше и выше, и если благовест колышет воздух, поэтический космос должен колыхать человеческие сердца.

Мощью меди, царской речью высот звучит четверостишие Николая Гнедича, точно охватывающее всё пространство людское океаном любви:

*Сменяйтесь времена, катитесь в вечность годы,
Но некогда весна бессменная придёт.
Жив Бог! Жива душа! И царь земной природы,
Воскреснет человек: у Бога мёртвых нет!*

Пронизанные верой строки таковы, что хочется и самому приобщиться к космосу, в котором пребывал классик...

Простота плещеевских строк, кажется, вспенивается светлой волной, плеская в самые высоты: и сердца, ежели духовно живо, и странства, мнящегося бесконечным:

*Как солнце блещет ярко,
Как неба глубь света,
Как весело и громко
Гудят колокола.
Немолчно в Божьих храмах
Поют «Христос Воскресе!»
И звуки дивной песни
Доходят до небес.*

Остро гранил Иван Бунин самоцветы слов и строк, точно и объёмно вписывал их в реальность:

*Христос воскрес! Опять с зарёю
Редает долгой ночи тень,
Опять зажётся над землёю
Для новой жизни новый день.
Ещё чернеют чащи бора;
Ещё в тени его сырой,
Как зеркала, стоят озёра
И дышат свежестью ночной...*

И будто бы природа вспыхивала иначе, возникая чудесно в драгоценных стихах поэта.

Иной – словно противоположный звук – щедро предлагала Цветаева:

*Звон колокольный и яйца на блюде
Радостью душу согрели.
Что лучезарней, скажите мне, люди,
Пасхи в апреле?*

И лучезарность сообщалась каждой строке, льющейся в бездны душ...

Крепко пропитанное историей стихотворение Сергея Городецкого запускало волны звучаний с силою убеждённости мастера в говоримом, и правда стиха казалась тяжёлой, хотя и световой:

*Солнце плыло из-за утренней зари,
Мироносицы ко Гробу тихо шли.
Скорбь овевала их облаком седым:
Кто у входа камень тяжкий сдвинет им?*

Прозрачный кларизм Михаила Кузмина напитан глубоким раствором православной подлинности, световой, несколько скорбной, разной:

*У Спаса у Евфимия
Звонят в колокола.
Причастен светлой схиме я,
Когда весна пришла.
Сквозь зелени весёлые
Луга видны давно,
Смотрю на лес и сёла я
Через узкое окно.*

Пасха останется тайной тайн: будучи светлым, после долгого поста сытным и сладким праздником, она прочно связана с лучевой надеждой и формулой конкретики: воскрешением природы; и она ярко отразилась в космических зеркалах поэзии русской, подаренных земле.

2

Тяжёлое, противоречащее расцвету стихотворение Мережковского:

Христос воскрес! Поют во храме...

– словно дающее зеркальное отражение всего, от чего такая тяжесть, и что не меняется, никак не меняется с веками. Что уж про года... Пасхальная поэзия должна быть светлой: возможно, свет стихотворения Мережковского – в осознании недолжного.

...Есть ли кощунственная интонация в словесной игре Пушкина?

*Христос воскрес, моя Ревека!
Сегодня следуя душой
Закоу бoга-человека,
С тобой целуюсь, ангел мой.*

Скорее, та шаловливость, которую никак не отнести к тяжёлым цепям кощунства. Скорее так.

А вот восприятие Майкова: прозрачно-акварельное, и весна, нарисованная им... скорее жизненна, чем живописна:

*Повсюду благовест гудит,
Из всех церквей народ валит.
Заря глядит уже с небес...
Христос Воскрес! Христос Воскрес!*

Пасха останется тайной тайн, примером слепой веры – и веры рассуждающей: возможно ли такое? И всегда будет отзываться в мере поэтической правды поэзии, созданной на эту тему.

Вообще русская пасхальная поэзия больше связана с природою, с пробуждением весны... С ощущениями, которые дают природныe феномены, ибо заключены они, если внимательно рассмотреть, в каждом дне.

Вот Фофанов, приветствующий весну вместе с колоколами:

*Под напев молитв пасхальных
И под звон колоколов
К нам летит весна из дальних,
Из полуденных краёв.*

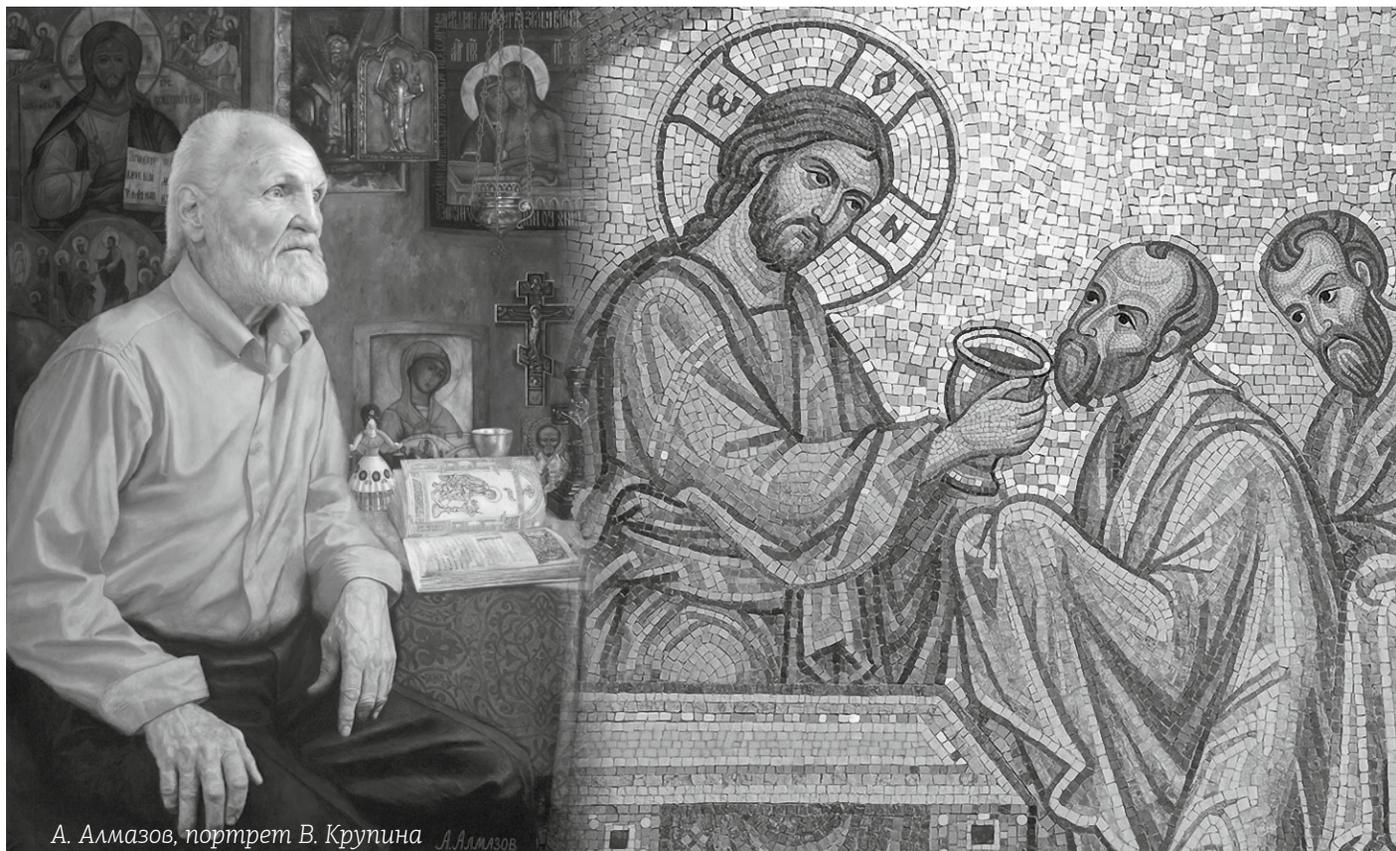
Вот нежно-народный Есенин, чьи созвучья будили столько отзвуков в русских душах:

*Колокол дремавший
Разбудил поля,
Улыбнулась солнцу
Сонная земля.
Понеслись удары
К синим небесам,
Звонко раздаётся
Голос по лесам.*

Отдельный пласт пасхальной поэзии сильно вложен в почву поэзии русской: весна придёт! Всё оживёт...

И... надо верить воскресшему Богу...

Александр БАЛТИН

А. Алмазов, портрет В. Крупина А.Алмазов

ГЛАВНОЕ ПРИЧАСТИЕ

Владимир КРУПИН

Помню из детства, когда кто-то хвастался, что хочет ехать в далёкие края, ему говорили: «Поедешь, небось, с печи на полати». Но мы, русские, по неистребимой страсти поглощать пространство ездили во все далёкие края. Вот и я, грешный, обколесил, обстучал колёсами по рельсам, облетел крыльями всю планету. Всё видел: и горькое, и сладкое, и красивое, и зазывающее, и аккуратное, и строгое, и экзотическое, и яркое – всего полно во всех краях. Так отчего же единственным моим желанием было и остаётся одно: замереть на родине и упокоиться в той земле, где Господь вывел меня на Божий свет и по которой я ходил босыми ногами? Никакие знаменитые некрополи не заменят мне крохотного участка земли у нашей Троицкой церкви. Никакие мраморы, грани-

ты не посоперничают с деревянным крестом, сделанным за полдня вятским плотником. А может, уже и поздно мечтать о такой Божией милости. Но я молюсь! Молюсь: упокой, Господи, меня на родине, дай, Господи, смерть мирную и непостыдную и доброго ответа на Страшном суде.

О, как отрадно будет моей душе, что оставленное ею тело будет постепенно сливаться с землёй родины. Конечно, не я первый говорю, что не всё ли равно, где быть похороненным, но всё кажется, что душе будет легче при прохождении мытарств, когда грешное тело будет там, где вышло на краткую земную жизнь. Ведь именно здесь, в этом селе, на его улицах, в его окрестностях, в лесах, на лугах, на реке, на первой покорённой вершине, Красной горе, я начинал жить. Мы были отчаянны, и вот я думаю: кто же, если не Господь, спасал нас?

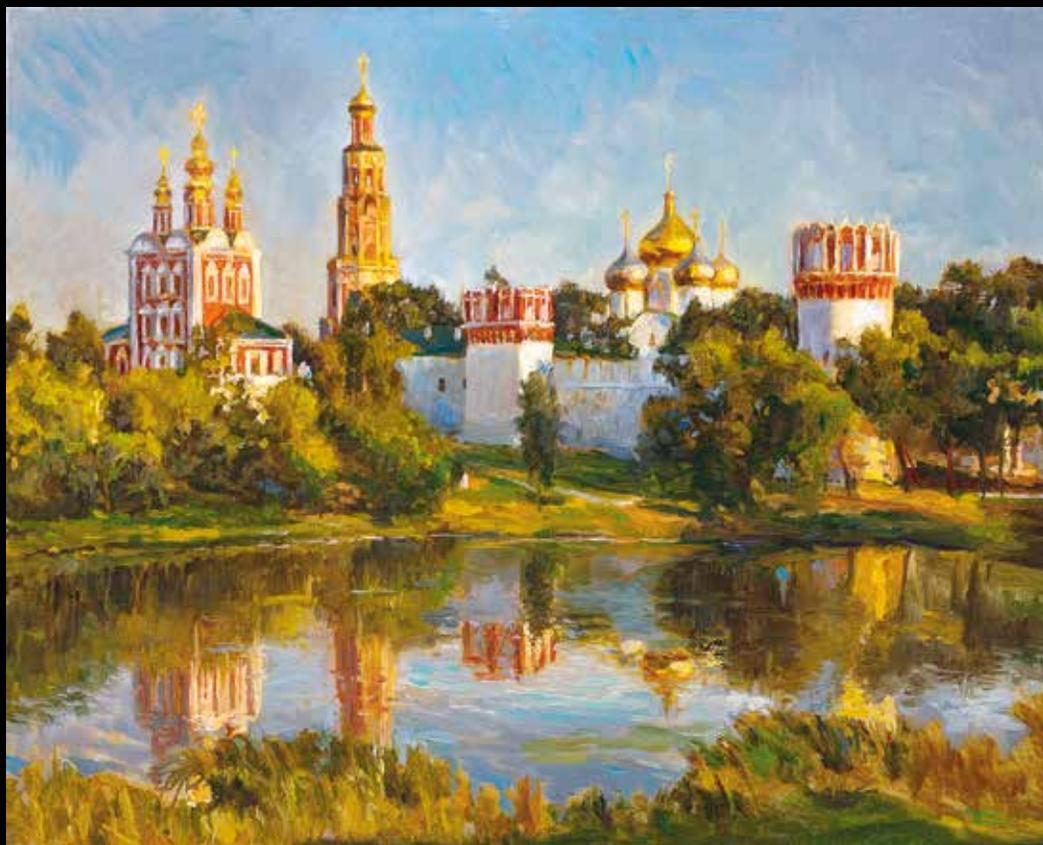
Майский день в праздник Святого Николая. Х., м. 62x71. 2012

Этюд Суздаль. Х. м. 30x48. 2018

Портрет Владыки Тихона. Под молитвенным покровом псково-печерских старцев, х. м. 70x100. 2021

Летний день в Москве. Донской монастырь. Х. м. 40x50. 2015

S.NIKAS

Только Он. Это только представить: Вовка Ведерников притащил несколько пачек патронов, и мы бросали их в пылающий костёр и ожерельем стояли вокруг огня. Трусили, но стояли.

Патроны начинали рваться. Это же Господь запрещал пулям лететь в нас, а мы-то думали, что это мы такие смелые.

А сколько раз подстерегала нас смерть на реке! По ней сплавлялось, это я потом узнал, по сто пятьдесят тысяч кубометров леса ежегодно. Представить это невозможно. Сплав был молевой, брёвна плыли вольно, застревали на перекатах, заиливались, ложились на дно. Жарким летом вода скатывалась быстро, лес в верховьях застревал, и тогда как раз напротив Красной горы делали затор, перегораживали реку, брёвна напирали, копилась, кострились, как торосы, и эта запруда поднимала воду. Сам же затор тянулся на полтора-два километра. По нему ходили на ту сторону. Но наступал день, когда затор нужно было разбирать. Рубили стальные канаты – затор стоял. Тогда закладывали аммональные заряды, всех прогоняли подальше и поджигали бикфордов шнур. Взрывы были такой силы, что брёвна летели, как спички из открытого коробка, если по нему снизу поддать рукой. Затор начинал поддаваться и уходить. Было особой доблестью бежать по мокрым брёвнам, несущимся в кипящей, коричневой от сосновой коры воде, на тот берег. И обратно. Что нас уберегало? Босые, плохо одетые, худые, но весёлые и счастливые. А с каких деревьев мы пикировали, с каких высоченных обрывов кидались зимой на лыжах!

А ещё мы мечтали о дальних странах. Мы же знали, что они есть, что есть города, железные дороги, большие самолёты, моря и океаны. Мы жадно читали книги. Слава Тебе, Господи, телевидения не было в нашем селе, это значит, что мы выростали без его хамского вмешательства в наше сознание. А книги были хорошими – вот главное. Не было, к нашей печали, религиозной литературы, но уверен, что её заменяла молитва за нас наших ещё до революции выросших дедушек и бабушек.

После ночной службы у Гроба Господня я вышел из храма и шёл по Скорбному пути. Не

было никого, Иерусалим спал. От моей рубашки ещё пахло сладким ладанным дымом, на душе было спокойно. Вот, думал я, свершилось главное событие моей жизни – я причастился у Гроба Господня. Что бы теперь ни было, это причастие со мною. Так думал я, что прожил главный день жизни. Но ещё прошло время, и я прочёл у отцов Церкви, что главный день земной жизни человека – это день его земной смерти, окончание земного сна, переход в жизнь вечную. То есть он у всех нас ещё впереди.

А пока – вечерний свет. Вечеров каждого дня бывает в жизни очень много, тысячи, а вечер жизни всего только один. Помню, набегавшись, наигравшись досыта, даже измучившись в беготне, мы садились на Красной горе и говорили. Не хотелось расходиться. Солнце уходило в тёмные заречные леса, становилось тихо и прохладно. Потом я прочёл об этих минутах, что чуткие души слышат, как плачет умирающий день.

Конечно, я буду плакать перед смертью: я так много свершил плохого, так многих обидел, столько принёс родным и близким огорчений, что буду просить всех о прощении. А главное – Господа. Это Его я обижал, Его распинал своими грехами. Но то, что человек приходит ко Христу, – это главное дело жизни. Отсюда и смысл её – спасение души. Только бы при последнем издыхании причаститься Святых Таин Христовых, только бы успеть сказать: «Помяни мя, Господи, во Царствии Твоем».

АЛЁШИНО МЕСТО

В нашей церкви долгие годы прислуживал батюшке Алёша, одинокий и, как казалось, несчастный горбун. Ему на войне повредило позвоночник, его лечили, но не вылечили. Так

он и остался согнутым. Ещё и одного глаза у него не было. Ходил он круглый год в валенках, жил один недалеко от церкви, в боковушке, то есть в пристройке с отдельным входом.

Он знал наизусть все церковные службы: литургию, отпевания, венчание, крещение, был незаменим при водоосвящении, всегда точно и вовремя подавал кадило, кропило, выносил свечу, нёс перед батюшкой чашу с освящённой водой – одним словом, был незаменим. Питался он раз в сутки, вместе с певчими в церковной сторожке. Казалось, что он был нелюдим, но я свидетель тому, как при крещении деточек озарялось радостью его лицо, как он улыбался венчающимся и как внимательно и серьёзно смотрел на отпеваемых.

Я ещё помнил то время, когда Алёша ходил бодро, выдвигая вперёд правое плечо, и казалось, что всегда, неутомим и бодр, будет служить, но нет, во всём Господь положил предел, Он милостив к нам и даёт отдохновение: Алёша заболел, совсем занемог, даже ходить ему стало трудно, не то что служить, и он поневоле перестал помогать батюшке.

Никакой пенсии Алёша не получал, даже и не пытался оформить её. Деньги ему были совсем не нужны. Он не пил, не курил, носил одну и ту же одежду и растоптанную обувь. Никакие отделы социального обеспечения о нём и не вспомнили. А вот военкомат не забыл. К праздникам, и в том числе ко Дню Победы, в храм приходили открытки, в которых Алёшу поздравляли и напоминали, что ему надо явиться за получением наград. Присылали талоны на льготы на все виды транспорта. Но Алёша никуда не ходил и ничем не пользовался. Кто его видел впервые, дивился на его странную, нарушающую, казалось, порядок фигуру, но мы, кто знал его давно, любили Алёшу, жалели, пытались заговорить с ним. Он отмалчивался, благодарил за деньги, которые ему давали, и отходил. А деньги, не вникая в их количество, тут же опускал в церковную кружку.

Мы видели, как тяжело он переживал свою немощь. С утра с помощью двух костылей при- таскивал себя в храм, тяжело переступал через

порог, хромал к скамье в правом притворе и садился на неё. Место его было напротив Распятия. Алёша сидел во время чтения часов, литургии, крещения, венчания и отпевания, если они бывали в тот день, а потом уже уползал домой. Певчие жалели его и просили батюшку, чтобы Алёша обедал с ними. Конечно, батюшка разрешил. Да и много ли Алёша ел: две-три ложки супа, полкотлеты, стакан компоту, а в постный день обходился овсяной кашей и кусочком хлеба. Иногда немного жареной рыбки, вот и всё.

Во время службы Алёша шептал вслед за певчими, дьяконом и батюшкой слова литургии, вставал, когда выносили Евангелие, причастную чашу, когда поминали живых и усопших. Стоя на службе, я иногда взглядывал на Алёшу. Его, будто траву ветром, качало словами распева молитв: «Не надейтесь на князи, на сыны человеческия», «Заповедей Блаженства», «Херувимской», и, конечно, он вместе со всеми, держась за стену, вставал и пел «Символ веры» и «Отче наш». Я невольно видел, как он страдал, что не может встать на колени при выносе чаши со Святыми Дарами, при начале причащения.

Когда кончалась служба, батюшка подходил после всех к Алёше и благословлял его крестом.

А ещё у нас в храме была такая бойкая старуха тётя Маша. Очень она была непоседлива. Но и очень богомольна. Объехала много святых мест и продолжала их объезжать.

– Да разве это у нас вынос плащаницы? – говорила она. – Вот в Почаевской лавре – там это вынос, а у нас как-то обычно. А что такое у нас чтение Андрея Критского? Пришли четыре раза, постояли, разошлись. Нет, вот в Дивеево, вот там – это да, там так продирает, там стоишь и рыдаешь. А уж Пасху надо встречать в Пюхтице. Так и возносит, так и возносит. А уж на Вознесение надо в Оптину. Вот где благодать. Там же и в Троицу надо быть. Сена накосят – запахи!..

Когда Алёша был в состоянии сам ездить, она его упрекала, что он не посетил никаких святых мест, а мог бы – у него, фронтовика,

РУССКИЙ СТИЛЬ

льготы на все виды транспорта. Алёша только улыбался и отмалчивался. Думаю, что он никак не мог оставить службу в храме. А она у него была ежедневной. Даже в те дни, когда не было литургии, Алёша хлопотал в церковной ограде, помогал сторожу убирать двор, ходил за могилками у паперти. Тогда Маша, решив, чтоб зря не пропадали Алёшины льготы, стала брать у него проездные документы. Поэтому, конечно, она так много и объехала. А уж когда Алёша совсем занемог, Маша окончательно взяла его проездные себе.

И вот Алёша умер. И как-то так тихо, так умиротворённо, что мы и восприняли очень спокойно его кончину. Я пропустил два воскресенья, уезжал в командировку, потом пришёл в храм, и мне сказали, что Алёша умер, уже похоронили. Я постоял над свежим золотистым холмиком его могилы, помолился и пошёл поставить свечку за его поминовение.

Пришёл в храм, а на месте Алёши сидела Маша.

– Наездилась, – сказала она мне. – Буду на Алёшином месте сидеть. Теперь уж моя очередь.

Потом какое-то время я долго не был в храме, опять уезжал. А когда вернулся и пришёл на службу, на Алёшином месте сидела новая старуха, не Маша. Оказывается, и Машу уже схоронили. И Алёшино место освободилось для этой старухи.

– С Алёшиного места – прямо в рай, – сказала она.

Часто я вспоминаю Алёшу. Так и кажется иногда, что вот он выйдет со свечой, предваряя вынос Евангелия, или сейчас поднесёт кадило батюшке, будет стоять, серьёзный и сгорбленный, при отпевании, и как же озарится его измученное, сморщенное лицо, когда «во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа» будет трижды погружаться во святую купель окрещаемый младенец.

Как и всякий другой, русский стиль имеет историю вопроса. Сама русская история создала основу его, христианство его одухотворило. Историков древности, со страхом и любопытством бросающих взор на славянские земли, прежде всего изумляло отношение славян к смерти. Пушкин не случайно взял одним из эпитафий слова Средневековья о нас: «Там, где дни облачны и кратки, родится племя, которому не больно умирать».

Это отношение к смерти, которое есть вообще главное в жизни человека и нации, и выделяет русский стиль из других. Наша, русская, жизнь не здесь, она в Руси Небесной. Но это не значит, что русский стиль предполагает пренебрежение к жизни земной, нет. Земная жизнь есть пропуск в жизнь небесную. Чем выше качества души, тем выше она вознесётся. Такие рассуждения, подкреплённые примерами, становятся убеждением русского художника и питают в его нелёгкой дороге.

Русский стиль вообще вряд ли связан с каким-либо именем. Он – дело соборное. Другое дело – инославные. Ходжа Насреддин, Шехерезада, Хайям – вот Восток. Акутагава – Япония, Лао Шэ – Китай, Фолкнер – одна Америка, Хемингуэй – другая, а третьей и не доищешься, Сервантес, Лопе де Вега – Испания, Фейхтвангер – иудейство, Шолом-Алейхем – еврейство, Диккенс – католичество, Агата Кристи – Англия для всех и так далее. Где совпадает нация и её основная религия, где – нет, но стиль присутствует всюду. Деление религий, растаскивание их на секты, течения фундаменталистов, новаторов, традиционалистов и лжепророков вредят стилю, понижают его авторитет. Стиль готовит мировоззрение политиков, но политики у нас без мировоззрения, только с жадной властью, отсюда все беды.

Образ жизни опять же глубоко национален, отсюда борьба русского стиля за его закрепление и продление. Индейка с яблоками на Рождество – вот и Англия, спагетти, да пицца, да капучино – Италия, но Россия – не пельмени с медвежатиной, её блюда многочисленны, русское обилие в еде предпочитало всегда гостей. Помещик Пётр Петрович Петух у Гоголя искренне сетует, что гости, перед тем как заехать к нему, по дороге перекусили. Помню по себе послевоенную нищету и голод, помню нищих, которые стеснялись войти в избу, если в ней обедали. Но обедавшие помнили о нищих. А обилие свадеб, крестин, поминок – все желанны за столом. Мы держимся за быт оттого, что в нём любовь к ближним и дальним.

Убивание, высмеивание космополитами вышивки гладью и крестиком, репродукции «Трёх богатырей» в колхозной столовой – всё это было убиванием русского быта и стиля. Вышивка – символ. Нет у девушки в руках иголки с ниткой – давай сигарету в пальцы. Соцреализм вроде бы и не отрицал национального, но оно было во многом картонной декорацией, ряженостью, привязкой к месту действия, а действие было одинаково везде: строительство неведомого светлого будущего. Стиль же предполагает следование за идеей, за периодами жизни, их ритмом и гармонией. Стиль в семидесятилетних испытаниях сохранялся в мечте о нём. Вырастая в сороковые, пятидесятые и так далее годы, мы ведь не только «Битву в пути», да Полевого, да Паустовского читали. Одна русская сказка, одна застольная русская песня перевешивала всю тяжесть соцреализма. Нерусская культура для России как кукуруза, сеявшаяся по приказу за полярным кругом, – всё равно вымерзнет, сама вымерзнет, даже времени на возмущение ею не надо тратить.

А ещё повезло в тяге по русскому стилю, что в шестидесятые хлынуло на нас обилие иностранной литературы, неплохой, кстати. Но как ни хорош Фицджеральд, а до Гончарова, например, ему как до звёзд. То есть всё мы перемолотили, Гамсуна оценили, Ремарком побаловались, а мало их для русского, который уже прочёл «Как ныне собирается вещей Олег»,

или «Скажи-ка, дядя, ведь недаром Москва, спалённая пожаром...», или «По небу полночи ангел летел...» Для русского, даже неверующего, но просто любящего Россию, нет сомнений, что Господь был в России. И как иначе после Тютчева: «Утомлённый ношей крестной, всю тебя, земля родная, в рабском виде Царь Небесный исходил, благословляя».

Ведь если русский стиль был, а он был, существовал, то он и есть, он действует, он живёт хотя бы в тоске по нему. Отсюда желание возврата к нему, отсюда обязанность русского художника его продолжать.

Проживать историю или жить в цивилизации? Но я никуда не денусь, я живу в цивилизации, но как писатель я живу историей. Я вхожу в общество потребителей, я просто обязан жить сегодняшней русской жизнью. Но надо видеть в бегущем времени проблески, пусть даже и гаснущие, вечности. Прогресс демократии вижу в одном – в прогрессе разврата, насилия, пошлости, в их агрессивности, в их лихорадочном румянце, в желании заразить всех.

Господа иностранцы никогда не поймут России, и не надо им ничего объяснять. Кое-что понимают те, кто понимает чувством, а всякие изыскания о России, об иконе и топоре – болтовня для сытых, справка для ЦРУ. Другое дело – люди, полностью, по силе своей любви к России начинающие ей служить: Востоков и Даль, Бодуэн де Куртенэ... Здесь пунктик, когда ненавидящие Россию всегда вопят о частичках нерусской крови в Пушкине, Лермонтове и так далее. Дело разве в крови? Дело же в любви к России, а значит, к православию. Но вообще для иностранцев мы непостижимы. Прости, Господи, я не видел никого глупее и самоувереннее американцев. Вспомним к случаю и князя Волконского. В лекциях по русской истории и культуре, читанных в Америке, он замечает, что, заставь иностранца говорить о России, и он непременно сморозит глупость. В массовой культуре нет русского стиля, есть его знаки: «посидим, поокаем», рубаха навыпуск, присядка, калинка-малинка, казачок... Но стиль – не этнография в костюме и рисунке танца, это образ мыслей.

Но снисходительно взглянет на наши доводы в защиту русской культуры демократ-нео-западник: «Как ни кричите вы, русские, о своём самобытном пути развития, а вышло-то всё по-нашему. Всякие ваши веча, да земства, да совестные суды – побоку! Приучили же вас к парламентам и спикерам, и никуда вы не делись. И префекты, и плюсквамперфекты, и мэры, и мэрии, и федеральность всякая уже хозяйничает в России. Ну кинем вам кость, дадим Думу, так это всё то же наше, западное, иначе только названное. И выборы сделаем, какие хотим, так что можете не голосовать, командовать будем мы. И в экономике будете хлебать нашу кашу, будете всю западную заваль потреблять за большие деньги. И в образовании будем вас окорачивать, своих выучим, вашим – шиш. Деньги в красный угол поместим, молитесь. Всё будем мерить на деньги. Культура только наша, то есть низкопробная, массовая, все сюжеты кино и театра – о деньгах, насилии, роскоши, погоне за удовольствиями. Вся трагедия индейцев Северной Америки стала основой боевиков, вся история Европы – сюжетом для развлекательных фильмов, так же поступим и с русской историей. Ивана Грозного сделаем чудовищем, Петра – героем-реформатором, Екатерину – самкой, Павла – недоумком, Ломоносова – драчуном и пьяницей, Пушкина – волокитой, остальных соответственно. Посмотрят дети и взрослые десятка два лет, так и будут представлять русскую историю – в наших картинках.

Это нам решать, что русским пить и есть, что любить, кого выбирать, что носить, за кого воевать, русские сами не способны ни к чему. Правда, мы ни разу со времён царя Гороха не дали русским быть в своей стране хозяевами, но нам лучше знать, кому верховодить в России...»

Так примерно говорят русским демократы нового толка. Западный путь развития во всем, куда ни глянь. «Мы победили, – кричат они, – значит, мы сильнее, значит, наша идея жизнеспособней».

Но так ли?

ПСАЛМЫ ДАВИДА

ПЕРЕЛОЖЕНИЕ МАКСИМА ЛАВРЕНТЬЕВА

Традиция поэтического переложения Псалтири уходит корнями в далёкое прошлое. В одной только России стихотворные переводы и свободные парафразы псалмов создавали крупнейшие литераторы, среди которых М. В. Ломоносов, А. П. Сумароков, Г. Р. Державин, Ф. Н. Глинка, Н. М. Языков, А. С. Хомяков. Современное переложение, выполненное Максимом Лаврентьевым, вписывается в этот ряд и обогащает традицию новой художественностью.

ЦАРЬ ДАВИД, ПСАЛМОПЕВЕЦ

Давид родился около 1035 года до н. э. в Вифлееме, он был восьмым и младшим сыном Иессея и происходил из колена Иуды. С детства Давид упражнялся в игре на псалтири (щипковый музыкальный инструмент) и в пении, а заодно научился искусно владеть пращей, отгоняя хищников от отцовского стада. Тогда же на него пал выбор пророка Самуила: втайне от

лишённого Божьей милости царя Саула пророк помазал Давида на царство.

Ни о чём не подозревавший Саул, прослышав о певческом таланте юноши, вызвал его в столицу, где Давид исполнял обязанности придворного музыканта, с успехом развлекая царя, подверженного частым приступам тоски и уныния. Вскоре пришелец из Вифлеема отличился и на воинском поприще. Явившись к царскому войску, Давид стал свидетелем уни-

зительной сцены: один из врагов, огромного роста филистимлянин по имени Голиаф, самодовольно вызывал на единоборство кого-нибудь из евреев. Видя, что никто не решается выступить против наглеца, Давид вызвался сам. Он воспользовался пращой – метким броском камня поразил Голиафа насмерть и, по праву победителя, отрубил ему голову его же мечом – для пушного устрашения филистимлян.

Ловкость в одночасье прославила Давида. Саул поначалу осыпал его милостями – одной из них стала женитьба юноши на царской дочери Мелхолое. С течением времени, однако, царь почувствовал в нём претендента на престол. Монаршее неудовольствие перешло в открытое преследование, что вынудило Давида бежать и скрываться, а позднее даже перейти на службу к своим прежним врагам.

Через несколько лет Саул пал в битве с филистимлянами (Давид не участвовал в этой войне). Сын Иессея воцарился в Иудее, а затем постепенно объединил под своим началом прочие области Израиля. Он перенёс столицу из Хеврона в захваченную у племени иевусеев крепость, известную нам теперь как Иерусалим. Для того чтобы ещё более возвысить значение города в глазах иудеев, Давид переместил сюда, во временную постройку на горе Сион, Ковчег Завета – символ союза Бога с израильским народом и ввел строго регламентированное богослужение. Кроме того, царь всячески способствовал установлению при нём справедливой судебной системы.

Политика Давида оказалась эффективной как внутри страны, так и за её пределами: объединёнными силами израильтян были побеждены филистимляне, покорены моавитяне, сирийцы, идумеяне; Израильское царство распространилось на восток до Евфрата, а на юг – до Египта и Красного моря. За исключением узкой прибрежной полосы, в новые границы вошла вся Земля Обетованная.

Одним из результатов завоеваний стало бурное строительство в Иерусалиме. В зените своего могущества царь собрался возвести здесь прежде невиданный по великолепию храм, но этому суждено было сбыться уже

при его преемнике и сыне Соломоне, рождение которого ознаменовало собою начало заката Давидова царствования.

Привыкнув к восточной роскоши, царь не стеснял себя в отношениях с женщинами: помимо Мелхолое, у него ещё в Хевроне имелось несколько жён и наложниц. От них родилось многочисленное потомство, что в будущем неизбежно должно было привести к раздорам и борьбе за власть.

Его старшие сыновья, Амнон и Авессалом, вступили в соперничество между собою. Авессалом убил Амнона, отомстив ему за насилие над их единокровной сестрой Фамарью. Давид простил убийцу, но тот, заручившись поддержкой черни, поднял восстание против отца, вынудил его бежать из Иерусалима. В решающем сражении Авессалом был побеждён и погиб. Власть царя, однако, оказалась настолько поколебленной, что последние годы жизни Давид провёл беспокойно, занимаясь умирением бунтовщиков. Умер Давид семидесятилетним, после сорока лет царствования. Своему наследнику он оставил баснословные сокровища для возведения храма.

* * *

Давид навсегда остался в истории своего народа как царь – объединитель Израиля, но его место в истории мировой культуры представляется не менее высоким и значимым. Псалмы Давида, молитвенные песни, которые он слагал всю жизнь, поистине не имеют себе равных. Давно став частью Еврейской Библии (Танаха), они перешли оттуда в христианский Ветхий Завет, где заключающая их в себе Псалтирь и поныне является одной из наиболее популярных книг, а по мнению некоторых – самой важной.

Вы держите в руках не совсем обычный её вариант. Это не Псалтирь как таковая, а именно псалмы Давида. В общем тексте литературного памятника, где собственно Давидовы псалмы занимают около половины объёма, они выделяются среди прочих своей интимной интонацией. Мы обнаруживаем тут не безликие славословия и не исторические экскурсы, но прежде всего

уникальный человеческий документ – дошедшее до нас через тысячелетия свидетельство личной веры в Бога. Автор в высокой степени искренен: он подвержен страстям и слабостям, не лишён ни страха, ни мужества, впадает в отчаянье и утешается, презирает врага, однако способен возвыситься и до сострадания ему. Перед нами живой, остро чувствующий человек, наш вечный современник.

Переложения Псалтири и отдельных псалмов на разные языки и в различные эпохи – тема слишком значительная, чтоб поднимать её в небольшом предисловии. Упомянем лишь о влиянии этого памятника на русскую литературу: начиная с древних летописей, сочинений Феодосия Печерского, митрополита Иллариона, Кирилла Туровского, Серапиона Владимирского, Владимира Мономаха литература наша полнится цитатами, аллюзиями и реминисценциями из Давидовых псалмов. Интересно, что с конца семнадцатого столетия предпринимаются попытки передать Псалтирь «на простом, обыклом словенском языке», «ради истинных ведомости и уверения неразумных и простых людей» (Аврамий Фирсов). Не последнее место в ряду таких попыток занимают стихотворные переложения. С учётом опыта М. В. Ломоносова, А. П. Сумарокова, Г. Р. Державина, Ф. Н. Глинки, Н. М. Языкова, А. С. Хомякова и многих других русских литераторов был найден новый подход к решению этой задачи.

Традиционная нумерация псалмов при новом их переложении опущена, так как она имеет смысл только в полной Псалтири. Некоторые псалмы переложены частично, ещё несколько по разным причинам осталось за рамками настоящего издания. Вину за любые несовершенства, замеченные в тексте, переложитель заранее берёт на себя, относя все достоинства на счёт Давида.

ПСАЛМЫ ДАВИДА

Максим ЛАВРЕНТЬЕВ

*

Блажен, кто с нечестивцем не сидит
и не стоит у честных на дороге,
кто не развратник, потерявший стыд,
а праведник, радеющий о Боге.

Как дерево у быстротечных вод,
он жизнь берёт корнями от истока.
Спешить не нужно: в срок созреет плод,
зелёный лист не упадёт до срока.

Успеет он во всех своих делах,
Господь его распорядится веком.
А те не устоят – они ведь прах,
они как пыль, взметаема ветром.

*

Зачем опять волнуют племена
цари земли, кругом измену сея?
На Бога восстаёт, не на меня,
в слепые души брошенное семя.

Господь их речью вразумит своей:
«Недаром он помазан над Сионом –
пределами иных земных царей
он будет править в мире населённом.

Настанет день – и убедится всяк,
что власть его над вами не для вида.
Молитесь же, чтоб гнев его иссяк,
а не дразните моего Давида».

*

«Господь! Мои враги, как саранча,
покрыли землю – так их стало много.
Друзья предать готовятся, ворча,
что поздно мне надеяться на Бога.

Но ты, о Боже, щит передо мной.
Ты слышишь голос мой и в мире горнем.
Не жду ничьей я помощи иной,
от клятв не отрекусь, убитый горем.

Господь обрушит огненный свой вал
на тьмы врагов – и вспыхнут как солома». Молился так Давид, когда бежал
от сына своего Авессалома.

*

О Господи, со мной повсюду ты!
Меня, как бы спелёнутого туго,
ты вывел на простор из тесноты
людского мира и земного круга.

А вы, мужи, в плену пуховых лож
размыслите о преходящей доле:
доколе жить вам, умножая ложь,
и суету свою любить доколе?

Размыслите – и, впавшие во грех,
очиститься от скверны будьте рады.
Веселья дух переполняет всех,
кто, мне подобно, служит Богу правды.

*

Услышь меня, мой Бог, мой Государь!
Хоть я молюсь и вопию из бездны,
душа перед тобой – открытый ларь,
все помыслы мои тебе известны.

Но столь же ясно различаешь ты
и то, что скрыть хотели бы злодеи,
и, как гроба, распаиваешь рты
коварным, чтобы выдали затеи.

Суди их, Боже, и отвергни их,
пусть всякий в муках корчится и стонет,
отравлен ядом замыслов своих,
пусть эта ложь сама себя исторгнет!

*

Не в гневе обличай меня, Господь,
не наказуй с жестокостью излишней.
Потрясены душа моя и плоть –
прости, помилуй, исцели, Всевышний!

Спаси, избавь! Коль смерть за мной придёт
и скроюсь я в земле, в её утробе,
и мне беспамятство закроет рот,
смогу ли славить Господа во гробе?

Страдаю я. Недугом истомлён,
слезами в полночь омываю ложе.
...Прочь, малoverы! Бог услышал – он
подал мне помощь, мой всеильный Боже!

*

Тебя, Господь, в защитники зову:
да не войдёт в шатёр царя убийца
и да не вырвет он, подобно льву,
души, когда бела как голубица.

Но если я бесчестно осудил,
со справедливым поступил неправо –
я, кто спасал врагов по мере сил, –
прах вся моя запятнанная слава!

Пусть мститель под землёй меня найдёт,
пусть будет смерть особенно жестока.
Царя, Господь, как и его народ,
взыскательно суди и столь же строго.

Свяжи язык лжецам (им нет числа!),
огнём пали мучителей кровавых,
тех посрами, чья совесть нечиста,
злых усмири и обессиль коварных.

*

Хулы глупцов, кому неведом стыд,
теряются в величественном хоре.
Господь наш Бог! По всей земле шумит
лишь именем твоим людское море.

Луну и звёзды, Боже, ты создал,
песчинки в беспредельности великой.
А человек и перед ними мал,
но ты его поставил здесь владыкой.

Всей тварью бессловесной правит он,
которая живёт под звёздной кущей,
и с ангелами сходством наделён –
твоё чтоб славить имя, Всемогущий.

*

Молитесь Богу, да сойдёт сюда
с горы Сион, что выше всех на свете.
Неправые не избегут суда
и попадутся в собственные сети.

Безумцы, похваляются они
могуществом над угнетённым, сирым,
как будто в мире этом лишь одни
ничьим сторонним не подвластны силам.

Везде свою добычу стерегут.
Коварные, как львы лежат в засаде.
Разнежился – и враг твой тут как тут,
подкрался тихо, нападает сзади.

Взыскующий за пролитую кровь,
восстань, о Боже, защити смиренных!
Геенну нечестивцам уготовь,
но прежде вырви слабых у свирепых.

*

Советуют мне жизнь мою спасти.
Мол, в сердце поразить враги готовы.
Но этим сердцем Бога я постиг,
Бог видит злонамеренные ковы.

Куда бежать? Везде один закон –
всезрящий, мудрый, справедливый Боже.
Испытывает нечестивцев он
в упорстве их, и праведников тоже.

*

Мнят человеки: «Право и закон
повсюду в мире установим сами
велеречивым нашим языком,
как цацками, играя словесами».

Глупцы! Их пустозвонное добро
в прах распадётся, что б ни говорили.
Нетленно слово Божье – серебро,
очищенное от земли в горниле.

*

«Нет Бога!» – вот откуда всё пошло.
Неверие – гноящаяся рана.
Нет никого, кто б не содеял зло,
все грешники, все непотребны равно.

Безумство рвёт и пожирает нас.
Разврат коварный каждого изранил.
Молитесь Богу, чтоб сошёл и спас.
Да возвратит из плена он Израиль!

*

Кто, Господи, на твой Сион взойдёт,
кто может пребывать в твоём жилище?
Тот, разумею, кто правдив, и тот,
кто выгоды от ближнего не ищет.

Кто не однажды на своём веку
убогих, сирых утешал в их плаче.
Не вёл себя под стать ростовщику,
но честен был с бесчестным наипаче.

*

О Боже мой, спаси и сохрани!
В терпимости святым да уподоблюсь.
Не совершали гекатомб они.
Лить кровь ручьями, разве это доблесть?

Доволен я ниспосланной судьбой.
Всевышнему добром обязан стольким,
что, видя Божий лик перед собой,
отвергну зло и буду в вере стойким.

*

Внемли, о Боже, ведь меня не раз
ты испытал, уста мои не лживы.
В делах людских, запутанных подчас,
я избегал насилья и наживы.

Взываю: от врагов оборони,
алкающих души моей и крови.
Они меня найдут в любой тени –
везде, одной твоей десницы кроме.

*

На избавление от бед и зол
 Давид, раб Божий, песнь сложил для хора
 о том, как Бог врагов его извёл.
 «Господь – моя надежда и опора!

Бессилел в муках я день ото дня,
 бесился, рвался зверь во мне наружу,
 смерть, словно цепь, давила на меня,
 разверзся ад, принять готовясь душу.

Но к Богу я воззвал из тьмы моей.
 Он услышал. Взглянул в земное чрево.
 Всё в основанье гор, пустынь, морей
 вдруг содрогнулось от Господня гнева!

Бог небо наклонил, спеша сойти,
 летит на крыльях ветра, в блеске молний,
 и руку простирает с высоты
 к Давиду, камня ставшему безмолвной.

Творец! Во мне, живущем лишь тобой,
 возжёт ты разум, как свечу из воска,
 дал щит и меч и вдохновил на бой,
 где сокрушил я в прах неправых войско.

Пресёк сопротивление на корню.
 Пока иноплеменники страшатся,
 народ мой беспокойный накормлю –
 пора вздохнуть, не вечно же сражаться.

Жив Бог! Его десница, не царя,
 врагов жестоких гнала и давила.
 Велик Всевышний, милостью даря
 помазанника своего, Давида».

*

Земля и небо, дело Божьих рук,
 свидетельствуют нам о нём воочью.
 Повсюду жизнь, повсюду свет и звук,
 движение идёт и днём и ночью.

Везде Господь, кругом его закон,
 которому подчинена природа.
 Кто это видит – с горем не знаком,
 ему и суд Господень слаще мёда.

Людские очи, Боже, просвети,
 умы от грешных помыслов очисти.
 Не дай нам сбиться с правого пути –
 того, что к неземной ведёт отчизне.

*

Да снизойдёт Господь к твоей мольбе,
 исполнив бескорыстные прошения,
 и да отпустит он грехи тебе,
 коль заслужил и стоишь ты прощенья.

Слепые люди! Хвалят без конца
 одни – коней, другие – колесницы.
 А мы восславим доброту Творца
 и мощь его спасительной десницы.

*

Ты, Господи, от смерти уберёг
 и дал Давиду всё, о чём просил он.
 Царь, о котором так радеет Бог,
 непобедим – врагам он не по силам.

Недолго им зломыслить и сплести
 себе же сеть, опутываясь ложью.
 Любому доведётся испытать
 что заслужил – гнев или милость Божью.

*

Молюсь и в полночь, и при свете дня.
 Напрасно. Такова Господня воля.
 Неужто, Бог, покинул ты меня?
 Неужто моего не слышишь вопля?

Опять злословят за моей спиной:
 «Он, видно, небу не угоден больше».
 Смеются нечестивцы надо мной
 и алчут крови. Помогите мне, Боже!

Кто царство растерзать моё готов,
 кто мечет жребий о моей одежде.
 Как пищи в голод просят сотни ртов,
 прошу я избавления. А где же?

Зову тебя. Себе же говорю:
«Ни коготь льва, ни рог единорога,
ни нож убийцы не вредят царю,
покуда уповаает он на Бога».

*

Господь – мой пастырь. В тучные луга
меня он вывел, дал живую воду.
И трапезу перед лицом врага
вкушаю я Всевышнему в угоду.

Мне голову елеем умастил –
и вот уже не думаю о тлене.
А срок настанет – Бог прибавит сил
идти к нему дорогой смертной тени.

*

Любому из подвластных мне людей
взойти на гору к Богу будет можно,
коль вёл себя как честный иудей,
а не лукавил и не клялся ложно.

Для них, Всевышний, распахни врата,
возрадуйся за праведников новых:
чисты душою, в сердце доброта,
и на руках нет крови невинных.

*

Без прошлого, такой, как стал теперь,
я не был бы столь угнетён и скорбен.
Не поминай грехов моих. Поверь,
Давид грехами, не годами сгорблен.

От них и голова моя седа.
Взывая к Богу, в страхе жду ответа,
хоть прежде он спасал меня всегда,
хоть он ко мне и милостив от века.

*

Пали меня ещё живым в аду,
кинжалом наноси за раной рану,
а в сборище коварных не пойду
и знаться с нечестивыми не стану.

Пусть даже весь народ предастся злу,
с Творцом вселенной в ослепленье ссорясь,
я и один воздам ему хвалу,
один свою не запятнаю совесть.

*

Господь – мой свет. Мне с ним неведом страх.
И понапрасну кажет враг свирепость:
спасенья не ищу в земных стенах –
есть неба неприступнейшая крепость!

Укроет Бог сиянием своим,
в котором не найдёт меня обида.
Я на колени брошусь перед ним –
и выше звёзд поднимет он Давида.

*

К тебе взываю, Господи: услышь!
Душа моя от многих бед изныла.
Хоть сердцем я люблю покой и тишь,
безмолвие твоё мне как могила.

Не погуби с бесчестным заодно,
с поддельным другом, с миротворцем ложным.
Из них да будет каждому дано
по мыслям и делам его безбожным.

Разрушив козни зла, благослови
страдающих – пусть пагуба отстанет.
Бог радости, Бог истинной любви
без утешенья нас да не оставит.

*

Сказал Давид народу в день, когда
заканчивался праздник урожая:
«Восславьте, отдыхая от труда,
Всевышнего, царю в том подражая.

Глас Господа, он дивен и силен –
становится герой пугливей лани.
Глас Господа, покинувши Сион,
кедровые леса крушит в Ливане.

Он гонит нечестивца – от огня
так дикий зверь спасается по тропам.
Глас Божий ободрял в беде меня,
но раздавался он и над потопом».

*

Сказал Давид, въезжая во дворец,
который для него и был построен:
«За всё благодарю тебя, Творец!
Я жил в норе – теперь мой дом просторен.

Я говорил: “Что пользы, коль умру?
Как послужу тебе, утратив плоть, я?
Спаси!” И свет проник в мою нору.
Я в царский плащ облёкса, сняв лохмотья.

Господь со мной! Грехи преодолев,
когда во зле душа моя томилась,
теперь я счастлив... Краток Божий гнев
и бесконечна к праведному милость».

*

Помилуй, Боже, ибо тяжко мне.
Друзья бегут, враги грозят обидой.
Вновь согрешив, по собственной вине
я чаше уподобился разбитой.

Те, кто вчера тайком злоумышлял,
кричат в лицо. Их ненависть смертельна.
Избавь меня. Я сир, убог и мал.
Прости и не покинь среди смятенья.

*

Блажен, чьи прегрешенья прощены,
поскольку нет в его душе лукавства.
И я страдал, и не скрывал вины,
и Бог подал мне лучшее лекарство.

Господь сказал: «Тебя на верный путь
наставлю я, обороню надёжно.
Зато и ты как жеребец не будь,
которого смирить уздой лишь можно».

*

Ни света – только тьма со всех сторон,
ни времени здесь не было сначала.
Возрадуйтесь о Боге, ибо он
всё сотворил. Господь сказал – и стало.

Но берегитесь вызвать гнев Творца –
любые стены он легко повалит.
Не в наши лица Бог глядит – в сердца.
Спасётся тот, кто сердцем уповает.

*

Меня, прошу, о Боже, защити
от ищущих души, как хищник – мяса.
Пусть ангел твой настигнет их в пути,
пусть злобные во злобе посрамятся.

Кого из них одолевал недуг,
молился за того я даже в полночь,
как будто это мой страдает друг,
не мешкал никогда прийти на помощь.

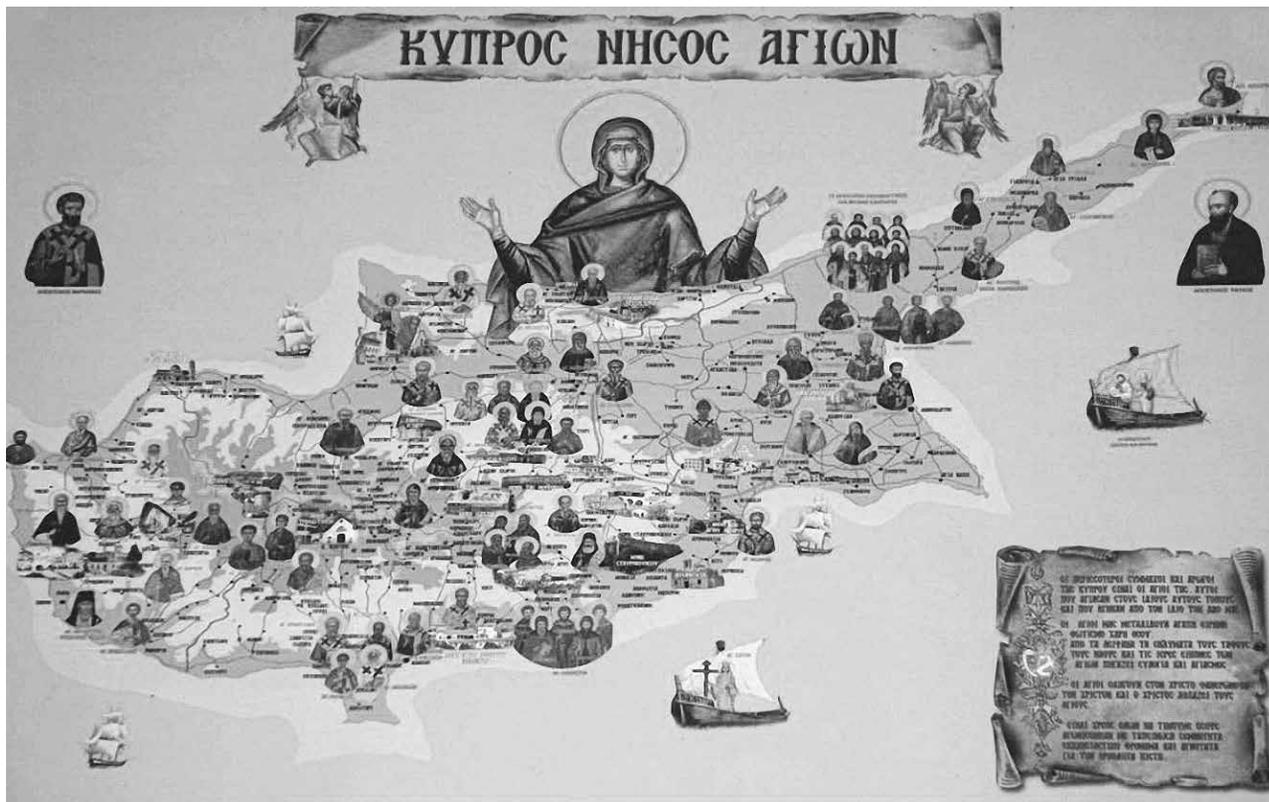
А коль случилось мне попасть в беду,
какая б ни трясла меня зараза,
они, хоть были скорбны на виду,
едва не разрывались от злорадства.

С разборчивостью горний наш судья
да отнесётся к моему посланью.
Не торжеством – утешусь правдой я
и справедливость Господа прославлю.

*

Вот беззаконник: хитрый, жалкий вор.
Паскудна мысль, полно неправдой горло.
Зато какой самодовольный взор!
Какая спесь! Как выступает гордо!

Продли, Господь, мне милости твои,
которыми одаривал доныне.
Насыть законом, правдой напои,
не дай душой окаменеть в гордыне.

Жипрские

Валерий ГАНИЧЕВ

заметки

У МОНАСТЫРЯ АПОСТОЛА ВАРНАВЫ

Кипр скромно примостился в уголке Средиземного моря. Многим кажется, что лежит он в стороне от главных исторических событий, которые влияли на ход мировой цивилизации, её развитие. Ну курортные места, ну офшорная зона да несколько памятников...

Если же взглянуть глубинно, всмотреться в его вековые очертания, постигнуть историю и веру киприотов, то прозвучит зов времени, услышится кифара древнего грека, вы увидите, как выйдет на берег пенная Афродита, разольётся на вас дух самоотверженного первохристианства, с шелестом древнего оливкового дерева прилетит проповедь первых апостолов.

Вы ощутите, что именно сюда причалила, отправляясь на Афон, Царица Небесная. Поэтому и остров находится под покровом Богородицы, поэтому из 1621 храма на Каире 382 посвящены Божией Матери.

С помощью дипломатических паспортов и номеров машин торгового представителя России Сергея Ивановича Богатова и нашего консула мы проникли за тот кордон, который закрыт для греков-киприотов и русских туристов. Мы в зоне турецкого владычества, туда после известных событий высадились турецкие войска, отсюда изгнаны греки. Как говорят ушедшие оттуда, особых распрей между ними до раздела не было. Считают, что с Кипра начался предсказанный господином Хантингтоном раскол

между цивилизациями и религиями. Думаю, что этот наукообразный признак XXI века был при неразумии и раньше. Но именно тут, на турецкой части Кипра, остался и испаряется кусок кипрско-греческой цивилизации. Тут без паломников стоит монастырь Святого апостола Андрея Первозванного, место его пребывания, тут пустуют места, где высаживались и проповедовали апостолы Варнава и Павел, храмы оказались без священников, монахов и молитвенников. Как и в период Осmano-Мамлюкского ига.

Нам, однако, повезло, Турция, имея свои геополитические интересы на территории России, с последней считается. Поэтому русские дипломаты не были задержаны ни чиновниками ООН, ни турецкими пограничниками и мы пересекли эту набухшую раздорами границу прямо в центре столицы.

До столицы Кипра Никозии из Ларнаки, где мы остановились, наши машины ехали вдоль зелёных и возделанных полей, рощ оливковых деревьев, часто встречающихся посёлков, церквей. За турецкой частью Никозии потянулись рыжие пересохшие поля, чахлые кустарники, всё чаще вставляли минареты, которых раньше здесь не было. Исчезли сады, орошаемые земли, исчезли и храмы, которых здесь было много. С автостреды свернули на почти просёлочную дорогу. В небольшой лощине замаячил храм. Да, это место, где упокоен один из самых верных учеников Христа, апостол Варнава, основатель и защитник кипрской церкви.

Для многих из нас Варнава мифологичен, лишён каких-либо отличительных черт. Здесь же, на Кипре, он приобретает реальность, проявляется как один из ярких борцов за веру, за души людей. Кипрский историк архиепископ Киприанос писал в первой половине XIX века: «Не знаю, кто из других апостолов защищал свою родину так, как Варнава, который при жизни освободил своих земляков от идолопоклонничества и привил им веру в Господа нашего Иисуса Христа, а после смерти своей освободил святую Церковь его родины от посягательств Антиохийской церкви и поднял авторитет Церкви на высокий уровень в рамках церковной иерархии».

Да, Варнава – выходец из Кипра, родился в еврейской семье левитов, профессиональных священников. Звали его Иосия. Продолжая путь родителей, он направился в Иерусалим, чтобы получить религиозное образование у вождя – идеолога фарисейства Гамалина, там он подружился с Савлом из Тарса Киликийского. Однако дороги их впоследствии разошлись. Иосия стал одним из верных учеников Христа, а Савл – яростным гонителем его последователей.

Став учеником Христа, Иосия нарекается именем Варнава, что означает «сын просьбы». У его сестры Марии, в её доме, часто собирались апостолы. По одному из преданий, там и происходила Тайная вечеря. Общение с апостолами не прошло бесследно для сына Марии Иоанна, наречённого потом Марком и ставшего впоследствии одним из евангелистов. Он ведь и собрал знаменитое Евангелие от Марка.

После Воскресения Христа Варнава продаёт свои многочисленные земельные участки вблизи Иерусалима и начинает проповедовать учение Христа.

Произрел и соученик Варнавы Савл. Он пришёл к апостолам из Дамаска в Иерусалим, чтобы вместе нести веру Христову.

Апостолы относятся к бывшему гонителю христиан с недоверием, но Варнава ручается за него, и Церковь принимает Савла под именем Павла в свою среду. В Книге Деяний апостола Луки сказано, что Дух Святой и подвинул Павла и Варнаву на путь подвижнического служения. Со страстью включаются они в эту Божескую работу. Бесстрашно проповедуют

среди язычников, что выводит христианство за пределы иудеев.

«Все вы, во Христе крестившись, во Христа облеклись, – сказал Павел, – нет уже иудея, ни язычника, нет раба; ни свободного, нет мужского пола, ни женского, ибо все вы одно в Христе Иисусе» (Гал. 3, 27–28).

Из Антиохии, где и родилось великое слово-символ «христиане», апостолы направились в другие земли. Когда они служили Господу и постились, Дух Святой сказал: «Отделите мне Варнаву и Савла на дело, к которому Я призвал их. Сии посланы Духом Святым, пришли в Селевкию, а оттуда отплыли на Кипр».

Можно предположить, что именно Варнава, получив вдохновенный толчок и благословение Духа Святого, пригласил Павла на Кипр, куда они и отправились в 47 году вместе с племянником Марком. Со страстью и вдохновением проповедовали они на острове, среди общин иудеев и греков, где языческие боги были давно укоренены, особенно распространён был культ богини любви и красоты Афродиты.

Возможно, это древнее поклонение доброте и хорошему сразу предрасположило киприотов к христианству. Сам римский проконсул Кипра Сергей Павел обратился к новой вере. Это говорит о силе проповедничества, ибо раб, бедный, неимущий видели в христианстве силу объединения против горя и зла, а проконсул, судя по всему, почувствовал в учении истину и духовную силу.

Высадившись в древней Саламине (ныне находящейся за зелёной полосой границы, на турецкой части острова), апостолы пришли к своим сородичам иудеям «и, бывши в Саламине, проповедовали слово Божие в синагогах иудейских». В городе Катционе они встретились с оживлённым Христом Лазарем и назначили его епископом Катциона. Далее двинулись вдоль острова и дошли до тогдашней столицы города Пафоса, проповедуя среди язычников. Были тут бедные и зажиточные, мужчины и женщины. Дерзнули они обратить своё слово и доказательство к власти. «Прошедши весь остров до Пифа, нашли они некоторого волхва, лжепророка, который находился с проконсулом

Сергием Павлом, мужем разумным. Сей, призвав Варнаву и Павла, пожелал услышать слово Божие. А Элима, волхв (ибо то значит имя его), противился им, стараясь отвратить проконсула от Веры. Но Савл, он же и Павел, исполнившись Духа Святого и устремив на него взор, сказал: о исполненный всякого коварства и всякого злодейства, сын диавола, враг всякой правды! Перестанешь ли ты совращать с прямых путей Господних? И ныне вот рука Господня на тебя: ты будешь слеп и не увидишь солнца до времени. И вдруг напал на него мрак и тьма, и он, обращаясь туда и сюда, искал вожатого. Тогда проконсул, увидев происшедшее, уверовал, дивясь учению Господню».

Так в результате проповедей и деяний Варнавы и Павла Кипр стал первой в мире страной, которой управлял христианин. Апостолы явили то, что во имя «веротерпимости» они не допускали пропаганду всякого религиозного заблуждения.

Затем апостолы отправились в Малую Азию, и в 50 году Варнава вместе с Марком вновь прибыл на Кипр. Тут он стал епископом Кипрским. Но иудейский волхв Элим не забыл обид и наступления на веру иудейскую. Он организовал заговор и вывел на площадь своих единомышленников, которые казнили Варнаву казнью толпы – забросали его камнями. Марк похоронил апостола недалеко от города Саламина, сокрыв его от возмущённого кощунства иудеев.

Кипрская церковь почитала Варнаву, но Антиохийская церковь не хотела отдельных поклонений, не давала ей свободы решений. И вот тогда-то кипрскому епископу Анфиму и явилось видение апостола Варнавы, который и указал ему место своего захоронения и поведал о Евангелии Марка, которое тот положил ему на грудь. Епископ немедленно отправился на могилу и обнаружил Евангелие, с которым он отправился в Константинополь к императору Зенону. Евангелие от Марка осталось в Царьграде (храм Св. Стефана), а Зенон и III Всемирный собор предоставили Кипрской церкви автокефалию. В грамоте, дарованной по этому случаю, предписывалось архиепископу Кипрскому подписываться красными чернилами, носить

красную мантию и императорский скипетр вместо обыкновенного архиепископского посоха.

Место святых мощей апостола Варнавы обозначилось небольшой церковкой. Рядом возник монастырь его имени... Вот туда-то мы и приехали. Монастыря, конечно, уже не было – был музей икон. Как стыдливо написано в турецком путеводителе по музею, «три старых монаха, не имея средств к пропитанию, покинули недавно монастырь». «Мировая ценность, памятник ЮНЕСКО, поэтому ещё не снесли», – мрачно сказал позднее грек Михалидис, объясняя ситуацию.

Возле монастыря, то бишь музея, никаких поселений, лишь поодаль дом, наверное, для служителей, которых мы видели внутри дворика. Вдоль всех соединённых строений, внутри комнат музея, наверное, бывших келий, протянулся арочный навес. В углу приютились оливковое дерево и орех. В центре уже не действующий фонтан. В бывшем храме выставлены иконы. В одном месте десять икон Георгия Победоносца. Георгию на острове очень поклонялись. Вторые по количеству храмов – храмы Георгия, всего их 315 (!). Простенок выделен Илье Пророку, рядом серия икон Елены и Константина Византийских. Конечно, хорошо, что иконы сохранились, но из духовного церковного ряда их вывели. Лишь мы молились в пустующем храме-музее перед этой галереей духовных святынь. Да и не знаю, можно ли это было сделать при надсмотрщике, или смотрителе, который вышел. Из музея пошли к небольшой церковке, расположившейся невдалеке. По какому-то застывшему, прозрачному воздуху, невидимому ореолу, приблизившись, почувствовали, что тут – святыня. Да, из крошечного храмового зала вниз вела лестница, и в небольшой пещерке, накрытой красной плащаницей, стоял саркофаг. Здесь и захоронили любимого ученика Христа, бесстрашного и преданного ему Варнаву. Коленопреклонённо читаем молитву, прикладываемся к святому месту. Слава Богу, что стараниями наших дипломатов мы здесь, у великой святыни христианской...

...Ещё один бросок, и мы у величественных и красивых развалин города Саламина.

Свою печать рядом колонн, банями, амфитеатром, остатками языческих храмов и базилики оставили древние Греция, Рим, Византия. На город обрушивались захватчики, землетрясения, пожары. Бывал он и столицей. Отсюда на острове начинало шествие и христианство. И здесь народу почти не было. А место своими историческими памятниками вполне могло бы соперничать с Сирийской Пальмирой, Ливанским Библосом и Бальбеком. Но, как и в древние времена, вражда разделяет народы.

СТАВРОВУНИ. КРЕСТ ГОСПОДЕНЬ

Сколько же благодати излилось на Кипр и киприотов за многие века! За что? За стойкость в вере, за усердное моление, за то, что первый державный владетель-христианин был тут, за то, что первый президент нового государства в XX веке был православный архиепископ, за то, что над десятками монастырей воспаряет ежевечерне и ежеутренне одухотворённая молитва стойких воинов за веру Христову. Да мало ли ещё за что, ибо знает всё об этом сам Господь.

Он же знает и о грехах. Знают об этом и священники, исповедующие жителей. Стоят на коленях киприоты, каются, просят прощения. Тут, в древнем монастыре Ставровуни, исповедовался и я. Крепкий, истинный воин Христов, священник, монах этого монастыря, внимательно выслушал мою исповедь, потом покрыл епитрахилью и медленно прочитал разрешительную молитву по-гречески. На душе стало легко и светло, ибо тут, в монастыре, приложился я к сиятельному Кресту Господню, силой Божией Воли бывшему здесь. Да, ведь именно тут в 327 году н. э. оказалась императрица Елена после своего путешествия в Иерусалим, где обнаружила она три креста, на которых были распяты Иисус Христос и два грешника. Известно, что она, чтобы определить Крест Христа, приказала прикладывать их к умершему. Когда один крест приложили к покойнику, он воскрес. Так определили Крест Господень. Елена повезла бесценный святой груз в Константинополь. У Кипра разыгралась буря, корабли зашли в бухту. И ночью над горой Ставровуни поднялся сияющий крест, который каким-то образом исчез с корабля. Елена была потрясена и повелела построить здесь монастырь. Так и стоит этот духовный бастион. По вьющейся горной дороге поднимаемся туда. У небольшой церкви на площадке перед монастырём остались мои спутницы. Дальше – монастырский вход. Туда женщины подняться не могут. Мы с Михайлисом, архитектором и финансистом, окончившим Одесский строительный, и монахом-иконописцем Каллиникосом поднялись по петляющей дороге, которая выводит к стенам монастыря. Там – через аркаду на второй этаж, где храм, где Святой Крест, частица которого оставлена святой Еленой. Говорят, что истинный Крест то исчезал, то возвращался.

В 1888 году монастырь горел и уберёгся лишь маленький кусочек истинного Креста. Он и стоит в правой стороне иконостаса внутри церкви.

Особая намоленность в храме и необычно яркие фрески, недавно сотворённые Каллиникосом, но мы туда, туда... к Кресту, становлюсь на колени. Молюсь, чтобы вышла вся мелочность, суетность, пустячность...

К Кресту подходит седой старый монах, похожий на отца Димитрия Дудко. Прошу благословения, рассказываю о святом праведнике Фёдоре Ушакове. Он целует иконки из Санаксарского монастыря. Я прошу у него благословения. Он благословляет и с интересом выслушивает мой рассказ о святом праведном адмирале. Мне кажется, что Фёдор Ушаков, как никто, может сыграть важную роль в укреплении русско-греческих, русско-кипрских связей. Его миссия ничем в этих странах не затуманена. Он боролся против злейших врагов греков – османцев, он создал первую после 300-летнего турецкого владычества греческую православную республику семи островов, дав бесценный опыт для будущего независимого греческого государства.

Монастырь как бы парит в воздухе. С трёх сторон обрывистые скалы. С одной из сторон лежит обвалившийся громадный камень – целая гора. Произошло это недавно. Казалось, злые силы пытались несколько раз уничтожить монастырь. Какая-то дьявольская сила пыталась расчленить монолит, расколоть его. Но монахи не сдались. В гору впрыснуто, введено много цемента. Железные балки скрепляют её основы. Всюду на склонах, во впадинах насыпаны из принесённой земли огородики. На них лежат, выставив желтоватые бока, дыни, кабачки, помидоры. Любой клочок земли заняли монахи, возделывают их, кормят себя сами. Удивила кухня: она современна, с электронно-металлическими плитами, вытяжками. На трапезном длинном тёмно-коричневом столе уже были расставлены чашки и тарелки. У входа в кухню в горшках и амфорах выращивается лук. Кухня тоже нависает над пропастью. Рядом с ней часовня. В ней колодец и склад. Вход в монастырь Святого Креста, т. е. в церковь, в кельи, исповедальни, к колодцам и к небольшой галерее истории монастыря, – с одной, западной стороны. Площадка вымощена. И очень много громоотводов. Говорят, что тут небывалая электрическая активность, атмосфера насыщена, часто проносятся разряды молнии. Наверняка, как считают монахи, следы того вознесённого сюда Креста Господня.

У ЛАЗАРЯ, СВИДЕТЕЛЬСТВОВАВШЕГО СИЛУ ХРИСТОВУ

И опять на Кипре столкнулись мы с библейским историческим свидетельством. Тут стоит церковь Святого Лазаря. Она в центре Ларнаки, этого известного в XVII–XIX веках всему Средиземноморью города. Известного потому, что тогда на пространствах Османской империи уместились тут консульства из Англии и Венеции, Неаполитанского королевства и Испании, из адриатической Рагузы и лазурной Генуи. Были тут пристанища францисканцев и тайные обители Ватикана. В глубь портов иностранцы не рисковали заходить, а на одной из морских оконечностей умещались и размещались с удобствами.

Сюда же, в этот город, и приехал, скорее бежал, в начале первого века известный всему христианскому миру Лазарь. Да, да, тот самый Лазарь, умерший от болезни и воскресший по воле Христа. Свидетельствуют, что Спаситель любил одноклассника Лазаря и его сестёр Марфу и Марию. Он часто бывал у них дома, беседовал, трапезничал.

В Лазаря входила духовная сила Иисуса, он многое понял в тиши, сам тянулся к Христу. Но в отсутствие Христа, находясь в Вифании, вдалеке от Иерусалима, Лазарь был поражён смертельной болезнью. Врачи не помогли – он умирает. Проходит день. Марфа и Мария мечутся: они хотят принести своё горе Христу, просить его помощи. Лишь на четвёртый день он приходит к усыпальнице. Возле неё стоят скорбящие, взирающие, злорадствующие. Душа уже отлетела, но сила любви Христа такова, что Лазарь оживает, возвращается с того света. Чудо! Великое чудо свидетельствует о могуществе, даже всемогуществе Сына Божия: Лазаря, выходящего из темницы, приветствуют, рукоплещут, провозглашают здравицы Христу.

Как так, через четыре дня после смерти, виденной всеми, после того, когда дух тлена

слышен был всем, человек оживает, является миру? Ученики Христа эту силу ощущали уже давно, а простые люди только слышали и вот – увидели. Перед ними предстал живой, оживший, воскресший после четырёх дней загробной жизни человек, его и назвали после этого Лазарь Четверодневный. Вера во Христа, в его чудесную силу прокатились по всей Иудее. Он становится самой силой против фарисеев. Пожалуй, именно тогда они и решают убить Иисуса. Нет человека – нет проблемы. Эта бериевская заповедь именно оттуда, от фарисеев, от древних иудеев. Но народ торжествует. К нему пришёл Спаситель. Иисус, зная всё о будущем, выезжает в рукоплещущий Иерусалим. Рядом с ним идёт, как свидетель могущества

Божиего, Лазарь. Тёмные силы знают: нет человека – нет проблемы. Иисуса распинают. Но они не знают, что он – Бог. Иисус передал себя для искупления всех и отверз вход в Царство Небесное. И ведь одним из первых ощутил это Лазарь. И поэтому после смерти Христовой на него обрушился гнев фарисеев, ибо он был прямым живым свидетельством всемогущества Христа. Нет человека – нет проблемы. За Лазарем начинают охотиться, и он бежит на Кипр, где и поселяется в Ларнаке, где проповедует веру Христову. Через 12 лет этого удаления от Иерусалима на остров прибывают апостолы Павел и Варнава. Они тоже проповедуют здесь. И, хорошо зная Лазаря, назначают его епископом в Ларнаке, каковым он и остаётся 18 лет. Он проповедует, укрепляет веру, поддерживает связь с апостолами и приглашает

Матерь Божию посетить эту, уже христианскую землю. Святая Мария любит воскрешённого Её Сыном Лазаря и на присланном им корабле приезжает на Кипр. Правда, по дороге шторм сбросил в море многих спутников, смыл подарки для Лазаря, вышитые рукой Богородицы. Но она ступила вместе с несколькими учениками Христа на Кипр. Вот почему здесь столь многие свидетельства покровительства Божией Матери. Лазарь встретил её, молился за её сына и проводил в обратный путь, в будущий путь на Афон.

63 года прожил Лазарь, и погребли его здесь, на церковном кладбище. На саркофаге было написано: «Лазарь Четверодневный. Друг Христа».

Дальше происходит то, что и со многими святыми. Его мощи куда-то исчезают (вспомните исчезновение и второе обретение мощей Серафима Саровского). Лишь в 890 году император Лев Мудрый обнаруживает их. Часть мощей он решает перевезти в Константинополь, а в Ларнаке, на месте усыпальницы, строит церковь Святого Лазаря. К сожалению, та церковь погибла, и на её месте только в XVIII веке восстановили храм.

...Вот сюда и приехали мы в яркий, полный света, лучей, тёплых ветерков средиземноморский день. У входа сидел священник и благословлял желающих. Мы же, постояв во внутреннем восхищении перед теми неисповедимыми путями Божиими, которые привели нас сюда, к мощам отнюдь не мифического, а реального Лазаря, вошли в храм. В храме крестили. Детский крик наполнял его до куполов. А родители, получив вынесенного из алтаря младенца, радостно принимали его от священника, покрывали поцелуями. Отныне он защищён именем Христовым, он христианин. Мы обошли ряд икон, развешанных на стенах и колоннах, известных и менее известных у нас святых. Потом приложились к благодатной иконе Лазаря. И вот спускаемся вниз, в самую сердцевину храма. Там, в подземной пещере, где святые мощи Лазаря, зажигаем свечи. Долго стоим у мраморной мощевицы, опускаемся на колени, прикладываемся. Подумать толь-

ко! Почти две тысячи, а если точнее, тысяча девятьсот семьдесят лет назад силой Божиего духа этот человек встал из гроба и явил собой силу Христову. Это невиданное явление имело такую духовную силу, что день воскрешения Лазаря занесён церковью в разряд своих двенадцатых праздников.

Пламя свечи колеблется, отсветы от них размыывают тьму в углах, высвечивают цветы, стоящие в окружении, и источник, водой которого мы омыли лица. Да, тут лежат честные останки Лазаря Четверодневного, друга Христа.

Мы из прохладной вековечной тьмы выходим в сегодняшний мир, где отныне воскрешённый Христом Лазарь имеет для нас чёткие временные и мемориальные границы.

КИККСКАЯ СВЯТЫНЯ. ИКОНА АПОСТОЛА ЛУКИ

По горной дороге. Выше. Выше. Туда – к вершине. Туда – к небу. Там известный на весь православный мир Киккский монастырь. Там всекипрская ценность, там общехристианская святыня – «Киккская Божия Матерь». Дойти туда, да и доехать – нелегко. Дорога извилиста, часто круто взмывает вверх, кое-где не ограждена, за её краем – смертельная опасность.

Чем выше, тем всё меньше незаросших прогалин, сплошняком встаёт лес. Тут царство дуба, кипариса, алеппской сосны и кустарников, скрепляющих склоны.

Выше. Выше. К монастырю. К иконе Божией Матери. К Богу.

...Тут где-то тысячу лет назад в пещере молился монах Исая. Молился он, прося у Богородицы небесного покровительства для киприотов, на земли которых посягали то египтяне, то финикийцы, то арабы, то римляне. Сейчас островом владеет Византия. Но эта хоть по языку и вере близка. А что будет дальше? «О Пресвятая Дево Мати Господа, Царице небесе и земли... Призри с высоты святая твоя на нас, с верою и любовью и поклоняющихся пречистому образу твоему...»

И виделось старому греческому монаху, что благосклонно глядит на него Дева Мария и

глаголет, что спасёт она христиан Кипра, если перенесут её лик, сотворённый апостолом Лукой, из императорских чертогов далёкого и блистательного Константинополя сюда, на Кипр, где найдёт она приют, а киприоты получат заступничество. Монах молился, молился, не слыша ничего... Внезапно удар палкой возвратил его на грешную землю. Два раза подходили к нему слуги наместника византийского императора Эмануила Вутомитиса, заблудившегося в горах после охоты, и спрашивали о дороге. Монах не слышал – он молился.

– Побить этого нечестивца, чтобы знал, как надо почитать наместника императора! – крикнул Вутомитис.

Слуги пинками и палками показали власть хозяина острова. Монах и под ударами творил молитву. Наместник махнул рукой и стал продираться сквозь заросли. К вечеру попали ко дворцу. А его самого зашатало, закорёжило, рвало, появилась сыпь, он слабел с каждой минутой, хотелось спать. Что? Что это за болезнь? И внезапно прорезала мысль: «Ты побил невинного старика! Ты побил молящегося человека! Ты кричал на монаха, что делал Божие дело!»

Как ни вознесён был Вутомитис своим властным и гордым умом над другими людьми, он понял, что совершил грех. Большой грех. Впадая в забытье, он попросил слуг, чтобы они нашли монаха и привели его в покои. Монах был спокоен и строг, выслушав слова извинения и просьбу излечить, остановить наказание. Исаяя стал в изголовье и сотворил молитву. Она была тихой и длинной. Затем положил сухую ладонь на лоб наместника. Жар у того уходил, куда-то выдувался, сыпь рассосалась, а упругие, жёсткие мысли выстраивались в благодатный, добрый ряд...

– Монах, проси у меня что хочешь. Что надобно тебе?

– Всё, что надо, нам даёт Бог. А есть в Константинополе писанная апостолом Лукой икона Божией Матери. Она, по Её повелению, должна быть тут!

Эмануил Вутомитис остолбенел. Да как он смеет, этот монах! Как смеет он просить из императорских чертогов икону, писанную самим

евангелистом? Как? Внезапно что-то кольнуло в груди, потом в желудке, и он сдержал себя. Угрюмо ответил:

– Ты же знаешь, что это не в моих силах. Это может только один император.

Монах тихо сказал:

– Ты выздоровеешь. А воля Божией Матери всё равно свершится. Скажи об этом императору.

Исайя перекрестил Вутомитиса и вышел... Когда императорский наместник сошёл на пристани в Константинополе, то сразу почувствовал что-то неладное в городе. Не кружились хороводы всегда беспечных славян, не сидели развалясь в тавернах со стаканами неразведённого вина скифы, не шумели многоголосые рынки, даже собаки притихли и не хватили за ляжки нищих.

– Дочь императора при смерти, вся в красной сыпи, её рвёт и бросает в сон! – сообщил ему младший брат, приехавший встречать и получать подарки.

Как молнией прожгло Вутомитиса: «Это она, это его болезнь...» И, не заезжая домой, он кинулся в императорский дворец. Алексей Комнин, император Византийский, никого не принимал и только раз в полчаса слушал трясущихся от страха врачей. Вутомитис прорвался, объявив страже, что у него есть лекарство для дочери.

– О великий! Знаю о твоём горе! Я только с Кипра, где излечил меня от подобной хвори монах Исаяя!

Император, казалось, ждал этой вести и с недоумением взглянул на наместника:

– Где же он? Почему ты не с ним?

– О великий, я только здесь узнал о хвори дочери твоей. Я мчусь на всех парусах и вёслах туда... однако, – сделал он паузу, – монах требует непомерную плату...

Алексей Комнин прервал, властно подняв руку:

– Нет такой цены, которую не смог бы заплатить византийский император за жизнь своей дочери... Отправляйся скорее...

...Когда монах вошёл в покои дочери, она открыла глаза, которые вот уже несколько дней были закрыты. Оглядев всех и не узнав отца, она

опустила веки. Исаяя сотворил молитву. И на глазах императора совершалось чудо. Белые ланиты розовели, красная сыпь, наоборот, бледнела и исчезала, а руки, которые гладили живот, как бы гася боль, успокаивались. Глаза широко распахнулись, и дочь медленно, как бы со сна, сказала:

– О дорогой мой отец, как я долго спала!

Император опустился возле кровати дочери на колени и покрыл её руки, лоб, щёки поцелуями. Потом встал и ласково сказал:

– Благодарю тебя, монах Исаяя. Проси всё, что ты хочешь, у византийского императора.

Монах поклонился и без раздумья сказал:

– Мне явилась Божия Матерь и сказала, что та икона, что писана апостолом Лукой, находящаяся в твоём дворцовом храме, должна быть на Кипре. Мне же ничего не надо.

Тень пробежала по лицу императора. Не пристало ему отправлять святыни в дальние византийские провинции. В сердце входила жёсткость и властность. Просьба монаха была непомерна. Дочь шевельнулась и устало сказала:

– Отец, спроси у него, когда я встану с постели.

Она благодарно кивнула монаху. Исаяя, не ожидая вопроса от императора, ответил:

– Дочь Христова, ты будешь здорова к вечеру...

Гнев уходил из сердца императора. Он снова готов был сделать всё для монаха. Но эта светящаяся икона? И, пересилив себя, устало сказал:

– Благодарю тебя, монах, я буду думать, как выполнить твою просьбу. А сейчас езжай на Кипр с Вутомитисом и жди.

...Не успел доехать до острова Исаяя, быстроходная галера с императорскими гребцами догнала их корабль. «Император заболел. Он ждёт монаха во дворце!» Снова творил молитву в императорских покоях Исаяя, снова молча обращался он к Богородице, прося исцеления. Император открыл глаза и тихо сказал:

– Я знаю твою просьбу. Приходи завтра утром.

Утром, сидя на троне, он величественно предстал перед монахом и пригласил его жестом сесть в отдалении. Дочь разместила у него в ногах и по-доброму глядела на Исаяю. Затем

император повелел принести столик и положить на него две одинаковые иконы. Два года назад он велел заказать иконописцу Каллиникосу копию иконы Умиления. Каллиникос был известный во всей Византии мастер священного искусства. Он работал долго. А теперь и сам император не мог разобраться, какая из икон писана Лукой. Император, запахнувший багряную туннику, был ещё не совсем здоров, его знобило, казалось, он чего-то ждал. Помолчав, изрёк:

– Исаяя! Ты спас, отмолил мою дочь... Я благодарю тебя за эту спасительную молитву. Ты спас и отмолил меня. Я ещё раз благодарю тебя. Ты просишь увезти с собой икону, которая освящала наш город, спасала его от голода, холода и землетруса. И это высочайшая плата. Она кажется даже непомерной. Но нет цены, которую я бы не заплатил за жизнь дочери своей. Нет цены, которую не заплатит Византия за жизнь своего императора.

Он властно взглянул на архонтов, наместников, воинов, судей, окружавших его и склонившихся в согласии.

– Подойди, святой отец, – обратился он к Исаяе, – к иконам. Укажи на ту из них, которую ты возьмёшь на Кипр.

Исаяя встал и медленно подошёл к столику. Он долго всматривался в два, казалось, одинаковых лика. Божия Матерь смотрела с обоих из них. В её глазах были грусть, печаль и скорбь. Она испытала всю горечь крестного пути её сына, Она знала, что ждёт людей. От неё исходил ровный золотой свет, и Она, казалось, ждала решения, хотя и знала, каким оно будет. Исаяя молчал. Молчал зал. Молчала дочь императора. Исаяя знал, что его родным, его братьям и сёстрам, людям Кипра предстоит много испытаний и надо не ошибиться, надо привезти на остров Спасительницу. Зал молчал. Император в нетерпении перебирал пальцами по посоху. Исаяя вздохнул и замер. Мохнатая золотистая пчёлка, невесть каким образом влетевшая во дворец, вывела его из раздумья. Сделав круг над его головой, она осторожно села на одну из икон. Вот он, вот – знак! Это она, эта икона писана апостолом Лукой при житии Богородицы. Исаяя указал на икону. Император вздохнул, погладил по голове дочь

и отдал приказ Вутомитису: «Сопроводите её на остров. Берегите!»

Весь остров вышел навстречу Богородице. Кланялись люди, клонились деревья, пригибались к земле ветры. Отныне Кипр под покровом Богородицы.

А в Киккском монастыре с тех пор в печати игумена в центре была пчела.

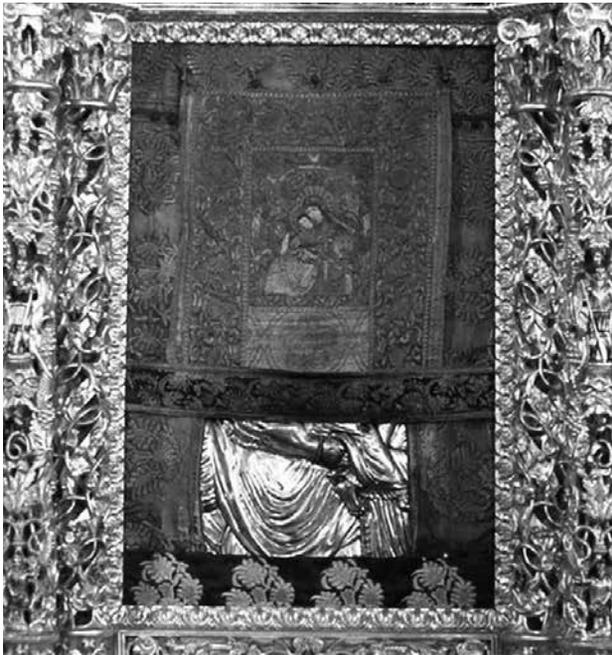
МОНАСТЫРЬ ВОКРУГ ИКОНЫ АПОСТОЛА ЛУКИ

Да, появившуюся святыню надо было оградить, дать ей защиту и постоянную молитву. В горах Троодосских, куда в давние времена проникнуть было почти невозможно, и возник монастырь Киккос. Первое вложение в его построение сделал император Алексей Комнин, передавший киккскому народу икону Божией Матери, писанную Лукой. Дальше монастырь произрастал и возвышался на труде монахов, на приношениях и вкладышах прихожан. Его духовная и историческая слава: сияние иконы апостола Луки сделало Киккский монастырь самым известным монастырём на Кипре...

С душевным волнением вошли мы в его врата, вышли во внутренний дворик с галереей вдоль второго этажа, заполненной мозаичными картинами из Ветхого и Нового заветов.

Из дворика вниз, через арку, вы спускаетесь на предцерковную площадь внутри монастыря. Тут вход в главный храм. Справа от дверей – мозаичное изображение Киккской Божией Матери, так со времени появления на острове иконы Умиления Божией Матери, писанной апостолом Лукой, она стала называться на Кипре. В таком небесно-лазурном цвете, наверное, и можно было видеть её до 1795 года. С тех давних пор массивный серебряный оклад закрыл лик. Каждого, кто пытался открыть его, ждало наказание. Говорят, где-то рядом должна лежать засохшая рука того, кто не исполнил этот наказ. Я не видел её, не до того было, мы входили в храм.

У многих намоленных православных храмов свой приглушённый тёмно-золотистый, красно-коричневый цвет, или общий тон. Он – от золочёных окладов, от потемневшего сусального золота икон, от охры фресок, от жёлто-оранжевых языков свеч, от тысяч молитв, произносимых верующими и живительным

невидимым слоем окутавших иконостас, своды и колонны храмов.

Намоленность – категория незримая, но осязаемая, в том числе в этом неповторимом колере старинных храмов. В этом храме... она ощущалась с первых шагов: вы как бы входите в светло-коричневый грот, со стен которого в вас вселяется гармония чувств. В кипрских церквях можно приложиться к внешним алтарным иконам иконостаса. Заходим на алтарь справа, через небольшую дверцу, и с душевным трепетом идём по священному ряду к Самой. Прикладываемся к иконам святых, архангелов, и вот... Она в верхней части закрыта золотистым покрывалом, в нижней – серебристая окладная длань с тихо мерцающим изумрудом, открытая для трепетного прикосновения. Какие-то тёплые токи пронизывают вас, отдаются в сердце, заставляют оставаться возле иконы. Рядом ещё мгновение, ещё мгновение... Вас не торопят, понимают, что вы получаете благоволение. Ведь после того, как апостол показал Богородице своё творение Духа, она смиренно сказала: «Пусть Его благоволение входит через мой лик». Все понимают: сегодня высокий день в вашей жизни. Вы идёте дальше вдоль иконостаса, креститесь, прикладываетесь к другим иконам. Вот икона более поздняя, список с Киккской Богородицы. Она тоже благодатна и мироточит. Кстати, тут, на Кипре, есть немало

икон Киккской Богородицы, что создало целый стиль – Киккотисса. Сходим вниз. Послушник, молодой парнишка, хорошо говорящий по-русски, дарит всем ватки с благодатным маслом от Самой. Да, день сегодня особый, ибо по греческому и кипрскому церковному календарю сегодня день рождения Богородицы. Через два часа будет торжественная служба. Мы молчим, опускаем глаза, знаем, что у нашего навигатора Сергея Ивановича через два часа важная встреча и надо возвратиться в Лимасол. Сергей Иванович Богатов почувствовал нашу внутреннюю просьбу – остался.

Какое счастье встретить за границей верующего, сочувствующего, понимающего собрата. Таким он и был, как и его ангельская Ирина, зоркий и внимательный сын Иван, показывающий путь в хитросплетении кипрских дорог...

Двор церкви, мозаичные галереи заполняются богомольцами, паломниками, в большинстве своём женщинами. До чего же красивы греческие крестьянки, как благородны их лица цвета греческой терракоты, обрамлённые седыми волосами и чёрными платочками. Они разместили вдоль галереи свои матрацы и одеяла, поставили корзиночки с едой (хотя в монастырской трапезной паломников кормят бесплатно). Их молитвенные голоса будут вплетаться во всеобщие и утренние хоры. Икона Киккской Богородицы к тому времени была опущена из алтаря в центр храма. Все прикладываются к ней и, наклонившись, проходят под ней. Как проходили мы в Успенье Божией Матери в Пюхтинском монастыре. В греческих храмах вдоль стен и по всему залу стоят кресла с высокими резными спинками. Прихожане и монахи молятся сидя, вставая на начало и конец службы, главные молитвы. Мы, достав молитвословы, стояли.

Раздалась барабанная дробь. Нет, не военная, не маршевая, а какая-то вековая, немного тревожная, оповещающая, предшествующая важному, идущая сквозь века от иерусалимских площадей, греческих акрополей, собирающая первохристиан. Да, это шли на моление в храм монахи. Игумен Никифор повёл службу. Грянул густой монастырский хор. «Отче наш...» звучало по-гречески и близко нам. Молятся старые, молодые, дети, ре-

спектабельные господа и обветренные крестьяне. Сегодня молится весь Кипр.

Спасибо тебе, Киккская Божия Матерь, что привела нас сюда, на этот вдохновенный и красивый праздник.

Возвращаемся. Помолчали вначале. Потом разговорились. Сопровождавшая нас от храма Святого Лазаря Наталья Зыкова добавила информации об истории монастыря, связанного с фамилией великого киприота, архиепископа Макариоса. Помню, как в 60-е годы мы переживали и поддерживали мужественную борьбу за независимость Кипра. Во главе же борьбы был архиепископ. Это было что-то новое, необычное для советских людей: монах, верующий, в духовном звании и в то же время возглавляет национально-освободительную борьбу, идёт во главе масс, любит Россию, приезжает встречаться с членами Политбюро. Да и победа пришла к киприотам, потому что у них был такой вождь, такой духовный пастырь.

Добытая в борьбе независимость сегодняшнего Кипра с тех пор и навсегда связана с именем мужественного архиепископа.

А ведь его характер, дух, вера, непреклонность отковывались здесь, в стенах Киккского монастыря, куда он пришёл в 13 лет, молился усердно. В 1956 году его единогласно избрали архиепископом Кипра. С того момента он, Макариос III, пообещал, что отдаст все силы вере и народу. Его независимая политика была не по нутру англичанам, оккупировавшим остров с 1878 года. Он был арестован и сослан на далёкие Сейшельские острова. Когда я летел в 1991 году в Антарктиду, то самолёт сделал вынужденную посадку на этих довольно милых и даже курортных островах. Но тогда, в 50-х, это было колониальное захолустье – место каторжников и заключённых. Народ ждал своего духовного лидера и в 1959 году, когда он возвратился, избрал его первым президентом Республики Кипр. Макариос сделал выбор, дал пример, который и нынче не под силу многим нынешним правителям. «Мы не присоединимся ни к какому политическому или военному блоку и не согласимся ни с каким иностранным вмешательством или влиянием в определении и осуществлении нашей политики», – твёрдо заявил Макариос. Авторитет

его рос, и он, наряду с Д. Неру, Ф. Кастро, И. Тито, Г. Насером, К. Крумой, П. Лумумбой, был одним из самых авторитетных мировых политических лидеров движения неприсоединившихся стран. Его останавливала греческая хунта, турецкие фундаменталисты, британские атлантисты – не удалось. Его пытались арестовать, пытались изолировать, пытались убить. Ничего не получилось – он остался жив. Его пытались отстранить от Матери-церкви – верующие не позволили. Переворот греческих экстремистов в 1974 году привёл к тому, что Макариос был изгнан с Кипра. Остров был разделён на греческую и турецкую части. Через пять месяцев Макариос был востребован Кипром. Он застал хаос. Страна разорвана на две части, разрушена. Президент собирает силы, организывает работу, собирает гуманитарную помощь, помогает тысячам беженцев и молится, молится, молится. 3 апреля 1977 года во время литургии сердце у Макариоса отказало – инфаркт. Мимо его гроба, установленного во дворце, прошёл почти весь Кипр. Усыпальница Макариоса находится рядом с Киккским монастырём. Там, на высоте орлиного полёта, упокоился этот великий киприот, великая личность XX века, великий молитвенник за православную свою страну.

В монастыре молятся. В монастыре молятся и трудятся. Кругом вы видите возделанные грядки, где трудятся монахи. В монастыре молятся, но и заботятся о своей пастве, беспокоятся. Деревни обезлюдывают, лишаются детей, уходят в город взрослые, умирают старики. Как сделать снова населёнными эти горные сёла – крепости кипрского духа, кипрского благополучия? В монастыре стараются изменить ситуацию. Вначале построили в ближайшем селе фабрику по переработке фруктов и овощей. Это для взрослых. Потом помогли школе, насытили её техникой, компьютерами. Это для детей. Помогли возвести кофейню. Ведь грек, особенно старый, не мыслит себя без кофейни.

Могут спросить: не слишком ли мирские заботы у монастыря?

Нет, считают настоятель и монахи, ибо они хотят, чтобы рядом с ними были те, кто также молится во славу Божию.

Евгений ХАРИТОНОВ

Родился и живёт в г. Белгороде. Член Союза литераторов при Белгородском отделении Союза писателей России.

Лауреат литературной премии «В поисках правды и справедливости» партии «Справедливая Россия – За Правду» (г. Москва, 2022 г.).

Автор книги стихотворений «Абрикосовая осень».

Публиковался в периодических изданиях России и стран СНГ.

СВЯЩЕННАЯ БИТВА

В лесах не отыщешь брусники с опятами,
Здесь выжжено всё от снарядов и мин.
Кто ж знал, что Победу весны сорок пятого
Добыть в этот раз нам придётся самим?

Изрыты окопами тихие просеки,
В пригорки корнями вросли блиндажи.
А рядом, в низине, виднеются носики
«Тюльпанов»¹, готовых прорвать рубежи!

В землянках ночами, томясь от бессонницы,
Вновь пишут солдаты своим матерям
О том, что Россия врагам не поклонится,
Что смерть не указчица русским парням.

К груди прижимая нательные крестики,
Пойдут поутру штурмовать города.
Ах, только бы мамам слова «пропал без вести»
На почте прочесть не пришлось никогда.

В лесах не отыщешь брусники с опятами,
Здесь выжжено всё от снарядов и мин.
Но в битве священной с врагами заклятыми,
Как деды и прадеды, вновь победим!

¹ «Тюльпан» – советский 240-мм самоходный миномёт

ДЕРЕВЕНСКАЯ НОЧЬ

Петухи заре пропели.
В будке дремлет старый пёс,
Как ребёнок в колыбели.
Из какой-то тёмной щели
Тени высунули нос.

Эти тени словно души
Тех, кому уж не помочь.
Что ж вы лезете наружу?
Кто-то рвёт соседа груши.
Пёс сопит. Деревня. Ночь.

ПТАХА

О чём поёшь так грустно, птаха,
Присев под окнами на ель?
Уж не о том, что в Волновахе
Гнезда не свить тебе теперь?

О том, что некому в Попасной
Тебя с ладони угостить?
И мест в Херсоне безопасных
Отныне нет, чтоб погостить?

Такая боль в твоём вокале,
Что просто за душу берёт!
Любой, кто выжил в Соledаре,
Тебя, голубушка, поймёт.

Кто чудом спасся от осколков,
Кого вернул на землю врач,
Чей дом стал грудюю обломков –
Услышат в пенье горький плач.

Жаль, нет на свете троп окольных,
Где б нам не выдалось тужить.
Теперь и звоном колокольным
Твой птичий крик не заглушить!

Лети, родимая, по свету,
Неси печаль свою и грусть.
И кто б ни слышал песню эту,
Пускай помолится за Русь.

В ИНЕЙ РЯЖЕННЫЕ ИВЫ

Птичьи гнёзда незаметно опустели.
Лесом сброшены осенние костюмы.
Вновь пушистые, крылатые метели
Украшают мир в серебряные дюны.
Реки шустрые уснули подо льдами,
Заглушив свои журчащие мотивы.
А над ними, не поладив с холодами,
Загрустили в иней ряженные ивы.
Обожгли своим дыханием морозы
Ив плакучих обескровленные веки.
И в кристаллики закованные слёзы
Осветили обездвиженные реки.

РОССИИ ВЕРНЫЕ СЫНЫ

Всё чаще снится мне ночами,
Как суд вершить над палачами
В эпоху яростной войны
Шагают русские сыны.
Над каждым свет струится Божий,
А под одеждою на коже
Ведёт их с верой в бой смертельный
Броня Господня – крест нательный.
И вновь, рассветом пробуждённый,
Смотрю на день новорождённый,
А в нём свои же вижу сны –
Идут в объятия войны
России верные сыны.

ОСЕННИЙ КОНЦЕРТ

Всё-таки смолкла звенящая музыка лета,
Жаль, не хватает на год у неё волшебства.
Кружится в танце с чарующей ноткой балета
В рыженьких юбках гонимая ветром листва.

Липкий туман меж домами повесил кулисы,
Видимо, осень готовит вечерний концерт.
Окна оближут дожди, пробежав по карнизам,
Будто бы марки, что клеят потом на конверт.

А поутру горизонт улыбнётся восходом
С ярким румянцем на солнечных пышных щеках.
И задымится земля, как труба парохода,
Снова купаясь в упавших лучах-лепестках.

ДОРОГАМИ ВОЙНЫ

По земле, где нет целых домов и мостов,
Мы идём в окружении чьих-то крестов.
Здесь с годами померк на табличках окрас,
Словно взгляды людей, не дождавшихся нас.
Вот парнишка лежит девятнадцати лет,
Годы жизни видны, фотография – нет.
Рядом с ним по бокам два убогих креста,
Слева мама, а справа... табличка пуста.
А на этой могиле, заросшей травой,
Улыбается с фото, совсем как живой,
Белокурый старик, сто морщинок на лбу,
Будто рад, что зашли на могилку к нему.
В те минуты и сам вспоминаешь отца...
Вновь могила и надпись: «Стоял до конца!»
Это брат наш погиб, выполняя приказ,
Жизнь отдав за меня, за тебя, за Донбасс!
Сердце вырваться хочет из крепкой груди,
Если взгляд, как нарочно, сумеет найти
Среди этих кому-то угодных смертей
Чуть заметные холмики павших детей.
В этот миг просыпается дикая злость,
Лезет к горлу, застряв поперёк, словно кость.
И, за души детей про себя помолясь,
Мы шагаем вперёд сквозь метели и грязь
По земле, где нет целых домов и мостов,
Ощущая все взгляды сутулых крестов.
И наверное, каждый подумал не раз:
Сколько Бог тех крестов приготовил для нас?

ПОСЛЕДНИЙ КРИК ОСЕНИ

Стоял ноябрь. И днём и ночью
Листвой увядшей кровотожил
Безбрежный мир в его руках.
С холмов спустился, весь в мехах,
Туман седой и мрачноватый,
Как пёс опасливый, лохматый,
Лишившийся своих цепей,
Свободы жаждущий теперь.
И той свободой окрылённый,
К земле, листвою опалённой,
Прижался ветреной душой.
И мир, до этого большой,
В его объётах растворился –
Так утром мне туман явился

В своём обличии густом,
Виляя радостно хвостом.
Но нрав осенний переменчив:
Порой он робок и застенчив,
Порою пылок и строптив,
То он свиреп, то он игрив.
Капризна осень, как дитя!
Вдруг за окном увидел я –
Проснулись яростные ветры,
Склонив к земле рябины, кедры,
А пса, что мне вилял хвостом,
Секли невидимым хлыстом.
Туман по улице метался,
Сбежать отчаянно пытался
От гнева явленных врагов.
Я сделал несколько шагов
К своей двери, открыл и вижу –
Туман ко мне всё ближе, ближе,
Рукой схватился за косяк
И, обезглавленный, иссяк.
Я дверь закрыл, унынья полный,
Но слышал, как за ней упорно
Свистел свирепый хлыст ветров,
Рубя похлеще топоров
Деревьев высохшие ветки –
Коварной осени объедки.
Когда закончится всё это?
Зачем вообще уходит лето,
С его невинной чистотой?
Где лес с щетиною густой
Пленит невольно песней птичьей.
Где неба синего величье
С весёлой зорьки до зари
Весь бранный мир боготворит.
Ах, летний день как кот мурчащий!
Бежит себе ручей звенящий,
Бросая брызги-жемчуга
На заливные берега.
Утих ветров порыв бесстыжий.
И двор, листвою укрывшись рыжей,
Молчал, дыханье затая,
Пленённый властью ноября.
Как будто ждал, покорства полный,
Ветров осенних гнев повторный.
Но зря терзали опасенья,
То был прощальный крик осенний!
Настало время чар и нег –
С небес сорвался первый снег.

Елена ОСМИНКИНА

Елена Фёдоровна Осминкина – филолог, поэт, публицист, литературный критик. Член Союза писателей России, заслуженный деятель искусств Республики Крым, лауреат международных литературных премий и конкурсов. Автор девяти книг и около 500 публикаций в московских, республиканских и региональных изданиях.

БЕСПРЕДЕЛЬНОСТЬ

В галактических пределах,
 В тайнах долгих космове́рст
 Миллиарды жёлтых, белых,
 Голубых ярчайших звёзд!
 И ведь это только части
 От вселенских берегов,
 Где галактик разной масти –
 Вне охвата для умов!
 Беспредельность и безмерность
 У вселенского лица
 И логическая верность
 Высшим замыслам Творца.
 Там, в просторе небывалом,
 Как в сиянье хрустала,
 Храбро мчится точкой малой
 Наша милая Земля.

МНОГОЛИКОСТИ ВСЕЛЕННОЙ

Мы с тобой – Землёй рождённые.
 Но высоты вечно манят
 Сокровенностью бездонною,
 Когда сумерки шаманят.
 Задышало небо звёздами,
 И планета задремала
 После ливней шальных с грозами
 Во вращении усталом...
 В звёздно-газовых туманностях
 Возле солнц, иных и светлых,
 По законам высшей данности
 Кружат дальние планеты.
 И на них, быть может, вещими
 Так же ветры дуют разом
 Или стужи сеют вечные
 Снежно-белые алмазы.
 Смотрят тихими озёрами
 Вечно в небо, не мигая,
 И полянами весёлыми,
 Где гнездится жизнь другая.
 И Создатель бесконечности
 Волей к жизни неизменной
 Вновь и вновь творит из вечности
 Многоликости Вселенной.
 В ней, совсем не одинокие,
 Мы в душе хранить готовы
 Откровения высокие
 От миров, рождённых Словом.

ТАЙНЫ ПРОСТРАНСТВА

Как удивительно пространство,
 Включая Солнце и Луну,
 Планетный мир, галактик царства –
 Вселенной ширь и глубину!
 И велико, и беспредельно:
 Способно всё в себя вместить.
 При этом гармонично цельным
 Казаться только? Или быть?
 Оно как общий дом – частицам,
 Кометам, звёздам, существам,
 Но и способно в них ютиться
 Согласно высшим чудесам.

Николай ПОЛОТНЯНКО

НОВЫЕ СТИХИ

* * *

Россия есть, пока он с нами,
Наш Пушкин – солнечный поэт.
Умнейте, граждане, стихами,
Чтоб различать, где тьма, где свет.

Умнейте все, кто есть живые,
Чтобы с колен пред правдой встать.
Ищите в Пушкине Россию,
В нём дух её, и ум, и стать.

Я БЫЛ УЖЕ НА ЭТОМ СВЕТЕ

Я был уже на этом свете
И слышал ровный шум берёз.
И видел, как, от солнца светел,
Парит над гладью вод погост
В молочно-розовом тумане,
Волнуя душу красотой...

Но храм сожжён.
Подобно ране,
Навек оставленной войной,
Как призрак ужаса пред мной
Он встал, и в жилах стынет кровь.

В него людей советской веры,
Детишек, женщин, стариков,
Согнали изверги бандеры.
И всех сожгли...

Я был среди них
Бездонной памятью поэта.
Я слышал их ужасный крик.
И вам кричу сейчас про это!

**Валентина ДОНСКОВА
(ТАНАНОВА)**

* * *

Я в мире выдумки немало лет жила,
Горела в пламени придуманной любви,
Покой в потере оглушающей нашла,
Поверив смыслу ледяному: «СЕ ЛЯ ВИ».

Теперь мне чудится, что вовсе ты не жил.
Где было солнце – там зияет пустота.
Была бы в жизни воплощённая мечта,
Когда бы душу в твоё тело Бог вложил.

Но что же делать?! Ты совсем не виноват.
Ты не просил, чтоб я придумала тебя.
И, может, сам в достоинств призрачных наряд
Оденешь женщину какую-то любя.

Мы часто ищем неземное на земле,
Цены не ведаем ни близким, ни себе
И, не узнав однажды милого лица,
Жестоко раним наши души и сердца.

ВЕРБА

Твой мощный ствол...
И древние морщины...
И роскошь буйная
Побегов и ветвей.
Жила ты в век
Прабабушки моей
И, даст Бог,
Будешь жить
При внуках сына.
Твоих ветвей зелёный водопад
Тревожит ветер, треплет, развеивает,
Листва твоя трепещет и играет,
Красив и нежен вешний твой наряд!
Быть может, и прабабушка моя
Сюда под вечер тихо приходила
И в горе утешенье находила,
Как нахожу его сегодня я.
Щекой касаясь теплоты ствола,
И руки разведя, и слёз унять не в силах,
Молитвенно шепчу: «Создателю хвала!
Я счастлива была! Я этот мир любила!»

* * *

Вишня тоненькой девчонкой
 Над крутым обрывом встала,
 Над рекой весенней звонкой,
 Над полоской краснотала.
 Платье белое трепещет,
 И венок трепещет белый.
 Красотою душу печат
 И как будто печат тело...

* * *

Всё явственнее признаки
 Усталости моей,
 Серебряные призраки
 Весенних тополей
 Воздели ветви белые
 В осенний снегопад,
 Снежинки оробелые
 Над осенью летят.

И, кожу русалочьей
 Почувяв холода,
 Дрожит от криков галочьих
 Студёная вода.
 Стоят нагими толпами
 Деревья у реки –
 И снег, и листья жёлтые...
 Мгновенья – мотыльки.

Пожухли, поломались
 У речки камыши,
 Где мы вчера купались –
 Сегодня ни души.
 Лишь шорохи неясные,
 Лишь лепет сонных вод
 Да в небе птиц встревоженных
 Прощальный хоровод.

Причины или признаки
 Усталости моей –
 Серебряные призраки
 Берёз и тополей,
 Скольжение беззвучное
 Тяжёлых облаков,
 Соседство неразлучное
 Пройдох и простаков.

ВСТРЕЧА

Ты идёшь мне навстречу –
 Это много и мало.
 А в степи душный вечер –
 Солнце в тучи упало.

На губах твоих бродит
 Улыбка мальчишья.
 И во мне, и в природе
 Перед бурей затишье.

На равнинной дороге
 Меня закачало.
 Непослушные ноги
 Шагают устало,

И глаза защипало,
 И румянец на щёки.
 А в степи, что молчала,
 Гром грохочет далёкий...

* * *

Зазвенела в саду синица –
 Значит, снова пришла весна.
 Желтогрудая синяя птица
 Прогоняет остатки сна.
 Здесь зимой никому не сладко,
 Здесь от стужи дрожит земля.
 И клевала она с оглядкой
 Корм, что ей оставляла я.
 У колодца пила водицу,
 Ночевала в коровьем хлеву.
 Желтогрудая звонкая птица –
 Птицей счастья её зову.

ИНЕЙ

Разodelось деревце в пух и прах –
 Голубое кружево на ветвях.
 Лёгкая метелица на бегу
 Покрывалом стелется на снегу.

Разodelось деревце невпопад:
 С ветром начинается снегопад –
 Голубое кружево разорвёт,
 Белым пухом по полю разнесёт.

МЕЖ ЦВЕТУЩИХ ДОЛИН

Меж цветущих долин
И горячих песков –
Хутор наш Тормосин,
Древний дом казаков.
Стал немоден плетень,
Редко встретишь коня,
Но казачий курень
Во дворе у меня.
И казацкую кровь
Сердце гонит в груди...
Только вот не пойму,
Что нас ждёт впереди.
Нас куда заведут
Мировые пути?..
Тихо Бога прошу:
«Помоги! Просвети!»
Я смиренно прошу,
Но ни звука в ответ...
Вроде в душах людских
Есть Божественный свет,
Значит, надо решать,
Надо думать самим,
А Божественный свет?!
Мы рождаемся с ним...

ПОСЛЕ ДОЖДЯ

Умывает сады и рощицы
Светлоглазый прохладный дождь.
И под ветром листва полощется,
И по речке проходит дрожь.

И поэтому не обидите
Ни насмешкою, ни враньём,
Сами радости не увидите,
Если кружите вороньём.

* * *

Ливень ушёл. Заблестели лужи.
Лунь беспокойно над речкой кружит.
В балках шумят ручьи.
Травы в саду ураганом смяты,
Пахнет дождём, чабрецом и мятой,
Гром вдалеке ворчит.
Ливень ушёл, и ещё не вечер,
Солнце ласкает ладони, плечи,
Греет продрогший сад.
В блеске, рождённом солнечным светом,
Крупные капли, срываясь с веток,
Долго к земле летят...

СИРЕНЕВЫЙ ЗАКАТ

В полнеба польхал,
Горел степной закат.
Сирень в саду цвела,
Как много лет подряд,
Как будет впрямь цвести,
Волнуя чей-то взгляд.
Надели все кусты
Сиреневый наряд.
Мне снилось – то моя
Последняя сирень,
Последний яблонь цвет,
Последний вешний день.
Что я уж не дождусь
Другой такой весны.
Зачем такая грусть
В мои приходит сны?

Мне снилось: польхал,
Горел степной закат,
Сирень в саду цвела,
Как много лет подряд,

И пели соловьи,
И плыли облака,
И высь небес была
Светла и глубока.

ТЕЛЕФОННЫЙ РАЗГОВОР

Звучат до сих пор слова
Из милой ушедшей дали,
Уж вроде слышны едва,
Но словно дорожке стали.

«Я слушаю, говори!»
В словах твоих нетерпенье.
«Я слушаю, говори!»
К чему же сопротивление?
«Я слушаю, говори!»
И губы горят от жажды.
«Я слушаю, говори!»
И сказано всё однажды.
И смысла полны слова,
Что были для нас немymi.
И кружится голова
Под звёздами голубыми.
«Я слушаю, говори!»
Давно, далеко звучало.
С заката и до зари
Меня в полусне качало,
Страдание подарив,
Лечило от тяжкой боли
Как символ твоей любви,
Как солнечный луч в неволе.

«Я слушаю, говори!»
Беды предзнаменованье...
«Я слушаю, говори!»
Предчувствие расставанья...
«Я слушаю, говори!»
Чуть слышный сигнал отбоя...
«Я слушаю, говори!»
И вот мы молчим с тобою.

Невнятный гул проводов
 Доносит твоё дыханье
 Сквозь зарево городов,
 Сквозь время и расстоянье...

ФАМИЛИЯ МОЯ

Во мгле седых веков,
В анналах бытия
Созвучна именам
Реки, народа, края,
Откуда ты пошла, фамилия моя,
Неведомо родне,
И я того не знаю.
Когда-то город жил,
Торговый город Тана.
А рядом воды влѣк
Могучий Танаис.
Круговорот судеб
В движенье неустанным:
Рожденье, рост, расцвет...
Закат, скольженье вниз.
Проходят времена,
Меняются народы,
Теряются навек
Среди племѣн чужих.
Стирают имена
Пожары, войны, воды,
Дерзання и труды
Народов молодых.
Дыханием веков
Тот город был сметѣн,
Следы пожарищ, битв
Цветущей жизнью скрыты.
Теперь здесь град Азов,
Река наш тихий Дон,
Иные имена
У новых танаитов.
Не все помяну я тех, кто раньше жил,
Кто передал другим святое жизни пламя,
Кто преданно любил, кто Родине служил,
Чья кровь бунтует в нас,
Чей нором правит нами.

В манящей мгле веков,
В анналах бытия
Созвучна именам
Реки, народа, края.
Откуда ты пошла, фамилия моя,
Неведомо родне, и я того не знаю.

ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ СОБОР

Алексей ФЕДОТОВ

ПЕРЕЕЗД В ИВАНОВО

За двенадцать лет, в течение которых отец Амвросий служил в Толпыгино, на Ивановской кафедре сменилось много архиереев: после архиепископа Венедикта был назначен епископ Роман, после него – архиепископ Иларион, затем – архиепископ Леонид, наконец, управляющим Ивановской епархией стал митрополит Антоний. Именно с этим архиереем оказались связаны перемены в судьбе отца Амвросия.

Хотя в шестидесятые годы двадцатого века и не было тех средств связи, которые есть у людей сегодня, «сарафанное радио» передавало информацию не менее быстро, чем современные мессенджеры. Про митрополита Антония в Ивановскую епархию дошли слухи, что это крутой архиерей, которому невозможно ни в чём противоречить. Впрочем, он с самого момента приезда постарался им соответствовать. Свя-

щенники боялись знакомства с ним, никто из них не спешил первым инициировать встречу с архиереем. А он в первый же месяц изучил все личные дела и начал сам их вызывать в епархиальное управление. Этих вызовов все опасались, отец Амвросий не был исключением. Поэтому, когда в Толпыгино пришла телеграмма, что его ждёт на встречу митрополит, он воспринял её как что-то опасное.

– Что вы так волнуетесь, батюшка: уже пятый архиерей за время, что вы здесь служите. Те ничего вам не сделали, и этот не сделает, – попробовала успокоить его монахиня Нина.

– Не знаю: предчувствие какое-то, что всё меняется, былой стабильности уже не будет, – грустно ответил игумен.

Митрополит принял его не сразу: пришлось около трёх часов подождать в приёмной. Наконец секретарь епархиального управления сказал отцу Амвросию, что можно зайти.

Он зашёл в кабинет, в пояс поклонился владыке, подошёл под благословение. Тот изучающе посмотрел на него взглядом, который немногие выдерживали, не отводя глаз, потом спросил:

– Почему в духовной академии не стал учиться?

– Хотелось служить, владыка, – просто ответил игумен.

– Нравится тебе в деревне?

– Да, владыка.

– А что же там может нравиться? Ну, даже если и нравится. Я твоё дело внимательно прочитал. Ты человек молодой, тебе тридцать пять лет всего. И при этом дельный, нареканий к тебе никаких нет. От тебя может быть польза епархии.

– Так я вроде бы стараюсь служить на приходе, чтобы польза была...

– Я не про приход, а про всю епархию говорю. Введу тебя в епархиальный совет. Будешь учиться шире смотреть на церковные дела, а не мерить всё деревенскими мерками.

– Владыка...

– Что? Я знаю, что я владыка. А у тебя почерк хороший?

Игумен растерянно пожал плечами, и митрополит тут же раздражённо пододвинул ему ручку и лист с бумагой:

– Напиши что-нибудь.

– Что именно?

– Что угодно, адрес свой например.

Всё это время митрополит сидел за столом, держа в руке посох, а отец Амвросий стоял перед ним. Чтобы написать адрес храма в Толпыгине, он тоже не садился, а лишь наклонился над столом. Архиерей посмотрел на написанное и, судя по всему, остался доволен увиденным.

– Будешь помогать мне антимины подписывать, – сказал он.

С этого дня спокойная жизнь у игумена закончилась. Вызовы в епархиальное управление были частыми. Судя по всему, он был один из тех немногих священников, которые понравились митрополиту. В одну из встреч архиерей сказал:

– Три дня тебе на сборы, перебирайся в Иваново, я назначу тебя священником в Преображенский кафедральный собор.

– Но, владыка, в Толпыгине прихожане так привыкли ко мне, не захотят отпускать...

– А кто их спрашивать будет? Кто они такие? И цирк с прощаниями нечего устраивать – у нас здесь не самодеятельный театр. Уехал – и всё. А к ним новый священник приедет. Не понравится – пусть не ходят в церковь. В Советском Союзе никто насильно в неё не загоняет. Не то что в старое время, когда справку об исповеди на работу нужно было приносить каждый год.

Увидев, что отец Амвросий чуть не плачет, митрополит раздражённо громко сказал ему:

– Ты мне сын, я тебе отец! Как благословлю, так и будет!

– Да, владыка, – послушно ответил игумен.

– Ты не переживай так, я ведь тебе добра хочу, – несколько успокоился архиерей, увидев, что священник ему не перечит.

Вернувшись в Толпыгино, отец Амвросий вошёл в храм и долго стоял в алтаре, прощаясь с этим ставшим ему родным местом. На глазах его не раз выступали слёзы, пока он молился, вспоминал всё, что было связано с годами его служения здесь.

Даже монахине Нине игумен ничего не рассказал, повинувшись строгому запрету митрополита Антония. Потом, при встрече, когда она попеняла ему, что даже ей-то не сказал о своём переезде, ответил так: «Я просто никак не мог послушаться владыку митрополита Антония. Мне было очень тяжело расставаться с приходом. Я прослужил в нём двенадцать лет, но в три дня должен был собраться и не устраивать никаких прощаний, потому что всё это было неожиданно и могло быть не в мою пользу, поскольку время сейчас очень тяжёлое. Народ расплачется, заволнуется. А любые волнения для церковной жизни опасны, следовало их избежать».

В Иваново он снял комнату в старом деревянном доме на четырёх хозяев. Комнаты эти жильцы гордо называли «квартирами». Дом стоял напротив закрытого Владимирского женского монастыря. Часть его построек снесли, часть использовали для нужд военного завода, в том числе и храм, который, лишившись куполов с крестами, казался каким-то несуразным

строением. Две «квартиры» в доме занимали бывшие насельницы Владимирского монастыря; ещё в одной жила Вера Сергеевна Баскова с семьёй, а в четвёртой – две её тётки. В 1965 году она взяла тёток к себе, после чего освободилась «квартира», которую она сдала отцу Амвросию.

НАЧАЛО СЛУЖБЫ В СОБОРЕ

Отцу Амвросию было сложно привыкать к кафедральному собору. В Толпыгине он был единственным священником, а здесь кроме него пять священников, несколько диаконов. Отношение церковного совета совсем иное: за четыре года, прошедшие после реформы приходского управления, эти люди успели почувствовать себя хозяевами в приходах. И если в Толпыгине он на личных отношениях сохранял хрупкий баланс, то здесь был такой комок переплетённых межличностных отношений, что разобраться в нём меньше чем за год было практически невозможно. Казалось, что в соборе был какой-то паноптикум выставленных напоказ болезней и уродств человеческой природы, каждое из которых представлял отдельный экспонат, а некоторые умудрялись совмещать в себе и целый букет отрицательных качеств. На этом этапе хрупкий баланс поддерживался общим страхом перед митрополитом Антонием, который благодаря связям во властных структурах мог убирать неугодных ему членов церковных советов, а с духовенством и вовсе был крайне жёстким. Отцу Амвросию приходилось теперь видеть его ежедневно: каждый будний день митрополит ждал его в епархиальном управлении, где давал ему какие-то поручения, а по субботам вечером и по воскресеньям утром он сослужил с ним в числе других священников всенощное бдение и литургию. При этом игумен в полном объёме нёс и череду как штатный священник кафедрального собора. Боявшиеся митрополита члены церковного совета со священниками вели себя достаточно пренебрежительно. Впрочем, отец Амвросий благодаря своему такту и тому, что их интересы никак не пересекались, сумел сохранять с ними вежливую дистанцию.

На город с четырёхсоттысячным населением собор был единственным храмом; получалось, что один священник почти на 70 тысяч жителей. Хотя народ здесь в основной массе отрицательно относился ко всему церковному, нагрузка на духовенство собора была колоссальной. В воскресные дни и большие праздники собор был переполнен, несмотря на то что ходить в храм на богослужения без негативных последствий для себя могли очень немногие. Впрочем, были определённые лица, чьёхождение на службы власти даже скрыто поощряли – разного рода полусумасшедшие люди, склочники, сплетники, болтуны, не имеющие в силу возраста или инвалидности какой-либо созидательной занятости и превращавшие кафедральный собор в своего рода «клуб по интересам».

Они приходили сюда, чтобы обменяться свежими сплетнями обо всех священнослужителях и членах церковного совета, составить жалобы на них патриарху, в Совет по делам религий, возникший после объединения Совета по делам Русской православной церкви с Советом по делам религиозных культов (отсутствие отдельного центрального правительственного органа, курирующего Московский патриархат, должно было показать понижение его статуса в государстве).

Многие заслуживающие доверия очевидцы событий того времени считают, что авторы кляуз были людьми намного более порочными и беспринципными, чем те, о ком они писали. А по мнению отца Амвросия, всё более укреплявшемуся с годами, работники исполкомов и уполномоченные были гораздо порядочнее, чем многие так называемые верующие, приходившие в храм из любви к клязам и пакостям ближним.

Епархиальное управление между тем переехало в новый дом – очень маленький, но находившийся рядом с собором. Отцу Амвросию, которому приходилось в течение дня приходиться и на службы в собор, и в епархиальное управление к митрополиту, это было удобно, а вот для организации работы епархии это стало большим минусом. Однако митрополит Антоний,

который с момента приезда в Иваново открыто говорил о своём желании поскорее перебраться в Тулу, этим не озадачивался: он считал, что его здесь уже нет, а временно можно потерпеть и некоторые неудобства.

К игумену Амвросию он привязался, иногда с ним подолгу разговаривал. Раздражительного архиерея успокаивал этот степенный спокойный священник, научившийся не показывать эмоций даже в моменты, когда внутри всё кипит.

РЕКОМЕНДАЦИЯ

Митрополит Антоний часто о многом говорил с отцом Амвросием, рассказывал ему об особенностях архиерейского служения. А однажды сказал:

– Я решил написать митрополиту Никодиму про тебя. Ты рассказывал мне, что он тебя знает по твоей диаконской хиротонии в Ярославле.

– Зачем? – испугался игумен.

– Хватит тебе в этой ивановской глуши киснуть. Пора выбираться в какое-то более приличное место.

– Но, владыка, мне всё здесь нравится...

– А монаха не спрашивают, нравится ему или нет. Посылают – и всё. Вот смотри, что я ему написал. – И протянул растерянному священнику письмо.

В нём был следующий текст: «Его Высокопреосвященству, Высокопреосвященнейшему Никодиму, митрополиту Ленинградскому и Ладожскому, председателю Отдела внешних церковных сношений Московской патриархии – митрополита Антония – Рапорт. Имею честь почтительнейше доложить Вашему Высокопреосвященству, что во вверенной мне Епархии в Кафедральном Соборе служит Игумен Амвросий Щуров. Поверьте мне, я впервые за всю свою многолетнюю пастырскую и архипастырскую деятельность встречаю такого инока – доброго, культурного, образованного, уравновешенного и любящего свою Родину. За всё это время я изучил его и почитаю как сына родного. Знаю, что Вы, дорогой Владыка, ну-

ждаетесь в добрых кандидатах для посылки за границу, а также и для рукоположения в сан Епископа. Твёрдо верю, что Игумен Амвросий не посрамит Русской Православной Церкви, а также и Родины нашей».

Отцу Амвросию было очень лестно, что митрополит так его оценил, но и страшно:

– Владыка, да ведь митрополит Никодим, наверное, меня и не помнит, мало ли там ставленников было, – только и сказал он.

– Не помнит – перешлёт документ в управление делами Московской патриархии, – ответил ему архиерей. – Я твёрдо убеждён, что ты должен стать епископом.

Через некоторое время из управления делами пришел запрос послужного списка и характеристики на игумена Амвросия (Щурова), которые митрополит Антоний им отправил. Однако его ходатайство осталось без удовлетворения, хотя митрополит Никодим и вызывал священника в Москву и дважды с ним встречался.

Спустя годы уже епископ Амвросий так вспоминал об этом: «Отец Никодим стал митрополитом, председателем отдела внешних церковных сношений. И он вызвал меня телеграммой в отдел. По этому вызову я поехал в Москву и дважды был у владыки Никодима на приёме. Память моя хорошо сохранила его образ – величественного, деятельного святителя нашей Святой Церкви. По-видимому, владыка Никодим в то время имел в отношении меня какие-то соображения, но какие именно, я, в силу сложившихся обстоятельств, так и не узнал. В дальнейшем я много раз видел владыку Никодима, когда он был митрополитом Ленинградским. Помню его всегда энергичным, мудрым, умеющим широко смотреть на вещи».

– Ну и ладно, – сказал архиерей отцу Амвросию, сообщив, что получил устный отказ. – Значит, попозже это будет, может, я спешу, как старый человек, а ты ещё молодой, у тебя время есть: и стать архиереем, и послужить в этом сане. А пока будешь архимандритом.

В воскресенье, 9 января 1966 года, во время литургии в Преображенском кафедральном соборе он возвёл отца Амвросия в сан архимандрита, надел ему митру и мантию со скрижа-

*Митрополит Антоний (Кротевич)
Митрополит, епископ Тамбовский в 1968–1970 гг.*

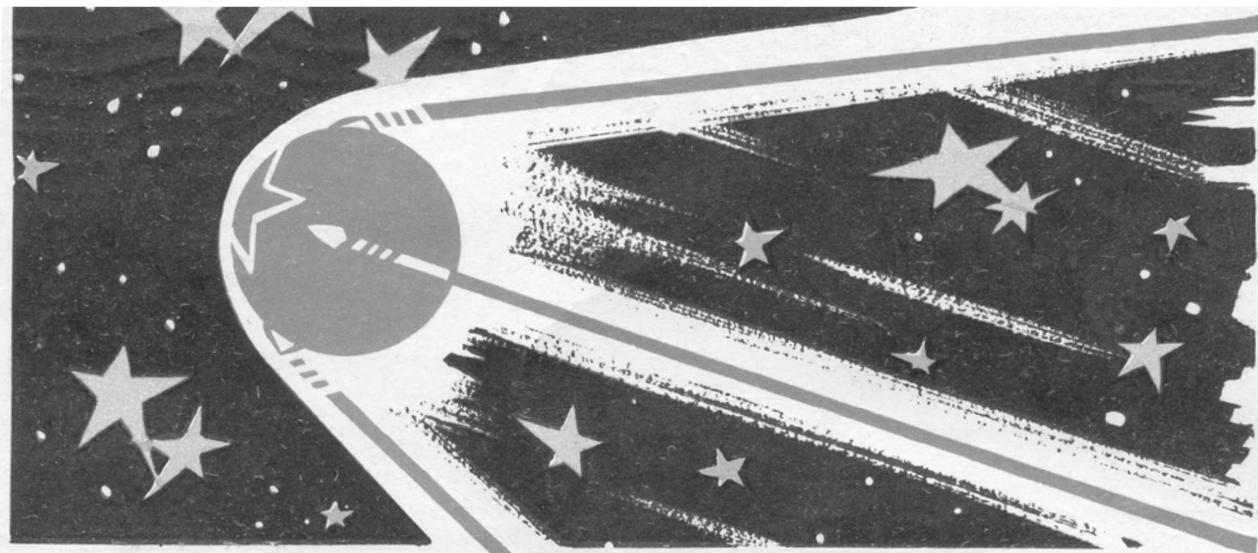
лями, к большому неудовольствию многих из соборных протоиереев. Как потом выяснилось, с патриархом это возведение не было согласовано – митрополит Антоний нередко так делал, когда считал нужным.

Уже 27 января 1966 года он наконец получил то назначение, которым так грезил: стал митрополитом Тульским и Белёвским. Впрочем, в Туле он послужил совсем недолго – уже 7 июля этого же года ушёл на покой. В ноябре 1968 года был назначен митрополитом Тамбовским и Мичуринским и служил в этом качестве до июня 1970 года. В восьмидесятилетнем возрасте митрополит ушёл на покой окончательно и жил в подмосковной Малаховке до своей кончины 21 ноября 1973 года.

Перед отъездом из Иванова он ещё раз сказал отцу Амвросию, что видит в нём будущего епископа, а чтобы им стать, архимандрит должен служить в Преображенском соборе – отсюда его и призовут на архиерейское служение.

И когда с ним уже у машины, которая должна была отвезти его в Тулу, прощались некоторые из тех, с кем в Иванове у него было наиболее доброе общение, митрополит, перед тем как захлопнуть дверцу машины, погрозил отцу Амвросию пальцем и сказал: «Не уходи из собора!» Это были последние сказанные ему слова митрополита Антония.

КОСМИЧЕСКАЯ ФИЛАТЕЛИЯ

К 65-ЛЕТИЮ ЗАПУСКА ПЕРВОГО ИСКУССТВЕННОГО СПУТНИКА ЗЕМЛИ

У ИСТОКОВ ЗАРОЖДЕНИЯ ФИЛАТЕЛИСТИЧЕСКОЙ КОСМОНАВТИКИ

Многие филателисты (особенно зарубежные) и просто любители почтовых миниатюр и почтовых отправок зачастую возражают тому утверждению, что филателистическая космонавтика зародилась именно в 1957 году. Вместе с тем большинство коллекционеров филателистических материалов связывают данное тематическое коллекционирование с 1957 годом – годом запуска первого искусственного спутника Земли, проложившего путь к звёздам – в космос!

Попытаемся разобраться и уточнить причины разногласий среди филателистического сообщества по поводу даты зарождения космической филателии. На роль родоначальника космической филателии претендуют четыре государства: США, СССР, Италия и Япония.

В США филателистическая пресса считает, что «космофилателия» началась с выпуска почтовой марки, посвящённой 100-летию форта Блисс. Форт Блисс, как известно, это база, по-

лигон и исследовательский центр ПВО США недалеко от города Эль-Пасо (штат Техас), основан в 1848 году для укрепления позиций американской армии на территориях, полученных после войны с Мексикой.

На марке изображён запуск трофейной ракеты А-4 («Фау-2»). Вывезенные из Германии ракеты использовали для экспериментальных и исследовательских целей, а запуски производи-

Марка США, посвящённая 100-летию форта Блисс. № 589 по каталогу Михель. Дата выпуска: 5 ноября 1948 г. Перфорация $10\frac{1}{2} \times 11$. Печать: металлография. Номинальная стоимость: 3 ¢. Художник-дизайнер: Ч. Чикеринг

ли на ракетном полигоне Уайт Сэндз, эксплуатация которого началась в 1946 году и который был расположен рядом с фортом Блисс. Данную марку нельзя отнести к «филателистической космонавтике», так как на ней изображена трофейная ракета, а не космический аппарат.

Следует заметить, что отдельные исследователи истории филателии считают, что первая марка, посвящённая космосу, вышла 4 августа 1951 года в СССР. На этой почтовой миниатюре изображён К. Э. Циолковский – выдающийся русский учёный, изобретатель. В каталоге почтовых марок В. Загорского он представлен как «основатель космонавтики». В левой части полуовала марки, рядом с портретом учёного, как бы в качестве оформительского элемента изображён какой-то летательный аппарат, который сложно назвать космическим кораблём. Существует мнение, что на марке изображён немного изменённый космический корабль конструкции австрийского инженера Макса Валье (бывший пилот мечтал о ракетном самолёте, эволюционирующем в космический корабль).

Известный журналист и филателист Е. Сашенков в своей книге «Почтовые сувениры космической эры» (М., 1969) справедливо замечает, что «...Циолковский вошёл в галерею космофилателии ещё до того, как началась эра полётов в космос (речь идёт о почтовой марке СССР 1951 г.). Собственно, космической филателии ещё в 1951 г. не могло быть».

Марка СССР из серии «Учёные нашей Родины».

Дата выпуска: 4 августа 1951 г. № 1552 по каталогу В. Загорского; № 1577 по каталогу Михель. К. Э. Циолковский (1857–1935) – основатель космонавтики. Печать: глубокая. Перфорация: линейная 12½. Тираж: 1 млн экз. Оформитель: художник В. Завьялов. Работа над маркой, Василий Завьялов использовал фотографию из книги работ Циолковского «Труды по ракетной технике», выпущенной московским издательством «Оборонгиз» в 1947 г

Евгений Сашенков однозначно даёт понять, что марку 1951 года нельзя считать почтовой миниатюрой, давшей «старт космической филателии».

Как это ни странно, но на первенство в «космической филателии» претендует и марка Италии, выпущенная в обращение 22 сентября 1956 года.

Марка Италии, посвящённая VII Международному конгрессу по астронавтике. № 975 по каталогу Михель. Дата выпуска: 22 сентября 1956 г. Размер: 40 x 24 мм. Цвет: голубое небо. Перфорация: 14 x 14¼. Печать: фотогравюра. Номинальная стоимость: 25 £ (итальянская лира). Тираж: 10 000 000 экз.

На представленной итальянской марке художником Коррадо Манчоли (1904–1968) изображён воображаемый искусственный спутник Земли шарообразной формы, на нём размещена антенна, с помощью которой он якобы посылает радиосигналы на наземную станцию.

Ряд исследователей почтовых миниатюр относят к родоначальникам «космической филателии» марку Японии, посвящённую Международному геофизическому году (она вышла в обращение 1 июля 1957 г.). На этой миниатюре мы видим схематичное изображение Земли и

Марка Японии, посвящённая Международному геофизическому году (МГГ). № 669 по каталогу Михель. Дата выпуска: 1 июля 1957 г. Размер: 26 x 30 мм. Цвет: многоцветная. Перфорация: 13½. Печать: металлография. Номинальная стоимость: 10 ¥ (японская йена). Тираж: 6 000 000 экз.

«спутник» на околоземной орбите, за которым наблюдает пингвин.

К изображениям космических аппаратов «докосмической эры» относят и марку, посвящённую литературному творчеству Ж. Верна, выпущенную в Монако к 50-летию со дня смерти писателя-фантаста. Она вышла в почтовое обращение 7 июня 1955 года. На прямоугольной трёхцветной почтовой миниатюре, в правой её части, изображён «космический корабль

Марка Монако, посвящённая Жюлью Верну и его книге «С Земли на Луну». № 522 по каталогу Михель. Дата выпуска: 7 июня 1955 г. Издание: Авиапочта. Размер: 52 x 31 мм. Цвет: многоцветная. Перфорация: гребенчатая 13. Печать: металлография. Номинальная стоимость: 200 F (монегасский франк). Тираж: 86 000 экз.

будущего», во всяком случае так считал автор этой марки (не случайно космический аппарат окружён звёздами, а в центральной части корабля изображён иллюминатор).

Мнения среди филателистического сообщества расходятся и по поводу марки СССР, посвящённой 100-летию со дня рождения К. Э. Циолковского (№ 1993 по каталогу Михель). Она вышла в почтовое обращение 7 октября 1957 года, то есть не в день юбилея учёного 17 сентября. Примечательно то, что в промежутке между этими датами и был запущен первый в мире советский искусственный спутник Земли. Наверное, его можно считать своеобразным подарком к 100-летию великого Циолковского. Почему же не отнести эту марку к началу космической филателии?

Любители почтовых миниатюр считают данную марку в числе знаков почтовой оплаты «докосмической эры», так как при детальном рассмотрении её фона мы видим в левой её части изображение предполагаемого будущего искусственного спутника Земли, а в правой – фантастический пейзаж, на котором разместилась межпланетная ракета, рядом с ней в окружении таинственных кратеров передвигаются два космонавта.

Как известно из открытых источников, первый в мире искусственный спутник Земли был создан группой советских учёных во

Марка СССР, посвящённая 100-летию со дня рождения К. Э. Циолковского. № 1993 по каталогу Михель. Дата выпуска: 7 октября 1957 г. Размер: 37 x 26 мм. Цвет: многоцветная. Перфорация: гребенчатая 12 x 12½. Печать: офсет. Номинальная стоимость: 40 копеек. Тираж: 2 000 000 экз.

Марка СССР. Первый в мире советский искусственный спутник Земли. № 2017 по каталогу Михель. Дата выпуска: 5 ноября 1957 г. Размер: 26 x 37 мм. Цвет: чёрно-синий. Перфорация: линейная 12¼. Печать: фотогравюра. Номинальная стоимость: 40 копеек. Тираж: 3 000 000 экз.

главе с С. П. Королёвым и запущен на орбиту 4 октября 1957 года. День запуска первого спутника, получившего название «Спутник-1», стал началом космической эры для всего человечества. Но почтовая миниатюра, посвящённая этому знаменательному событию, появилась не сразу, а практически через месяц, точнее, почтовая марка вышла в обращение 5 ноября 1957 года. Связано это было с тем, что ввиду засекреченности старта первого спутника никаких предварительных работ по созданию почтовой марки не велось.

Имеет место такой факт: буквально через двое суток после старта «Спутника-1» москов-

ский график Евгений Гундобин уже приступил к созданию эскиза марки об искусственном спутнике Земли. Несмотря на профессионализм, задача оказалась не из лёгких – один замысел вытеснялся другим. Помогла газета «Правда», опубликовавшая 9 октября первые подробные материалы о спутнике. Схема, приведённая в этой газете, и послужила художнику прообразом будущей марки о первом в мире искусственном спутнике Земли.

С издания этой чёрно-синей марки, посвящённой запуску советского искусственного спутника Земли в 1957 году, и началось зарождение космической филателии. Таким образом, космической филателии в 2022 году исполняется 65 лет.

В октябре 1967 года, через 10 лет после запуска «Спутника-1», в предисловии к книге «Почтовые сувениры космической эры» Ю. А. Гагарин написал замечательные строки: «Космос и марки... Соседство этих понятий ещё недавно невозможно было себе представить. Тем не менее оно продолжается вот уже целое десятилетие, и даже не будучи филателистом, каждый принимает “макромир в микрокартинках” как должное».

В настоящее время освоение космоса продолжается, а вслед за новыми событиями, происходящими в космонавтике, продолжают пополняться оригинальными почтовыми миниатюрами и тематические коллекции «Космос», получает дальнейшее развитие космическая филателия.

Александр СЁМИН,
член Союза писателей России,
академик РАН

КОСМИЧЕСКАЯ ГАВАНЬ

Анатолий АРЕСТОВ

Родился в 1985 году в г. Рубцовске Алтайского края. Учился на агрономическом факультете Пензенской государственной сельскохозяйственной академии. Публиковался в изданиях «Юность», «Наш современник», «Приокские зори», «Северо-Муйские огни», «Волга – XXI век», «Традиции & Авангард», «Дарьял», «Сура», «Сибирский Парнас», «Сибирь» и др. Автор книги в двух частях «В потоке поэзии».

В ДАЛЬНИЕ ДАЛИ

Ракета буравит за далями дали,
Полёт совершая размеренным маршем
К планете, которую долго искали.
Степные просторы планеты распашем,

Засеем пшеницей отборного сорта –
Гибридом, устойчивым к летнему зною!
Летит человечество в космосе гордо,
Простившись навеки с погибшей Землёю...

СВЯЗЬ

Жизнь Вселенной – звёзд движение,
Звёзд движенье – жизнь Земли,
Жизнь Земли – под Солнца жжение
Человеку дать движение,

Накормить, согреть с решением
В том, что он слепым служением
Будет с должным уважением
Сыном матери-Земли!

ЗВЁЗДНОЕ ВРЕМЯ

На вечернем небосводе
Звёзды плавают мрак,
Разгораясь на свободе
Неба, просто так!

Без намёка и причины
Льют тревожный свет
Через тёмную трясицу
Сотен тысяч лет.

СТЕПНЫЕ ЗВЁЗДЫ

Печальная степь растворилась
 в объятиях наглого снега,
 Летевшего сверху огромными хлопьями
 скучных небес,
 Закрывших отчаянный свет, что дарила
 красавица Вега,
 Закрывших от взгляда холодными спинами
 туч Антарес.

Обиделась степь. Ощетинилась в небо
 сухую польню,
 Прижала к себе опрометчиво падавший
 хлопьями снег,
 Не давший в покое ночном насладиться
 заветною стынью
 Мерцания звёздных, летящих
 в космической дали коллег.

* * *

За пределом Млечного Пути
 Засверкают тысячи планет,
 Невесомой тяжестью в груди
 Зарыдает нотами кларнет,

Пролетит блуждающий мотив,
 Где квазары порождают свет,
 Превращая пустоту в залив,
 Где движенье создаёт завет...

В КОСМОСЕ ДАЛЬНЕМ

Мысли летят в безымянность, к далёкой звезде,
 Волнами круг огибают планеты безумно
 великой,
 Гордо плетутся в кометном блестящем хвосте,
 Словно боятся космической мериться силой!

Свет не догонит умчавшийся вдаль силуэт –
 Мысли прошли пространство и грешное время,
 Слово земное застряло в движенье планет,
 Где-то в туманности вырастет павшее семя...

ПЛАНЕТА ZX

Метели метут метанолом
 На дальней планете ZX,
 Забрестило небо восходом –
 Блится кристалл-обелиск,

Питается солнечным светом
 Растущий живой организм.
 Чешуйки кристалла согреты –
 Стекают под тяжестью вниз,

На грунт, где кишачая масса
 Сбивается в волны – растёт!
 Планеты разумная раса,
 Очнувшись, продолжила ход.

Метель вертикальным исходом
 Крушила кусочками льда,
 Замёрзшим вверху метанолом
 Планеты ZX города.

Кристалл нагревался, краснея.
 Предел – максимальный накал!
 Прижался к земле, леденя,
 Распался от взрыва кристалл.

Волна пробежала от взрыва,
 Метели закончился шквал,
 Кишачая масса бурлила,
 С собой возрождая кристалл!

ЗВЁЗДЫ

Небо – вспаханное поле –
 В лоне прячет семена,
 Прорастают звёзды вскоре
 Цветом простенького льна.

Лён осыпался на почву,
 И не видно семена,
 Расцветут ближайшей ночью
 Цветом простенького льна.

* * *

Земля, прошу тебя, довольно!
Зачем ты в космосе летишь?
Мы потерялись добровольно,
Мы растеряли свой престиж,

Мы существа – мы Солнца дети,
Мы хлорофилловый запас,
Нас раскидало по планете,
Но ты, Земля, сплотила нас!

Мы поступали лишь по воле
Своих безудержных страстей.
Прости, Земля, прости за боли,
Что причинял тебе злодей!

Земля, прошу тебя, довольно!
Зачем ты в космосе летишь?
Тебе от нас всегда лишь больно...
Но, может, снова нас простишь?

ЗЕМЛЯ

Лихорадка изогнутых вен
На морщинистом теле Земли,
Неподвижны изгибы колен –
Острой вечностью в небо влекли.

Воссиял долгожданный рассвет,
Расплавляя небесный металл.
Сколько тысяч далёких планет
Кто-то тёмной порою искал?

Изменить невозможно Земле
За красоты гранитных колен,
Нет в космической млечной петле
Лихорадки изогнутых вен!

К ЗВЁЗДАМ

Пробились к звёздам невесомым
Тропой космической эпохи.
Эфир, веками незнакомый,
Владел глазами юной крохи.

Упёрся взгляд в ночное «где-то...»,
Туманом вился Млечный Путь,
Летя, горящая комета
Так не желала повернуть.

Серьёзно думая о дали,
Мечта вдохнула пыль звезды –
Ракеты корпусом блистали,
И мир спокоен с высоты...

ЛЮБОВЬ ПОЛЁТ НЕ ПРЕРЫВАЕТ

Полетели на крыльях любви в облака,
Где страданиям нет до нас дела,
Воедино сольётся рука и рука,
Где трепещет от скорости тело?

Заберёмся повыше, давай!
Прикоснёмся к громадине-туче,
И разыщем потерянный рай,
И воспрянем мы с силой могучей.

Повернём-ка направо с тобой
Через сонмы румяных созвездий
И увидим космический бой
Ледяных разрушительных бестий!

Окольцованный кем-то Сатурн
Громыкает болезненно-дико –
Это вздох, это боль, это штурм
От любви невозможной до крика.

Может, дальше? Давай же, вперёд,
За туманность немой Андромеды!
Ведь любовь свой полёт не прервёт,
Не погаснет, как хвост у кометы...

РЯДОМ С КОСМИЧЕСКИМИ ПОЛЁТАМИ

Николай МАКАРОВ

...Шесть лет. Шесть лет, с апреля 1975 года по декабрь 1980 года, меня привлекали по линии Поисково-спасательной службы ВВС для обслуживания космических полётов. В основном запусков и спусков космонавтов. Привлекали, наряду с другими, в качестве врача-десантника. Из двадцати одного запуска за это время мне пришлось пропустить только три. В октябре 1976 года (Зудов – Рождественский: «Союз-23»); в июле 1978 года (Ковалёнок – Иванченков: «Союз-29» – «Салют-6»; Климук – Гермашевский: «Союз-30» – «Салют-6»).

В этих командировках мне приходилось встречаться и с нашим земляком (почему-то до сих пор в Туле не стоит его бронзовый бюст, как положено человеку, имеющему две Золотые Звезды Героя), космонавтом Валерием Владимировичем Поляковым, в то время также принимавшим участие как врач в поисково-спасательных работах. К сожалению, с ним мне

приходилось быть в разных точках дежурств. Встречались исключительно мельком. Ни я его, ни он тем более меня не помним.

Начну эти воспоминания о странных, невероятных совпадениях.

Первое совпадение. Один и тот же человек входил в экипаж как первого (неудавшегося, завершившегося аварийным спуском полёта – об этом дальше), так и декабрьского восьмидесятого года полёта (не поднимается рука – «последнего»), в обеспечении которых мне приходилось участвовать, – бортиженер Олег... Макаров.

Второе совпадение. В том же декабре восьмидесятого командиром Ми-8, на котором я летал, был человек с инициалами... МНА. Мозговой Николай... Алексеевич. Мало? Дежурили мы тогда на военном аэродроме Домбаровский в оренбургских степях. Экипаж «Союза-3-М» (Кизим – Макаров – Стреканов) совершил по-

садку 10 декабря. Нас из-за непогоды и позднего времени не выпустили на Кустанай.

Одиннадцатое декабря. Мозговой и я (естественно, со всем экипажем) отмечали... наши дни рождения, достигнув аккурат возраста Христа... Оба мы, Стрельцы, появились на свет в год Кабана, 11 декабря 1947 года.

Третье совпадение. Помните, нелепой гибелью трёх космонавтов (Добровольский – Волков – Пацаев) завершился полёт «Союза-11» в июне 1971 года? Первым, кто оказался у спускаемого аппарата и открыл крышку люка, был врач-десантник (первого или второго выпуска томского военмедфака) по фамилии... Дураков. Взявший после этого фамилию жены...

Итак. Первая моя «работа». 5 апреля 1975 года. Запуск космического корабля «Союз-18-1» с космонавтами В. Г. Лазаревым и О. Г. Макаровым. Позывной – «Урал».

Для меня всё было ново, незнакомо, жутко интересно, престижно, в конце концов. Стоять пусть и не у истоков, но почти на переднем крае того, в чём мы «были впереди планеты всей».

На борту Ан-24 мы (я и подчинённые мне прапорщик и два солдата из ПСС ВВС) летели встречным параллельным траектории запуска курсом на высоте где-то шести тысяч метров в сторону космодрома Байконур. Прапорщик и солдаты (ветераны ПСС) мирно дремали в грузовом отсеке. Парашюты и наше снаряжение лежали в сумках. Нерасчехлённые, упакованные для транспортировки. Я переходил от иллюминатора к иллюминатору, заглядывал в кабину к лётчикам, лез ко всем с разными вопросами.

Шутки-прибаутки. Штурман подтрунивает надо мной, над моей любознательностью. Экипаж занят привычной, рутинной работой. Очередной раз, подойдя к иллюминатору, удивляюсь, что земля резко накренилась влево и самолёт стал разворачиваться на противоположный курс. Ничего не понимая, думая, что всё, работа на этом окончена и мы летим на аэродром взлёта, оборачиваюсь к борттехнику с каким-то пустячным вопросом.

Он отмахнулся. Затем выругался трёхэтажным.

Вот те раз – приплыли!

В это время из кабины выходит командир – и сразу на повышенных тонах, заглушая шум двигателей:

– Вы, таку и таку мать, почему без парашютов? Быстро приготавливаться к десантированию!

Вначале я подумал, что это розыгрыш, обычная подначка.

– Авария у них, – со вздохом, обычным голосом добавил он. – Наверное, придётся вам прыгать.

Да, первая работа – и сразу в пекло. Но прыгать так прыгать. Первый раз, что ли? Затем нас, врачей-десантников, и командировывают к лётчикам, что с нашей квалификацией у них нет таких врачей-прыгунов.

Николай МАКАРОВ

Гвардии майор медицинской службы (Воздушно-десантные войска), член Российского союза ветеранов Афганистана, Союза писателей России, редколлегии журнала «Приокские зори», Тульского отделения общества «Православные врачи», Российского военно-исторического общества.

Родился в 1947 году в Мичуринске. Окончил Военно-медицинский институт (Томск, 1972).

Участник Всеармейского семинара молодых писателей в 1985 году в Юрмале.

В 1972–1993 годах служил в 106-й гвардейской воздушно-десантной Краснознамённой ордена Кутузова 2-й степени дивизии в Туле. Участвовал в боевых действиях в Афганистане. Принимал участие в событиях на Кавказе. С марта 1975 по декабрь 1980 года привлекался для обеспечения космических полётов по линии Поисково-спасательной службы ВВС (18 пилотируемых полётов из 21 за указанный период).

Лауреат литературной премии «Левша» имени Н. С. Лескова (2010), литературной премии Правительства Тульской области имени Л. Н. Толстого (2015), премии имени С. И. Мосина (2016).

Помогая друг другу экипироваться для десантирования, мы (ПДГ – парашютно-десантная группа – из четырёх человек: я – с медицинской сумкой неотложной помощи и ключами от крышки люка спускаемого аппарата, прапорщик – с какими-то приборами и пистолетом, солдаты – с имуществом и автоматами) не заметили, как самолёт снизился до тысячи метров. На земле уже стояла ночь, хотя на высоте и светило солнце.

Подойдя к нам, борттехник прицепил карабинчики вытяжных наших парашютов к тросу.

– На боевом! Скоро прыгать!

Загорелся жёлтый плафон. Открылся люк, из которого в тепло салона самолёта дохнуло... чем вот там дохнуло-то?

– Аккуратней при приземлении! – Борттехник нас перекрестил. – С Богом!

И... люк захлопнулся. Жёлтый плафон фонаря погас.

– Москва запретила прыгать, – пояснил командир. – Космонавты обнаружены. Вроде пока у них всё в порядке, без травм. Не хватало ещё десантуру угробить. Внизу – ночь, горы, ветер под двадцать метров.

Самое интересное, драматическое, трагическое и комичное началось с раннего утра следующего дня...

Все силы, участвовавшие в спасении космонавтов, были сосредоточены на аэродроме города Семипалатинска. Среди них – несколько ПДГ с врачами-десантниками. Самолёты Ан-12, Ан-24, вертолёты Ми-6, Ми-8. Всю ночь с космонавтами, совершившими аварийную посадку, поддерживалась устойчивая связь. Над местом, где они находились, постоянно на большой высоте кружился один из самолётов-ретрансляторов, обеспечивая связь с Москвой. На спускаемом аппарате работал радиомаяк и световой маяк, вроде большой гаишной мигалки.

На КП военных лётчиков всю ночь шла непрерывная кропотливая работа по выработке решения, как спасти космонавтов. Под утро командующий ВВС военного округа (как тогда назывался округ – не помню, то ли Среднеазиатский, то ли ещё как, не суть важно) оглашает

перед всеми участниками предстоящей работы решение:

– Первой к космонавтам прыгает ПДГ с такого-то вертолёта. Как только рассветёт – готовность к взлёту. Вопросы есть?

Не надо ходить в театр. Не надо смотреть Николая Васильевича. Его финал бессмертного «Ревизора». Когда на вопрос командующего ВВС прозвучал ответ старшего лейтенанта медицинской службы Сашки Рубановского, врача нашего Тульского батальона связи, которому предстояло первому оказаться у космонавтов, совершив парашютный прыжок во главе своей ПДГ. Для этого, для подобных случаев, нас (вэдэвэшников) и привлекали в Поисково-спасательную службу (ППС ВВС).

– А наши парашюты (Д-1-8) не приспособлены для прыжков с вертолётов Ми-8!

Немая сцена (вот он – «Ревизор»). Все в шоке. Командующий ВВС, наполовину поднявшийся со стула, так и застыл в непривычной, неудобной позе. Полковники Чеканов и Леонов, старшие военные медики из штаба ВВС страны разглядывают Рубановского, готовые живьём тут же проглотить его. Тишина, мёртвая тишина стоит пять, десять, пятнадцать, двадцать секунд.

Да, отчубучил Санёк. Позор на все ВДВ. На всех врачей-десантников. Надо спасти наше высокое реноме. Поднимаюсь с места и безапелляционно заявляю (энтузиазма, наглости, бесшабашности, молодости – девать некуда):

– Старший лейтенант Макаров. Воздушно-десантные войска! Готов прыгать!!!

Поднялся невообразимый гвалт. Все с облегчением вздохнули. Рубановский смотрит на меня как на смертника.

– Доктор, бери машину, – это голос командующего ВВС округа, – перевози своё имущество с самолёта на вертолёт. Пойдёшь с ПДГ своего... коллеги. Тьфу, твою мать.

На всё про всё ушло около часа. Пока я вернулся со стоянки Ан-24, было принято совсем другое решение. Космонавтов поднять лебёдкой, зависнув одному вертолёту над ними.

ПДГ Рубановского, также зависнув, на лебёдке десантировать (есть такой способ де-

сантирования – «с вису») с другого вертолѐта неподалѐку. Москва дала добро.

Все вертолѐты, один за одним, поднялись в воздух. Всѐ начальство разместилося на «вышке». Ан-12 кружил на восьми тысячах метров. Ан-24 находился на стоянке. Моя ПДГ осталась не у дел, удобно разместившись на стульях в помещении, где совсем недавно бурлили страсти о принятии судьбоносного решения.

Так что всѐ дальнейшее, все этапы спасения космонавтов проходили на моих глазах. Вернее сказать, о всех этапах, о всех действиях, о всех разговорах по радиации я слышал. Громкоговорящую связь никто не удосужился отключить.

Итак. Началось. Внимание! Приготовились?

Докладывает командир эскадрильи Ми-8 полковник (или подполковник?) Кондратьев, первым подлетевший к месту предстоящей работы.

– Вижу объект! Лежит на крутом склоне горы. Купол зацепился за деревья. На спускаемом аппарате сидят один, два... три исследователя (это так в открытом эфире называли космонавтов – конспирация, однако) и курят.

Вначале всѐ внимание и здесь, на КП, и в Москве было обращено на последнее (помните Штирлица?) слово: «Курят!» Откуда у космонавтов сигареты в космическом корабле? Может, ещё и водку пьют? Затем разом до всех дошло: «Трое?!»

Откуда? Кто? Белены вы там, тра-та-та, объелись? Запускали-то двоих? Уточнить, тра-та-та! Доложить, тра-та-та! Может, это – снежный человек? Может, китайский шпион? Граница-то рядом. Может, сбежавший зэк? Кто там ещё может третьим быть? Забыли, забыли самый народный вопрос: «Третьим будешь?»

Докладывает командир второго вертолѐта:

– ПДГ десантировали лебѐдкой в пятистах метрах от объекта.

Докладывает Кондратьев:

– Все вертолѐты (а их было пять или шесть) летают вокруг скалы с объектом, на котором сидят три исследователя. Что делать?

Опять: откуда трое? Тра-та-та. Паника, да-да, настоящая паника в эфире, на КП аэродрома Семипалатинска, в Москве. Везде – паника.

И никто, ни на КП аэродрома Семипалатинска, ни в Москве, никто не принимает решения, как же всё-таки эвакуировать исследователей (космонавтов то есть; трёх космонавтов, сидящих на спускаемом аппарате и раскуривающих, чего они там курят, ожидающих помощи. Не май месяц и не Сочи – холодно).

Вертолѐты продолжают кружить вокруг этой чѐртовой скалы в ожидании команды для непосредственной работы. Которой всѐ нет и нет. Космонавтам-то что? Подождут! А ты попробуй прими какое-то решение! Снимать, как раньше планировалось, лебѐдкой, зависнув над ними? Склон слишком крутой! Мало ли что экипажи вертолѐтов самые опытные во всѐм округе, все мастера или первого класса.

Своя-то попа ближе. И роднее. Ни Семипалатинск, ни Москва не могут решиться отдать чѐткий приказ об эвакуации двух... всѐ-таки трёх исследователей.

Докладывает командир второго вертолѐта:

– ПДГ находится от объекта в полутора-двух километрах!

Колоссальное достижение: всего тридцать-сорок минут назад они от объекта были в пятистах метрах. Прогресс налицо.

Вдруг в эфир врывается чужой голос:

– Посторонись! Не мешай работать!

С паническими нотками голос Кондратьева:

– Неизвестный вертолѐт Ми-8, нарушая наши ряды, буром (!) подлетел к объекту. Завис! Снимает!!! Первый космонавт (какая, к чѐрту, конспирация, когда из-под носа нахально умыкают какие-то самозванцы их спасаемых) поднят!..

– Второй поднят!!! Третий поднят!!!

Всѐ-таки была надежда, теплилась в головах начальников и командиров всех рангов, что сведения о третьем «космонавте» – массовая галлюцинация, ну в крайнем случае затянувшаяся первоапрельская шутка. Но если подняли, если третий космонавт уже в вертолѐте... Неизвестно каком, правда, вертолѐте. Неизвестно куда, правда, улетевшем. Ищи теперь их свищи.

Ребус на ребусе. Шарада на шараде. Головоломка на головоломке... Поди разберись.

В это время из Москвы прилетает Ту-134 или Як-40 (не помню) с генеральским усилением. Космонавт Леонов – был. Космонавт Шаталов – был. Береговой? (Не помню.)

Махнув рукой на доклад командующего ВВС округа, вся группа усиления (контроля-разноса) поднялась на «вышку», откуда, обматерив (как только умеют материться лётчики и космонавты) оконфузившихся горе-спасателей, также минут через десять улетела в неизвестном направлении.

«Контора Глубокого Бурения» доложила чётко, кратко, недвусмысленно.

«Третий космонавт» – лесник из Ми-4, их же лесничего вертолёт, рано поутру летевшего куда-то по своим лесничим делам. Заинтересовавшись неизвестным природным явлением, они высадили для выяснения пожароопасности одного своего коллегу. А не сообщили по одной, вернее, по двум причинам: полёт был слегка пахнувший «левацким» отклонением от курса, плюс ко всему второй месяц рация на вертолёте барахла.

«Буром» снявший космонавтов вертолёт Ми-8 оказался из ведомства «стратегов» (Ракетных войск стратегического назначения), летел то ли на «точку», то ли с «точки», то ли по каким-то своим амурным делам. Видя нерешительность ввээсников, решили «утереть им нос». Что и проделали виртуозно и мастерски, имея всего второй класс мастерства.

Докладывает командир второго вертолёта, про которого в этой суматохе все забыли:

– ПДГ пропала из вида. Координаты неизвестны!

Об этом, конечно, в Москву докладывать не стали, обнаружили и «спасли» в этот же день, к вечеру...

* * *

...По траектории запуска космонавтов от Байконура до Караганды существовали ППКП (передовые передвижные командные посты), в

состав которых входило множество всяческих подразделений. В том числе и наши, десантные ПДГ. До предыдущей, аварийной посадки восточнее Караганды поисковиков обычно не посылали. Учитывая печальный апрельский опыт, двух врачей-десантников решают перебросить (и перебросили) самолётом Ан-12 в Семипалатинск. Один врач остаётся в Семипалатинске, второй на Ми-4 перелетает дальше, восточнее, в Усть-Каменогорск. Меня назначают старшим (в армии таков порядок: если двое, то один из них обязательно старший) группы.

Высаживают нас на аэродроме Семипалатинска через грузовой люк, не глуша двигателей. Мы стоим на бетонке, пересчитывая свои вещи: личный баул – на месте; парашютная сумка с основным и запасным парашютом – на месте; вещмешок с ключами и десантной формой – на месте, медицинская укладка (более 30 кг) – на месте. Всё? Вроде всё!

Но какой-то неприятный осадок на душе остаётся. Всё на месте, а чего-то не хватает.

Ан-12 в воздухе: обратным курсом на Караганду. За нами подходит автобус, чтобы отвезти на местный КП. Загружаем свой багаж. Всё? Вроде бы всё! Да не всё. Только сейчас мы осознаём, что оставили в самолёте, в гермокабине, кислородные аппараты «Горноспасатель» для искусственного дыхания, которыми обеспечили всех врачей-десантников в Рязани (вся наша экипировка происходила на базе Рязанского парашютно-десантного полка Тульской дивизии).

Забыли! То есть – приплыли!!! Есть такая картина у Репина.

На КП находим старшего врача местного полка лётчиков. И я прошу его помочь: сгонять быстренько в областную больницу (у них наверняка такие аппараты имеются в наличии) и попросить парочку всего на сутки. Он округляет глаза, уставившись на нас как баран на новые ворота:

– Да вы что, ребята? Если бы у нас были эти «Горноспасатели», вас бы сюда и не прислали.

Ситуация! Да, ещё: моё время вылета в Усть-Каменогорск – через десять минут.

Ситуэйшен!!!

Слыша наш разговор о каких-то забытых в самолёте «Горноспасателях», к нам обращается солдат в тёплом свитере, сидящий за столом, уставленным приборами, микрофонами разными.

– Забыли чего?

– «Горноспасателей» в самолёте забыли, – пояснил им местный военный эскулап.

– Проблем нет! Сейчас вернём самолёт!

Мы на этого солдата уставились как Волька ибн Алёша на старика Хоттабыча, увидев его чудеса впервые. Солдат-диспетчер (потом выяснили) что-то переключает, щёлкает тумблер, и по громкой связи слышим разговор:

– Машка, привет! Верни-ка обратно наш Ан-12, который только что взлетел. Передай им, что в самолёте забыли горноспасателей.

Через несколько долгих, ох каких долгих секунд раздался голос этой неизвестной Машки:

– Они говорят, что всех горноспасателей только что высадили.

Солдат-диспетчер смотрит на нас в недоумении. Я ему разъясняю быстро, что «Горноспасатели» – это такая аппаратура в алюминиевых маленьких чемоданчиках. Которые стоят, вернее, которые мы забыли в гермокабине самолёта.

Он тут же передал эти сведения невидимой Марии, и через двадцать минут самолёт возвращается обратно. Борттехник буквально на ходу в грузовой люк выбрасывает наши забытые «Горноспасатели», сквозь шум работающих моторов обещая разобраться с нами по всей строгости революционной беспощадности в Караганде. По нашем возвращении.

Быстро пересев на Ми-4, улетаю в Усть-Каменогорск. Мой «подчинённый» остаётся в Семипалатинске. Старт 24 мая 1975 года «Кавказов» (П. И. Климук и В. И. Севастьянов) проходит штатно!..

На следующий день за нами прилетает вновь Ан-12, чтобы лететь в Караганду. Меня одолевают грустные, тягостные расчёты. Сколько же с меня «сдерут» (кроме, естественно, единственной шкуры) за тот расход горючки,

что истратил самолёт по моей вине (старший отвечает за всё!), за его незапланированное возвращение с забытыми «Горноспасателями»? Во что это мне выльется?..

Выливается это всё для меня в ноль семьдесят пять «Трёх семёрок» для экипажа Ан-12. Недостающее чуть-чуть количество до дюжины бутылок экипаж выставляет сам...

* * *

...О двух курьёзных случаях в Караганде. В той далёкой семьдесят пятого года Караганде, во время полёта «Кавказов» и стыковки «Союз» – «Аполлон».

...Захожу в книжный магазин. Целый стеллаж заставлен страшным дефицитом. В зелёной, изумрудной обложке на шести полках стоял... Сименон (!!!). Никакой давки у этих полок не было. Вообще не было никого у этих полок (!!!). Десять, ровно десять беру книг и подхожу к кассе, на ходу доставая деньги.

Кассирша (я вначале не понял почему) ехидно так улыбается и задаёт мне вопрос:

– А вы на казахском языке умеете читать?..

...Полёт «Кавказов» растянулся более чем на два месяца, и ко мне во время отпуска на несколько дней прилетела жена. Пошли с ней в центральный универмаг, в отдел «Ковры» (каких там только ковров не было – в России мы такого изобилия ковровых изделий никогда не видели!). Народу... никого! Выбрали подходящий, под цвет обоев, три на четыре. Взвалив ковёр на плечо, подхожу с женой к кассе. Опять та же ехидная улыбка.

– А у вас карагандинская прописка имеется? Талончик на ковёр имеется?..

* * *

...Случилось это в Кустанае жарким летом. Полёт у космонавтов длительный – всё на орбите идёт нормально. Штатно. Никаких неожиданностей и неприятностей не ожидается. Тьфу-тьфу-тьфу. Готовность у нас – третья. Вторая – только на первые три суточных витка, приходящиеся на ночное время.

И мы активно отдыхаем. Доотдыхались так, что, сидя в номере гостиницы и поднимая очередной тост за удачный полёт, вдруг слышим:

– Ку-ку! Ку-ку! Ку-ку!

Кроме одного из нас, все были предупреждены о том, что в шкафу поставлены часы с кукушкой. Поставил их туда доктор медицинских наук Г. И. Б. (сегодня он – настоящий академик настоящей Академии медицинских наук, с которым я постоянно общаюсь до сих пор) из Института медико-биологических проблем, возглавлявший в то время Московскую БНХП (бригаду неотложной хирургической помощи).

Поднеся ёмкость со спиртным ко рту, этот несведущий наш коллега замер. Посмотрел на нас затравленным взглядом и сказал:

– Мужики, а вы ничего не слышали? Постороннего?

Все стали его уверять, что, дескать, всё нормально, всё о'кей. Не стоит волноваться и т. д. и т. п. Пятнадцать минут пролетели быстро.

Г. И. Б. произносит очередной предпоследний тост. Все готовы этот такой нужный тост поддержать...

– Ку-ку! Ку-ку! Ку-ку!

Все выпили, кроме одного...

– Не, мужики, вы и вправду ничего не слышали?

Проходят очередные пятнадцать минут. Новый предпоследний тост. Все поддерживают, никак не реагируя на посторонние звуки, еле сдерживая смех:

– Ку-ку! Ку-ку! Ку-ку!

– Всё! Допился! Галлюцинации слуховые пошли...

...Наутро за этим же столом собрался весь личный состав вчерашней субботней вечеринки, чтобы, переложившись слегка пивком, решить проблему воскресного дня.

Только поднеся ко рту бутылку с «Жигулёвским» пивом, наш бедолага слышит, но слышит из уст Г. И. Б.:

– Ку-ку! Ку-ку! Ку-ку!

Нет, в обморок он не упал, но долго сидел потрясённый тем, что всё-таки у него не было галлюцинаций. Слуховых.

* * *

...Это – послеполётная история.

На сборах, на самых первых сборах, когда нас обучали всем премудростям поисково-спасательной службы, нас информировали, что в Рязани (в Рязанском парашютно-десантном полку собирались все врачи-десантники со всех дивизий, чтобы дальше разлетаться по своим точкам) наряду с другим имуществом нам будет выдаваться и медицинская укладка. Укладка, в которой обязательной сдаче после возвращения подлежит только аппаратура, инструментарий и сильнодействующие препараты (даже таблетки от кашля с кодеином не входили в этот список). А всё расходное имущество списывается медицинской службой ВВС. И этим расходным медицинским имуществом мы можем распоряжаться, как хотим (!).

Однажды, после очередной командировки, этого самого расходного имущества у меня по разным причинам не оказалось совсем. Сдавал в аптеку медпункта в Рязани чехол-сумку, тонометр, фонендоскоп, инструменты, сильнодействующие препараты, пустую флягу от спирта. Всё, что положено сдавать, то и сдал.

Надо отметить, что медицинская служба полка на этих самых сданных расходных материалах, принадлежащих ВВС и списанных заранее, что-то, естественно, имела. А здесь – здрасте, облом у них со мной вышел.

Начальник медицинской службы полка старший лейтенант Володька Зубрицкий (на год раньше меня окончивший томский военмедфакультет) начал на меня наседавать, угрожая устроить весёлую жизнь.

Чуть ведь не устроил.

Через пару недель приходит депеша из Рязани начальнику медицинской службы дивизии полковнику (получил в связи с 30-летием Великой Победы) Крапивному, что старшим лейтенантом Н. А. Макаровым утеряны медикаменты и перевязочный материал. Подпись. Печать. Гербовая. Список утерянного прилагается.

Вызвав меня и вручив этот самый список, Крапивный напутствовал:

– Иди к снабженцам, они подсчитают ущерб.

Снабженцы подсчитали. Если по правилам, учитывая каждую таблетку, каждую ампулу, каждый бинт – сумма выходила в четыре моих месячных оклада, плюс звание, плюс надбавка. Если по «понятиям», т. е. учитывая только номенклатуру (название) и взяв всё по одной единице учёта, получилось всего сорок рублей. Всё равно по тогдашним временам приличная для старшего лейтенанта сумма.

На такую сумму (сорок рублей) мне и выписали квитанцию, чтобы я у себя в полку в кассе финчасти оплатил надлежащим порядком.

Всё равно удручённый, перед тем как после обеденного перерыва идти на службу, захожу в аэропорт. В буфете у стойки вижу начальника финансовой службы полка капитана Николая Самсоновича Саратовского и двух прапорщиков.

– Доктор, иди к нам! – Протягивает мне стакан с одной четвёртой частью ноль семьдесят пять «Трёх семёрок». – Чего грустный-то?

Объясняю. Он берёт у меня квитанцию. Даёт деньги. Говорит:

– Иди, возьми ещё одну!

Иду. Приношу ещё одну ноль семьдесят пять «Три семёрки». Прапорщик разливает. А Самсоныч, начфин, рвёт мою квитанцию со штрафными санкциями и клочки выбрасывает в урну. Поражённый до глубины души, я еле мог выдать:

– А как же?..

– Ты пей-пей! Штраф, считай, уже заплачен. И отправлен в Рязань! – Под смех прапорщиков поднимаем стаканы. – Да, кстати, зайдя в финчасть. Распишись. И получи. Пришёл приказ из ВВС: как лучшего поисковика дивизии поощрить тебя пятьюдесятью рублями. С вычетом подоходного налога...

* * *

...В заключение пару небольших штришков.

25 февраля 1977 года. Посадка «Тереков» (В. В. Горбатко и Ю. Н. Глазкова), проведших в

космосе 18 суток на «Союзе-24» – «Салюте-5». За окном буран, как у Пушкина в «Капитанской дочке». Первый виток – буран. Второй виток – полный штиль. Мягкое приземление в районе Целинограда. Штатная управляемая посадка. Третий виток – буран (разъяснение: управляемая посадка космических спускаемых аппаратов проводится только в первый, второй и третий суточный виток; в остальные пятнадцать витков происходит неуправляемый баллистический спуск).

Космонавт Горбатко спрашивает:

– Доктор, где я тебя раньше видел?

– В семьдесят четвёртом в Туле я у вас брал интервью...

– Помню!.. Помню!..

* * *

3 сентября 1978 года. Посадка «Ястребов» (В. Ф. Быковский и З. Йен, ГДР), проведших в космосе восемь суток на «Союзе-31» – «Салюте-6» – «Союзе-29». Т. е. взлетевших на «Союзе-31», а посадку произведших на «Союзе-29» в районе Джезказгана. Жара – далеко за тридцать.

Сразу после приземления космонавт Быковский просит:

– Ребята, закурить найдётся?

– Как же врачи ваши, московские?

Жадно затягиваясь солдатским термоядерным «Памиром», все мокрые от пота, зайдя за спускаемый аппарат, они с наслаждением смакуют первые клубы дыма.

– Обойдутся! Их бы – туда!..

Кровные знаки

Ольга ДАРАНОВА

Ольга Николаевна Даранова родилась 25 июня 1958 года в г. Ульяновске. Поэт, член Союза писателей России, председатель Ульяновского регионального отделения Союза писателей России. Живёт в Ульяновске. Окончила Ульяновский государственный педагогический институт имени И. Н. Ульянова, историко-филологический факультет. С 1980 года работает в Ульяновской областной научной библиотеке. В настоящее время – учёный секретарь Дворца книги – Ульяновской областной научной библиотеки имени В. И. Ленина, председатель правления Карамзинского фонда поддержки культурно-исторического наследия. Финалист Всероссийской премии «Чеховский дар» (2010), победитель Международного конкурса поэтической декламации «О, сто моих колец: посвящение Марине Цветаевой» (2017). Публикации в журналах «Симбирск» (Ульяновск), «Молодая гвардия» (Москва), «Сура» (Пенза), «Волга – XXI век» (Саратов) и др.

СТАРУШКИ ВЕКА

Они сидят в беретах и реглане,
Слегка согнувшись, вдавлены в скамью.
Они хранят двугривенный в кармане,
Что был на хлеб, кормивший всю семью.

Они сидят, как будто извиняясь
За старомодность, ветхость и тряпье.
Они сидят, в наш ход дней не вторгаясь,
А проживая заново своё.

За ними век и вспышками мгновенья:
Сирень у дома, летняя Москва,
И взмах руки, и нерв прикосновенья,
Его улыбка, главные слова.

Перрон войны... Дымок от паровоза,
Букет ромашек, полетевший вслед.
И гроздь салюта, встреч бывлых берёза,
Возле которой его больше нет...

Присядьте к ним, пока ещё не поздно,
Они расскажут жизнь вам наизусть,
Пока болезнь и скорые морозы
Не остановят повести их грусть...

Успейте внять их слову и заветам,
Обжечься жаром их нелёгких лет!
Они угаснут, как в ночи кометы,
Оставив тихий, молчаливый свет.

Они уйдут, оставив плащ в прихожей,
Хранящий их сутулость и тепло.
Они уйдут, собою век итожа,
И будет невозвратно, что ушло.

Они уйдут, свидетели былого,
За ними вслед лишь голубя полёт.
Они уйдут. А мы споткнёмся снова
О пустоту, оправленную в лёд.

СТАРЫЙ ВОКЗАЛ

Я снова здесь, места родные!
Безлюдно, тихо, снег кругом.
Я здесь не гостя, не впервые,
Вот площадь, вот знакомый дом.

В нём раньше книжный был, а рядом
В кафе звучал аккордеон,
И мамы в скромных нарядах
Здесь танцевали вальс-бостон...

Вокзал! Ты прошлое, ты крепость
Ушедших лет, прожитых чувств...
Какая всё-таки нелепость,
Что ты сейчас молчишь и пусти!

Ведь здесь «Прощание славянки»
В июне, в первый год войны,
Играл мой дед на полустанке
Для потревоженной страны.

Здесь всё как прежде: юный Ленин,
И старый двор, и мост на Туть.
Вокзал! Ты встреча поколений,
Здесь начинался многих путь.

За расставаниями встречи
Сплетались с музыкой огней,
И чьи-то руки, чьи-то плечи
Мелькали в сутолоке дней.

Теперь здесь пусто и безлюдно,
Молчит торжественно вокзал.
Он помнит мирный день и судный,
Он помнит всех, кого встречал...

И провожал... Летело время
За паровозным вслед гудком.
Не воротить, не прыгнуть в стремя!
Минуло всё, и в горле ком.

Вот редкой музыкой знакомой
На сцепке грохотнул состав
И скрылся в дымке невесомой,
А я машу ему, отстав...

ЛЕСТНИЦА

От Волги лестница как вечность.
Ступи – и начинай подъём!
Из дней минувших – в бесконечность,
От волн – в небесный водоём!

Гора Симбирская в цветенье!
Сады, дух яблочный, простор,
Ветров незримое скрещенье,
Деревьев берендеев хор.

Ступенька каждая – былое...
Домишки в спутанных ветвях,
И запустенье нежилое,
И предков разметённый прах.

И чьи здесь тени, чьи здесь лики
Ложатся фреской на закат?
Кто низменный, а кто великий?
Глава к главе давно лежат.

От Волги вольной, с небом слитой,
До старых башенок Венца
Разматывает время свиток,
И нет у времени конца.

Послушай лестницу – лес снится...
Подгорья древнего душа
С твоей душой сейчас роднится,
Одним дыханием дыша.

И цвет, и тлен, и пир, и тризна...
Ах, эти яблони во рву!
Их красотой и укоришной
Живём мы здесь. И я живу.

СОН

При лампе, с кирпичиком книжным,
Который и греет, и жжёт,
По дальним дорогам и ближним
Мой вечер, густея, бредёт.

– Куда ты влечёшь меня, слово,
В какие обрывы земли?

В какие колодца былого?
 Что в них?
 – Отголоски любви...

А осень всё суше и жёстче,
 И ветер в вершинах суров.
 ...Там, где-то в Киндяковской роще,
 Задумчив, стоит Гончаров.

Его эта вечная метка,
 Оставленный им белый храм.
 Парит над обрывом беседка,
 К симбирским маня берегам.

Там елей могучие кроны
 Раскат колокольный хранят,
 И патриархальные звоны
 Над Волгою эхом летят.

Страница другая сплетает
 Мне прошлого милую вязь.
 Знакомым виденьем мерцает,
 К постели моей приклонясь.

Чьё здесь первородное слово,
 Чья тень проникает в меня?
 Кольшется лодка былого
 У берега, цепью звеня.

Мне эти железные звуки
 Ласкают доверчивый слух,
 И помнятся дедовы руки
 На вёслах, да илистый дух

Воды, и кустов зависанье,
 И гул мошкары, и жара,
 И бабушкин взгляд-отрицанье,
 Когда рассердит детвора.

Вот мокрое дерево лодки
 Врезается в жёлтый песок...
 Картины там чисты и кротки –
 Деревня, луга да лесок.

И даль развивается свитком,
 И я в этой лодке плыву.
 Вот скрипнула где-то калитка...
 Я вижу их всех наяву!

Они там сидят на крылечке,
 Живые, как юность и сад...
 Там птицы, и узкая речка,
 И мой неродившийся брат.

Их руки лежат на коленях,
 И дума – одна на двоих.
 И чудное это сиденье
 Храню я, страницу закрыв.

Не выцвесьте вам, кровные знаки
 Заветных, спасительных мест.
 Там спят старики и собаки,
 Где врос покосившийся крест.

* * *

Как ты греешь, равнина осенняя,
 Хоть и лик твой дождями избит!
 То ль гармошка всплакнула Есенина,
 То ли ветер в верховьях шалит?..

Небо дымное, серое, низкое...
 И такое сиротство вокруг!
 Русь моя, несравненная, близкая,
 Чтоб обнять тебя, хватит ли рук?..

Защитить, обогреть эту пахоту,
 Это золото, охру и медь...
 Здесь единственным праведным грохотом
 Майский гром может лишь прогреметь!

Даже в холоде осени стройная,
 Дорогая моя красота!..
 Ни измором, ни хворью, ни войнами
 Не согнётся твоя прямота.

Будут сосны стоять, словно матери,
 Провожая своих сыновей,
 Словно нищий на вымерзлой паперти,
 Сильный голою правдой своей...

Так бы ехать дороженькой долгою
 В тишине, что предзимьем полна...
 И следить, как над вольною Волгою
 Богородицей смотрит луна...

Твой выбор

Валерий РУМЯНЦЕВ

Жизнь шла в тупик и размышляла:
«Пора бы где-то и свернуть.
Но одного желанья мало –
Не мною выбран этот путь.

Могу ли я свернуть с дороги,
Сменив намеченный маршрут?
И что на это скажут боги?
А вдруг не так меня поймут?»

Шаг становился всё короче,
Но всё же близился тупик.
А остановка, между прочим,
Не входит в планы ни на миг.

«Но в стену лбом – пожалуй, слишком.
И уж совсем не комильфо.
Зачем же набивать мне шишки,
Словно Дефо или Сафо?»

Они учились на ошибках
Чему-нибудь и как-нибудь
И бились в тёмный быт с улыбкой,
Пытаясь в Завтра заглянуть.

Для них тупик – пустое дело:
Они пробрили бы проход.
Но это глупо, хоть и смело –
Всё время рваться лишь вперёд.

Наш путь за нас давно размечен.
И если где-то есть тупик,
То разве вправе человек
Вести себя, как подрывник?

Нет, для того и дан рассудок,
Чтоб трезво взвесить, что и как,
Пересмотреть решений груды
И сдуру не попасть впросяк.

Найдётся выход непременно
Из тупиковых передряг.
Всё в этом мире перемененно,
Прогрессу постоянство – враг.

Быть может, в том и есть решенье,
Что каждый должен выбрать сам
Свои победы и лишенья,
Свой крест и веру в чудеса...

А между тем тупик всё ближе.
Пора хоть что-то предпринять.
Неужто я богов обижу,
Коль стану путь свой изменять?

Ведь что бы я ни совершила,
Всё предназначено не мной.
И если я свернуть решила,
Как это может быть виной?

По сути, все мои решенья
На самом деле – план богов.
Предначертанье как ошейник
Моих неведомых долгов.

А коли так, свобода воли
Не что иное, как мираж.
И каждому отмерил долю
Давно небесный арбитраж.

Да, что бы я ни совершила –
Мне это свыше суждено.
Не то чтоб я богов винила,
Но мне другого не дано.

Так что же: продолжать движенье
Или как в омут с головой,
Презрев возможные лишенья,
Идти дорогою другой?»

И жизнь решилась и свернула
На новый – чистый, светлый путь.
И мироздание вздохнуло:
«Твой выбор. Что ж... Не позабудь...»

* * *

Порвалась связь времён.
Кружат осколки лет.
Какой аттракцион!
Жаль, зрителей здесь нет.

Весёлой чехардой
Прносятся века.
Кипящую водой
Сочатся облака.

Играют миражи
Утраченных побед.
Сверкают, как ножи,
Года, которых нет.

Потерянные дни
Как снежная картечь.
Горячих чувств родник
Надолго не сберечь.

Из крошек бытия
Рождается сюжет.
Его узнал бы я –
Но связи больше нет.

* * *

Воробьи купаются в пыли –
Значит, душ небесный будет вскоре.
Мягкий запах высохшей земли
Сменится на чистый запах моря.

С юга наползают облака.
В тополях порой вздыхает ветер.
Пёс игривый рвётся с поводка
У девчонки в розовом берете.

Тени уползают на восток.
Вечер тихо заполняет город.
И пора дневных забот итог
Подводить в неспешных разговорах.

Ключья туч создали коридор,
И в него, протискиваясь боком,
Исчезает солнца помидор,
Край небес своим забрызгав соком.

* * *

Берега в снегу. На снегу – следы.
Здесь прошёл медведь. Значит, жди беды.
Ведь не просто так вылез он на свет –
Почему пропал сладких снов букет?

Может, кто помог
Прочь отбросить сны?
Может, он не смог
Больше ждать весны?

Разве в этом суть? На снегу следы!
Видно, приходил он попить воды.
И одна лишь мысль в голове теперь
Разрывает мозг: где голодный зверь?

* * *

Жизнь кавалькадой пронеслась,
Швырнув в реальность дней пылинки.
Их рой стирается, кружась
В последней яростной лезгинке.

Надежда, чувства подчинив,
Твердит, что всё идёт по плану,
Что дни сыграли свой мотив
И не напрасно в Лету канут.

Хоть в памяти ещё звучат
Фрагменты прожитых сюжетов,
Но гаснет разума свеча
В знак окончания банкета.

И опускается туман
Неспешно и неудержимо.
И как всё это входит в план,
Для нас уже непостижимо.

Алексей ШИХАЛЁВ

Родился 29 мая 1980 года в деревне Красный Ключ Малмыжского района Кировской области, живёт в Ижевске.

В 2000–2002 годах служил в миномётной батарее в Чеченской Республике (Аргунское ущелье, г. Аргун).

Работал в нефтегазовых компаниях (Ямал, Удмуртия).

В данный момент работает ведущим инженером в Центральном банке РФ.

У БОГА ЗА СТОЛОМ

У Бога за столом
Мы собрались вчера.
Среди старинных книг,
В небесном кабинете.

Часы считали дни.
Камин горел едва.
А в облачном саду
Гулял осенний ветер.

У Бога за столом,
Среди старинных книг,
На троне золотом
Судеб надёжный практик.

Поверх вселенской тьмы
Смотрел на нас старик.
И в пламенных глазах
Мерцал огонь галактик.

Всё источало свет.
И было всё Добром.
В прозрачной тишине
Созвездия кружились.

Непримиримых нет
У Бога за столом.
И мы за тем столом
Навеки помирились.

МОИ СЕМНАДЦАТЬ

Иду по мостовым
В объятиях пьяных улиц.
Под солнцем фонарей
Течёт с небес вода.

Мои семнадцать лет,
Хочу чтоб вы вернулись,
Как возвращает ночь
К вокзалам поезда.

Иду за годом год
И верю: может случиться,
Что в облаке большом,
Устав к исходу дня,

Решит однажды Бог:
«Верну тебе семнадцать
За то, что среди дел
Не позабыл меня».

МЫСЛИ

Чужие мысли сонными стадами
Бредут по полуночным мостовым.
Цепляют сны худыми рукавами
И в узелках сжимают звёздный дым.

Они бредут сквозь галереи комнат,
Стучатся в двери, милости прося.
В домах простых,
Где радость жизни помнят.
И тонут в подворотнях голоса.

Бредут они, проталкивая смыслы,
И верят проклинаящей молве.
Голодные замученные мысли
В моей от снов уставшей голове.

ДОМОЙ

– Отпусти, начальник,
Сделай милость.
Заболел,
Но силы есть ещё.
В те края, где бабушка молилась,
Чтобы я учился хорошо.

В те края, где тихо, без огласки
На тропинках юности моей
По лесам бредут живые сказки,
Пилигримы вятских новостей.

Там, в родных холмах, полоской длинной,
В озорных закатах у реки
Жизнь моя исходной половиной
Начинала первые шаги.

Отпусти с казённого порога
В чистый мир, где света благодать.
Где в полях теряется дорога
И совсем не страшно умирать.

ДАЧУ БОРЗОЙ

Пройдя пустынный путь наполовину,
Истратив половину бытия,
Я вижу первозданную картину.
На той картине Родина моя.

Она порой бывает очень разной.
Моя земля.
Не ставлю ей в упрёк
За километры грязи непролазной,
За пыль потёртых кирзовых сапог,

За то, что, унесённые снегами,
У неба на руках,
Среди теснин
Мы выжили.
И Бог остался с нами,
Лучом скользнув за горный серпантин.

Густел туман над синими лесами,
По склонам гор, мерцая, плыл слезой.
Стоял один во мраке

Перед нами
Воинственный старик Дачу Борзой.

Давно весна пришла в больную душу.
Бегут ручьи потоком быстрых дней.
Но тот старик
Назло весенним лужам
Стоит во мраке памяти моей.

СЧАСТЬЕ

У реки в деревянной избёнке,
Где кружит мотыльков хоровод,
На родной среднерусской сторонке
Деревенское счастье живёт.

Летний зной и январская стужа,
Иль ноябрь моросит за окном.
Ежедневно прошенья стучатся
В тот бревенчатый старенький дом.

На истоптанной серой дороге
Безотказно который уж год
Терпеливо ответ ожидают
У резных деревянных ворот.

Среди них в захудалом пальтишке
И в потёртых штанах без ремня
Озорной босоногий мальчишка,
Это тот, что пришёл от меня.

Ты дождись, босоногий мальчишка,
Пусть растают снега за окном.
Счастье вдруг невзначай постучится
Белой птицей в мой пасмурный дом.

Дина БАБАЙЦЕВА

МЫ – РУССКИЕ!

Мы – русские! И это без сомненья.
Мы Родину свою не предаём.
И если враг пришёл, то непременно
Все на защиту Родины встаём.

Мы – русские! И мы гордимся этим.
Отпор давали со времён Петра.
И пусть запомнят недруги на свете:
Россию просто победить нельзя.

И к чёрту все презрения, преграды,
Что свора нам заморская чинит.
Нам не нужны ни слава, ни награды,
Российский дух могучий победит!

Мы – русские! И мы не из пугливых.
Каким бы ни был недругов размах.
Россия укротит вояк строптивых,
Как в сорок пятом, ждёт их полный крах.

Мы – русские! И пусть все это знают.
Мы Родину взаимы не отдаём.
И землю русскую мы никому не дарим,
И душу русскую врагу не продаём.

МНЕ УЮТНО В ИЗБЕ ДЕРЕВЕНСКОЙ

Мне уютно в избе деревенской,
Где в углу на стене образа.
Из печи пахнет пенкой молочной,
Из колодца вода как слеза.

На столе запах свежего хлеба,
Ох и вкусен горячий ломоть!
Дым из печки до самого неба.
Утешенье с небес шлёт Господь.

На железной кровати перина
Да подушки как острова.
Над столом в фотографиях лица,
В рамках память деревни жива.

А в углу деревянная прялка,
Шерсть в мешке да «мотальник» стальной.
На полу, возле прялки, «сбивалка» –
В старину били масло рукой.

На подставке стоит керосинка,
Лампа свесилась под потолком.
Занавески цветные с простинкой
Да сундук деревянный с замком.

На полу нет ковровых дорожек.
Половицы лежат ровно в ряд.
Только сердце, как прежде, тревожит
Тот родной деревенский уклад.

Всё на месте в избе деревенской:
На столе самовар да блины.
А у печки, на лавке дощатой,
Как солдаты, стоят чугуны.

Всё так просто, так дорого, мило –
Это жизни старинный уклад.
В простоте той и счастье царило,
А где счастье, там лад, да и клад!

Всё люблю в деревенской избушке..
Не забыть никогда старины.
Воду пью не стесняясь из кружки,
Мы традициям русским верны.

ЖИВУ Я В КРАЮ БЕЛОСТВОЛЬНЫХ БЕРЕЗ

Живу я в краю белоствольных берёз,
Где небес синева ласкает мне плечи.
Обожаю свой край, говорю вам всерьёз,
И друзьям в храмах ставлю за здоровье свечи.

Ах родной, милый край! Ты живи, процветай!
Мне на радость, а всем на удачу.
Я тебя не предаю, здесь родная земля,
А плохие пусть люди судачат.

Пахнут хлебом поля, пахнут мятой сады,
Есть где русской душе разгуляться...

Только Бога прошу, чтоб сберёг от беды,
Чтобы Родиной вновь восхищаться.

Распахнётся душа, сладко сердце замрёт,
И как током пронзает мне тело.
Я люблюсь тобой, край мой сельский родной,
И кричу всему миру я смело.

ЭТО ПРОСТО РОДИНА МОЯ

Воздух пахнет спелой малиной,
Аромат щекочет сердце мне.
Над рекой склонились нежно ивы,
Вновь купая ветви в тишине.

За селом пестреет луг цветами,
Так и хочется упасть в них, всё забыть.
Росы по утрам блестят огнями,
Просят ими жажду утолить.

А в садах залиvisto и звонко
Распевают песни соловьи,
Как мила родная мне сторонка!
И в душе есть место для любви.

А по вечерам звенит гармошка,
Собирая деревенский люд.
И на старой лавке под окошком
Песни русские поют, поют, поют...

Снова пахнет в воздухе малиной,
Хлебный аромат несут поля.
Нет прекрасней для души картины –
Это просто Родина моя!

Анна МАМОНТОВА (Мурылёва)

МАЛАЯ РОДИНА

Тихий шелест берёз и раздолье полей,
А по небу летит снова клин журавлей.
На просторах родных колосится ячмень,
Расцветает заря и рождается день.

Как люблю я тебя, мой родной дивный край.
Мне с тобой хорошо, отступает печаль,
Вновь запел соловей, зашумела листва,
И в душе у меня наступила весна.

Малой родины свет, в моём сердце пылай,
Освещая мой путь, никогда не сгорай!
Буду край свой родной всей душою любить,
Малой родины свет в своём сердце хранить.

ОСЕННЕЕ

Шелестела листва под ногами,
И стучались дождевики в окно.
Мы стояли вдвоём на крылечке,
На душе моей было светло.

Пусть по небу холодные тучи,
Кружит ветер листву у порога,
Мы с тобой улыбались друг другу,
Ведь для счастья нам надо немного:

Чтобы звёзды нам в небе сияли,
Чтобы радость светилась в глазах,
Чтобы солнце нас ласково грело,
Пели птицы для нас в небесах.

СТРАСТИ ПО ВЛАСТИ

Виктор ЕЛИСЕЕВ

В ходе выборов в Учредительное собрание тамбовские крестьяне предпочли большевикам эсеров.

В феврале 1917 года было свергнуто самодержавие. В стране установилось так называемое двоевластие. С одной стороны – Временное правительство, с другой – Советы, руководимые меньшевиками и эсерами. Перед Временным правительством стояло немало острых проблем: завершение войны, разрешение аграрного, национального и рабочего вопросов. Все эти животрепещущие проблемы должно было решить Учредительное собрание. Время выборов Временное правительство неоднократно переносило. Но всё-таки сроки были определены: начало выборов было назначено на 12–25 декабря, а созыв самого Учредительного собрания – на 28 ноября (11 декабря н. ст.) 1917 года. Выборы в Учредительное собрание прошли уже при большевиках, захвативших власть в стране.

ОТСТАЛАЯ АГРАРНАЯ ГЛУБИНКА РОССИИ

Тамбовская губерния, куда входило двенадцать уездов, была типично аграрной. Двадцать пять процентов всей земли находилось в руках помещиков, которые были главными поставщиками товарного хлеба. Тридцать восемь процентов крестьянских хозяйств не имели рабочего скота. Средний размер крестьянского надела составлял семь десятин. Промышленность на Тамбовщине была представлена предприятиями переработки сельскохозяйственного сырья. На 230 предприятиях трудилось 23 тысячи рабочих, в том числе 15 тысяч рабочих и служащих на железнодорожном транспорте. Крупными промышленными предприятиями были вагоноремонтные мастерские в Тамбове, Тамбовский пороховой завод (8 тысяч пролетариев), суконная фабрика в Рассказове, махорочные фабрики в Моршанске, Усмани, свекло-но-сахарные заводы в Грибановке, Покровском, Трубетчине. Рабочий класс был распылён, тесно связан с деревней. Костяк населения губернии – крестьяне – были той силой, где успешно вели агитацию эсеры. Именно с Тамбовщиной были тесно связаны лидеры эсеров В. М. Чернов и М. А. Спиридонова. Программа социализации

земли, с которой выступали эсеры, отвечала чаяниям тамбовских крестьян, которые мечтали о «чёрном переделе». Тамбовская губерния входила в состав Московского военного округа, и на её территории дислоцировалась немалая воинская сила. В самом Тамбове располагался многочисленный гарнизон, в Моршанске – 65-й и 207-й пехотные запасные полки, в Кирсанове – 3-й запасной кавалерийский полк, в Борисоглебске – 6-й запасной кавалерийский и 268-й запасной пехотный полки, в Козлове – 64-й и 216-й запасные пехотные полки, Козловское отделение конного запаса, в Лебедяни, Липецке и Усмани соответственно 213-й, 191-й и 212-й запасные пехотные полки. Кроме того, на территории губернии находилось немало мелких воинских частей и военных госпиталей. Всего в губернии к октябрю 1917 года насчитывалось до ста тысяч солдат и офицеров. Этой силой и воспользовались большевики в октябрьские дни 1917 года, захватывая власть. Тамбовское крестьянство жаждало земли. Первыми погромы помещичьих имений начали козловские крестьяне, затем беспорядки перекинулись в соседние Липецкий и Усманский уезды. В Усманском уезде было разгромлено образцовое имение Лотарево князя Б. Л. Вяземского, а сам Борис Леонидович (в своё время

был секретарём П. А. Столыпина) был зверски убит солдатами-дезертирами на узловой станции Грязи. Все попытки подавить аграрные беспорядки при помощи казаков и юнкеров окончились полным крахом. Большевики пригрозили направить против них солдат запасных пехотных полков. Только в сентябре 1917 года в губернии было 105 случаев организованных захватов и разорения барских экономий. Чтобы сбить накал беспорядков, все частновладельческие земли передали в ведение местных земельных комитетов.

ПО ПАРТИЙНЫМ СПИСКАМ

Как и по всей России, выборы в Учредительное собрание на Тамбовщине проходили по партийным спискам. Всего было восемь списков. Каждый кандидат от той или иной партии имел свой номер: эсеры – № 1, земельные собственники – № 2, меньшевики – № 3, народные социалисты – № 4, кадеты – № 5, уездный крестьянский союз – № 6, большевики – № 7, мусульманские социал-демократы – № 8. Эсеры при выборах делали ставку на крестьянство, и их надежды оправдались. Особенно ожесточённая борьба за голоса избирателей развернулась в губернском и уездных городах. В Кирсанове, Моршанске, Тамбове, Усмани победу одержали большевики. Большинство голосов они получили за счёт солдат и рабочих. Эсеры одержали победу в Лебедяни. Но при этом следует отметить, что большинство городского населения поддержало кадетов. Убедительную победу конституционные демократы одержали в Борисоглебске, Шацке, Темникове, Липецке, Козлове и Елатье. По количеству голосов избирателей кадеты были вторыми в Кирсанове, Моршанске, Тамбове, Лебедяни и Усмани. Следует отметить, что большевики потерпели полное фиаско в Борисоглебске, Шацке, Темникове, Липецке. А в уездном Спасске их кандидаты оказались отброшенными на пятое место. Другая социалистическая партия – меньшевики – сумели одержать лишь менее убедительную победу в Липецке, где лидировали кандидаты от кадетов.

А вот в провинции расклад был другим. Крестьянство пошло за эсерами. Вслед за ними, согласно итогам выборов, шли большевики. Проголосовали тамбовские крестьяне и за кандидатов от кадетов и меньшевиков, хотя эти партии и не особенно пользовались авторитетом среди земледельцев Тамбовщины. По Тамбовскому окружному избирательному округу за эсеров проголосовало 835 556 избирателей. Большевиков предпочли 240 652 человека. В тройку лидеров вошли и кадеты с 47 548 голосами. Четвёртыми были меньшевики, далее шли кандидаты от союза земельных собственников, народные социалисты, мусульманские социал-демократы, и замыкали список кандидаты, избравшиеся по уездному крестьянскому списку, которые получили всего лишь 889 голосов. Некий П. Жулев в статье «Выборы в Тамбове», опубликованной 16 ноября 1917 года в «Тамбовском земском вестнике», отмечал, что «более выразительный скачок в сторону сделал» гарнизон. Если в июле «он всей массой отдал голоса социалистам-революционерам», то «в теперешние выборы от так же поголовно отдал голоса большевикам», и «одного кумира он переменял на другого кумира». Но в Тамбове «получилась удивительная картина, которую нельзя назвать иначе, как социально-политическим недоразумением» – «...рабочая масса дала большевикам самое ничтожное количество голосов», и «большевики – партия, отстаивающая диктатуру пролетариата над всей Россией, побеждают на выборах в Тамбове не голосами пролетариата, а голосами крестьян-солдат, привлечённых "немедленным" ленинским миром». И автор отмечает, что «настоящий пролетариат в доверии большевикам отказал и отдал свои голоса объединённой социал-демократии».

ГРЯЗНАЯ ТЕХНОЛОГИЯ ВЫБОРОВ

В ходе борьбы за депутатское кресло использовалась «грязная технология» – подтасовка, запугивание, подкуп избирателей, агитация на избирательном участке, а порой и наглая манипуляция избирательными бюллетенями. Студент Петровской сельскохозяйственной

По выборамъ въ Учредительное Собрание. 36

Тамбовскій Избирательный Округъ. Кандидатскій списокъ № 1.

Кандидаты въ Учредительное Собрание, предложенные партией Соціалдемократическо-революціонеровъ въ Тамбовскомъ Губернскомъ Советѣ Крестьянскихъ Депутатовъ.

1. Черновъ Викторъ Михайловичъ	жительство	Петроградъ.
2. Бобынинъ Николай Николаевичъ	"	Тамбовъ.
3. Одицовъ Адрианъ Григорьевичъ	"	С. Веревова (Шнегаозъ) Абакумовской волости, Тамбовскаго уѣзда.
4. Ильинъ Петръ Ивановичъ	"	Тамбовъ.
5. Киселевъ Василій Дмитриевичъ	"	Дер. Азелаандрова Иво-симовской волост., Коозовскаго уѣзда.
6. Вольскій Михаилъ Казимировичъ	"	Тамбовъ.
7. Чернова-Светова Анастасія Николаевна	"	Коозовъ.
8. Чернышевъ Федоръ Дмитриевичъ	"	Тамбовъ.
9. Рабовъ Иванъ Ивановичъ	"	Тамбовъ.
10. Кондратьевъ Георгій Никитичъ	"	Петроградъ.
11. Нытняновъ Федоръ Степановичъ	"	Верхне-Шибрелевской вол., Борисоглебскаго уѣзда.
12. Меркуловъ Ефремъ Никитичъ	"	Отъяской волост., Моршанскаго уѣзда.
13. Набатовъ Иванъ Дмитриевичъ	"	Щацкъ.
14. Батмановъ Семенъ Михайловичъ	"	Тамбовъ.
15. Новиковъ Алексѣй Спыхтъ	"	Спаскъ.
16. Гроздовъ Валентинъ Алексеевичъ	"	Тамбовъ.
17. Алешинскій Алексѣй Николаевичъ	"	Тамбовъ.
18. Поповъ Сергѣй Васильевичъ	"	Тамбовъ.
19. Лярынь Василій Ивановичъ	"	Дивеецкъ.
20. Качаровскій Аркадій Трифоновичъ	"	Дѣйствующая Армія Старобѣльскій полкъ.
21. Куховъ Петръ Васильевичъ	"	Тамбовъ.
22. Пономаревъ Павелъ Дмитриевичъ	"	Тамбовъ.

Заготовлено по распоряженію Тамбовской по дѣламъ о выборахъ въ Учредительное Собрание Окружной Комиссіи.

72

По выборамъ въ Учредительное Собрание.

Тамбовскій Избирательный Округъ. Кандидатскій списокъ № 7.

Кандидаты въ Учредительное Собрание, предложенные Россійской Соціально-Демократической Рабочей Партией Интернаціоналистовъ большевиковъ.

1. Скворцовъ Иванъ Ивановичъ	жительство	Ст. Доспиостровская. (онъ же Степановъ).
2. Шляхтеръ Александръ Григорьевичъ	"	Москва.
3. Александровъ Михаилъ Степановичъ	"	Москва. (онъ же Ольшанскій).
4. Моисеевъ Борисъ Памайловичъ	"	Петроградъ.
5. Гавриловъ Иванъ Андреевичъ	"	Тамбовъ.
6. Иполатовъ Николой Николаевичъ	"	Усмань.
7. Сабуровъ Александръ Дмитриевичъ	"	Кирсановъ.
8. Бѣляковъ Федотъ Николаевичъ	"	Ст. Коозовъ.
9. Колачевъ Михаилъ Трофимовичъ	"	Ст. Грязи
10. Седеиновъ Алексѣй Антоновичъ	"	Тамбовъ.
1. Лавровъ Андрей Сергѣевичъ	"	Коозовъ.
2. Тулуковъ Иванъ Кондратьевичъ	"	Коозовъ.
3. Дугоевъ Михаилъ Григорьевичъ	"	Тамбовъ.

Заготовлено по распоряженію Тамбовской по дѣламъ о выборахъ въ Учредительное Собрание Окружной Комиссіи.

Краеведение. Учредительное собрание. Список

ПО ВЫБОРАМЪ ВЪ УЧРЕДИТЕЛЬНОЕ СОБРАНІЕ.

Тамбовская Окружная по дѣламъ о выборахъ въ Учредительное Собрание Комиссія на основаніи пун. 6 ст. 16 Пол. о Выб. объявляетъ во всеобщее свѣдѣніе населенія Тамбовской губерніи, что всего по Тамбовской губерніи при выборахъ въ Учредительное Собрание было подано гражданами 1.203.090 возврательныхъ записокъ. За исключеніемъ изъ нихъ 29.897 признанныхъ на основаніи ст. 56, 57, 79 Пол. о Выб. Городскими и Уѣздными Комиссіями недѣлостоящими - остальное количество действительныхъ возврательныхъ записокъ распредѣлилось между кандидатскими списками, выставленными для всеобщаго голосованія гражданъ - нижеслѣдующимъ образомъ:

№ канд. списка	1	2	3	4	5	6	7	8	
Названіе Губ. Крестьянск. Совета	Соц. рев. вѣдѣ Губ. Крестьянск. Совета	Земел. Собств.	Соц.-Демокр. объедин.	Народ. Соціал. в общедн. коопер.	Народн. Свободн.	Уѣзд. Крестьянск. групп.	Искусств. групп.	Всего подано голосовъ	
Число голосовъ поданныхъ по Тамбов. округу	835.556	12.493	22.425	7.408	47.548	889	240.652	6.222	1173193

Въ соответствии съ указаніемъ числами полученныхъ каждымъ спискомъ голосовъ - слѣдующее по закону отъ Тамбов. губ. 16 членовъ Учредител. Собр. на точномъ основаніи ст. 89 и 90 Пол. о Выб. распредѣлилось между списками слѣдующимъ образомъ: списокъ № 1 - получалъ въ Учредит. Собраніи 13 мѣстъ в списокъ № 7 - три. На остальные списки не пришлось ни одного мѣста.

Такимъ образомъ избранными членами Учредительнаго Собранія отъ Тамбовской губерніи оказались слѣдующія лица по списку № 1: 1/ Черновъ Викторъ Михайловичъ, 2/ Бобынинъ Николай Николаевичъ, 3/ Одицовъ Адрианъ Григорьевичъ, 4/ Ильинъ Петръ Ивановичъ, 6/ Киселевъ Василій Дмитриевичъ, 6/ Вольскій Михаилъ Казимировичъ, 7/ Чернова-Светова Анастасія Николаевна, 8/ Чернышевъ Федоръ Дмитриевичъ, 9/ Рабовъ Иванъ Ивановичъ, 10/ Кондратьевъ Георгій Никитичъ, 11/ Нытняновъ Федоръ Степановичъ, 12/ Меркуловъ Ефремъ Никитичъ, 13/ Набатовъ Иванъ Дмитриевичъ в по списку № 7:

1/ Скворцовъ-Степановъ Иванъ Ивановичъ, 2/ Шляхтеръ Александръ Григорьевичъ, 3/ Александровъ-Ольшанскій Михаилъ Степановичъ.

Въздѣствіе послѣдовавшаго со стороны Скворцова /по списку №7/ в Чернова /по списку № 1/ отказа отъ избранія ихъ въ Учредительное Собрание по Тамбовской губ. в прѣдлѣніи или этого избранія первичъ по г. Москѣ в вторичъ по Харьковской губ. - на ихъ мѣсто въ качествѣ членовъ Учредительнаго Собранія вступаютъ: въѣсто Скворцова - Борисъ Памайловичъ Моисеевъ /по списку №7/, а въѣсто Чернова - Семенъ Михайловичъ Батмановъ.

Предсѣдатель Окружной Комиссіи *Ручаевъ*

С над. печатью Окруж. Комиссіи
г. Александровъ Н. Ручаевъ

Учредительное собрание. Итоги выборов

академии Шанин присутствовал на выборах в Ольговском избирательном районе Бярятинской волости Усманского уезда, где выборы проходили в Бярятинской (село Бярятино носило второе название – Богородицкое) земской школе. В жалобе, которую он направил 13 ноября в Тамбовскую окружную избирательную комиссию, он пишет, что «выборы... происходили совершенно неправильно на том основании, что при избирательной урне присутствовал солдат, именующий себя большевиком, и всякими способами старался провести список № 7...». При выдаче бюллетеней солдат всегда подавал список № 7: «приходит мужик или баба и спрашивает: где у вас тут голосят? "А вот иди и клади", – говорит солдат и подает список № 7... всё время агитируя за него (список)...». В ходе выборов на этом участке «некоторые лица подали свой голос по несколько раз. Подача голосов была далеко не свободная, а носила принудительный характер...». Некоторые избиратели голосовали порой четыре раза – «... за жену, за себя, да ещё за кого-нибудь...». По словам того же студента, «многие клали в один конверт по несколько списков, тоже мотивируя тем, что один за отца, другой за деда, третий за себя и т. д.». А когда «запас списка № 7 разошелся, солдат-большевик не растерялся и стал выдавать прилагае-

мые при сем самодельные списки под № 7». Такие махинации были со стороны большевиков в Усманском уезде, где советская власть была провозглашена 10 ноября 1917 года, а уездный совет возглавлял переметнувшийся в августе от меньшевиков к большевикам врач Н. Н. Исполатов, который тоже баллотировался в Учредительное собрание.

Депутаты Учредительного собрания собрались в Таврическом дворце 5 (18 н. ст.) января 1918 года. Всего 715 депутатов. 370 депутатов принадлежали к эсерам, 175 человек – к большевикам, 40 мест принадлежали левым эсерам – союзникам большевиков, 15 мест – меньшевикам, 17 – кадетам. Председателем был избран В. М. Чернов. Но ему не дал выступить, в буквальном смысле слова согнав с трибуны, Яков Свердлов, предложивший принять декреты Совнаркома. Но депутаты отказались, и большевики вкуче с эсерами покинули Таврический дворец. В столице в поддержку Учредительного собрания проводилась демон-

страция, но большевики в буквальном смысле слова её расстреляли. Мостовые обагрились кровью. Была расстреляна демонстрация и в уездном Козлове. Её проводили козловские железнодорожники, которые ещё 7 (20 н. ст.) декабря 1917 года на общем собрании приняли резолюцию с протестом против захвата власти большевиками в стране и городе Козлове. Так в России были пограны ростки зарождающейся демократии.

Я прошу, не смотри равнодушно...

МЫ РАССТАЛИСЬ

Осенний холод пробежал по коже.
 Качает ветер серо-жёлтый лист.
 Ещё вчера ты всех была дороже,
 А облик твой так нежен и лучист.

Но мы расстались. Осенью дождливой
 На скучном небе, как в душе, темно.
 Ты с рук моих голубкой сизокрылой
 Взлетела прочь, мне было всё равно.

Случилось так, и, может, это верно.
 Не длится вечность сладострастный сон.
 Любовь к концу приходит непременно.
 Поймёт меня, кто был хоть раз влюблён.

ПОСЛЕДНЯЯ ВСТРЕЧА

Я прошу, не смотри равнодушно,
 Будто не было пламенных встреч.
 Что бежишь от меня? Стало скучно
 Слушать пылкую нудную речь?

Ты не бойся, я страсть успокою.
 И хоть трудно дышать без тебя,
 Своё сердце печалью закрою
 И забуду с тобою себя.

Заморозили зимние стужи
 Наши встречи весёлой весной.
 Загрустили замёрзшие лужи.
 Навсегда мы расстались с тобой.

Юрий МАРТИШИН

Родился в 1963 году в городе
 Электросталь Московской об-
 ласти, где в настоящее время
 и проживает.

Окончил Московское медицин-
 ское училище № 7.

Член Союза писателей России,
 награжден литературной ме-
 далью Ивана Бунина (СП РФ).
 Удостоен звания «Почётный
 писатель Москвы». Призер
 литературных конкурсов, ав-
 тор шести книг стихотворе-
 ний.

ИСПОВЕДЬ ВЛЮБЛЁННОГО

Что мне делать? Ты перед глазами.
Как же быть с самим с собой в ладу?
Вся душа измучена мечтами.
Не забыл тебя я на беду.

Не на радость встретился с тобою
И влюбился в серо-синий взгляд.
Ну зачем весёлою весною
Мы сажали наш вишнёвый сад?

Думал, эти встречи ненадолго,
Думал, вольный ветер кораблю.
«Дурачок», – шумели липы звонко.
«Господи, за что её люблю?»

Бегал как собака, всё напрасно.
Унижаться больше нету сил.
Говорила медленно и властно.
Я бледнел и тихо отходил.

Ревность-стерва застилала очи,
Ты с другим болтаешь – жар во мне.
Тёмной ночью тошно, нету мочи,
Грезились виденья на стене.

Я ушёл, хотя и было больно!
Думал, время вылечит напасть.
Ошибался, хочочу неволью.
Как бы мне и вовсе не пропасть.

Что мне делать? Ты перед глазами.
Как же быть с самим с собой в ладу?
Вся душа измучена мечтами.
Не забыл тебя я на беду.

ЕЁ ДРУГИЕ РУКИ ОБНИМАЛИ

Не вспоминай про бывшую любовь,
Она прошла и больше не вернётся.
Не повторятся ваши встречи вновь,
Лишь боль разлуки в сердце отзовется.

Жалеть не надо страстные мечты,
Они умчались к островам печали.
Забудь черты ушедшей красоты.
Её другие руки обнимали.

Ты веришь чувствам, как болит душа,
Когда она идёт, не замечая.
Ты замираешь, смотришь не дыша.
Но приглядишься, она уже чужая.

Не подходи, она ведь не права.
Не продолжай позор пустых страданий.
Пусть вырастет забвения трава
В твоих лугах любовных ожиданий.

ОТ ПРОШЛОГО НЕМЫСЛИМО УСТАЛ

Пришла весна в зелёном сарафане.
С листвой играет тёплый ветерок.
В разгаре май в сиреновом тумане.
Расцвёл, как в сказке, аленький цветок.

Иду, вдыхая запахи надежды.
От прошлого неммыслимо устал.
Пропахли ложью модные одежды,
В которых тебя сильно обнимал.

Теперь уже всё это безразлично.
Ведь ты с другим, и это навсегда.
Хочочет в небе солнце неприлично.
Из тучки льётся грустная вода.

В разгаре май в сиреновом тумане,
В кустах играет тёплый ветерок.
Все отношенья родились в обмане.
Давно бы бросил. Но любил, не мог.

Я ТЕБЯ НЕ ЗАБЫЛ

Сушит солнце немое пространство,
Выжимая ручьи из снегов.
И чернеет земное убранство,
Вытесняя холодный покров.

Я тебя не забыл, ноет рана
В переливах весеннего дня.
Ты из прошлого, словно с экрана,
Ненавидишь и любишь меня.

Знаю, я был не прав – это верно,
И не ведал, что ох как нужна.
А теперь на душе очень скверно,
Когда на небе светит луна.

Яркий свет обрамляет дорогу.
Трели птиц забавляют с утра.
Эх, достану из сердца тревогу,
Пусть её раскидают ветра.

УШЁЛ

Окутал город вечер молчаливый.
Купает воздух сиротливый взгляд.
Ещё недавно светлый и счастливый,
Сегодня словно скучный листопад.

Ты вспоминаешь прошлые свиданья,
Ты вспоминаешь серые глаза.
В коленях дрожь от страстного желанья,
А на щеке солёная слеза.

Ушёл он молча, не сказав ни слова.
Закрылась дверь, и замерло в груди.
Не побежала, но была готова.
Кричала вслед: «Прости меня, прости!»

И вот лежишь на мамином диване,
Пугая люстру каменным лицом.
Стучат часы, на кухне ноет в кране,
А в стенке фото, где стоишь с отцом.

Окутан город грустью молчаливой,
Как больно сердцу и твоей душе.
Ещё недавно ты была счастливой,
Мечтая с ним о славном малыше.

Я ЛЮБИТЬ НИКОГДА НЕ СПЕШУ

Почему жить так просто и сложно?
Сердце ищет любовь. Почему?
Разве жизнь без неё невозможна?
Почему жить нельзя одному?

Полюбив, мы сгораем от страсти,
Наполняя печалью сердца.
Почему у желаний во власти
Мы готовы страдать без конца?

Как приятно скитаться по свету
В одиночестве, веря судьбе.
Ну а если любить по секрету,
Заглушая желанье в себе?

И пусть люди меня осуждают,
Одиночеством я дорожу.
Пусть порой очень трудно бывает.
Я любить никогда не спешу.

Пламень жизни

Любовь ЛАДЕЙЩИКОВА

Известный русский поэт. Член Союза писателей России (СССР). Заслуженный работник культуры РФ (1999). Академик Академии поэзии (Москва, 1998). Удостоена почётного звания «Дочь города – дочь России» (2006). Книга избранной лирики «Колыбельная тайна» входила в «короткий список» соискателей Госпремии России. Поэт имеет правительственную награду – медаль ордена «За заслуги перед Отечеством» 2-й степени (2007). Награждена всероссийскими и региональными грамотами, дипломами и почётными знаками.

Родилась 1 декабря 1946 года в Екатеринбурге (Свердловск) в семье фронтовика, участника взятия Берлина. Окончила филфак УрГУ. Печатается с 1965 года. Автор сотен публикаций в периодике и 15 поэтических книг, изданных в столичных и региональных издательствах.

Книга избранных стихотворений «Пламень жизни» вышла к 75-летию Любови Ладейщиковой.

ПЛАМЕНЬ ЖИЗНИ

Мир рушится – а Женщина идёт!
И сквозь живот просвечивает солнце,
Не ведая, что взрыв произойдёт
И раздробятся вечности оконца,

Чтобы собрать в неведомом году
Пыльцу земли и мыслящее семя
И посадить в Божественном саду,
Как уголёк, младенческое время.

В иных мирах, ветрах иных систем,
Иных планет мерзлотном неуютю
Жизнь станет отраженьем, но не тем,
Что было чудом, плазменным по сути.

Но каждая, решившая нести
Во чреве обжигающее солнце,
Бессмертна и прекрасна на пути –
К неведомым мирам – с бездонным донцем.

И Женщина, оберегая плоть,
И разум, и безумные надежды,
Плывёт, обняв пространство, словно плот,
И пламень жизни светит сквозь одежды.

СОН

Покуда длится мой цветущий сон,
Вселенским солнцам шлю земной поклон,
Бесстрашно став поющей ветвью жизни,
Чтоб сквозь зачатья просветлённый стон
И колыбельной нежности полон
Познать святую страсть любви к Отчизне.

В ОБЪЯТИЯХ ЖИЗНИ И СМЕРТИ

В небесно-земной круговерти,
Где входа и выхода нет,
В объятиях жизни и смерти
Мы все появились на свет.

Но только на горестной тризне,
В прощальный, пронзительный час,
Величие смерти и жизни
Становится явным для нас...

Открытие это, поверьте,
Мой разум воскресший постиг,
В объятиях жизни и смерти
Мы каждый находимся миг.

Вы эту мерой измерьте
И совесть, и память, и власть...
В объятиях жизни и смерти
Любовь ненасытней, чем страсть.

В объятиях смерти и жизни
Все тропы судьбы пролегли:
Победы и беды Отчизны,
Горячие точки Земли...

В объятиях жизни и смерти
Беспечная вечность кипит,
Но чудится – в звёздных конвертах
Божественный замысел скрыт...

КРЕСТНЫЙ КЛЮЧ

Пускай судьба вбирает воедино
И звёздный дождь, и в поцелуях ночь,
Лучом восторга осеняя сына
И стон вонзая в будущую дочь,

Пускай, хмелея от огня и дыма,
Стирает время буковки в строке,
История любви непоправима,
Как крестный ключ в родительском замке.

ЗАЧАТИЕ СЫНА

Всплеск любви... Час зачатия сына,
Вихрь земных и небесных сил, –
Все стихии сплелись воедино
В пламень страсти, что нас срастил...

Мальчик мой!.. Кровоток желаний
Двух вулканов – вот плоть твоя!
Сколько путь твой вобрал страданий
Звездопадного жития!

Ты прости, на роду вонзили
Мы в тебя запредельный Дух,
Смыслы слов необъятной силы,
Взгляд насквозь и нездешний слух.

Уцелеть бы в земной мясорубке
С брэнной жизнью накоротке...
На спине – от ногтей зарубки
На зачавшем тебя витке!

Ритм совпал и пульс мирозданья
С извержением душ и тел,
Сопрягая судьбы созиданье
С начертаньем негаснущих дел...

Мальчик мой!.. Ты не будешь понят,
Горечь счастья не выпьешь до дна,
Бескорыстье твоё не вспомнит
В мире женщина ни одна...

Всё раздав до последней нитки,
Милосердно творя добро,
Ты вчеканишь метафор слитки
На бессонниц своих серебро...

В миг зачатия сердцем вижу
Метеорный, дозорный путь
И к тебе придвигаю всё ближе
Состраданьем кипящую грудь...

Вянет веточка пуповины,
Вечность звёздная коротка...
Ввысь взлетит, но, пронзив сердцевину,
Вниз сорвётся твоя строка...

Мальчик мой!.. Мы с тобой рядом,
Но разлука близка, держись!
...Неподвластен процесс распада
Мне, дарящей любовь и жизнь...

Если ты перейдёшь границу,
За которую тьма и ночь,
В бездне той смогу раствориться –
Но тебя вернуть невмочь...

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Юрию Конецкому

Откуда явилась – туда и вернусь,
Как сотни и тысячи звёзд,
Я знаю об этом почти наизусть
И время читаю насквозь.

Но сердцем к вселенским прильнув воротам,
Отринув и ересь, и спесь,
Я вижу немало разумного – там,
И много прекрасного – здесь.

И бережно тронув летящий, земной,
Ещё не слежавшийся век,
Я чувствую – рядом по следу, за мной
Охотник идёт, человек...

Мы стали, как пламя, объятаем одним,
Одною укрылись судьбой,
Но нас выдаёт вулканический дым,
Рождённый любовной борьбой.

Тому, кто не ведал великую страсть,
Удар метеорный не снести.
Нам выпало счастье на Землю упасть
И райское яблоко съесть.

Сплелись наши корни, и кроны, и кровь,
Чтоб новую вечность зачать,
Но времени вызов призывно-суров,
И значит – пора помолчать.

Очнись, моя радость, к чему эта грусть?
Мы будем летать в облаках!
...Откуда явилась, туда и вернусь,
Уснув у тебя на руках...

СТОЛБ ОГНЯ

Что нам сумрачных дней ненастье
И от страха дрожащий воздух!
Мы пронзаем друг друга счастьем,
Как рождённые страстью звёзды.

В дни сомнений, в кольце урагана,
В век гниенья, в бездне потопа
Лишь любовь способна все раны –
Поцелуем в глаза – заштопать...

Мы с огнём не играем в прятки,
Страсть – основа взрывных субстанций!
Друг у друга на «подзарядке» –
Мы не можем держать дистанций...

И на вилочку камертона
Отзываясь души движеньем,
В нас ньютоновские законы
Бредят броуновским броженьем.

...Не вчера ль всё прекрасным было?
А сегодня – накрыло тучей...
Только б слово моё не остыло,
А твой голос не стал колючим.

Из беды, из воды, из мрака
Надо выйти... пока не поздно!
Пусть душа от слёз, как собака,
Отряхнется грациозно...

Выхожу я тебе навстречу –
Пусть очнутя в объятьях страсти
Наши плечи и наши речи
И забудется день ненастья!

Из пучины дней, из кручины,
Карантинной эпохе внемля,
Мы любовью неизлечимой
Исцеляем Небо и Землю...

Голос твой, за собой зовущий,
Столб огня, сквозь меня идущий,
Свет любви, в нас с тобой поющий,
Жизнь дарующий и берущий!..

Жанна ТАШИМА

ОЧЕНЬ ВАЖНОЕ СЛОВО

Есть очень важное слово на свете,
Слово «Порядок» хочу я отметить.
Чтобы на полке книжка стояла,
Чтобы легко я её доставала.

Если мне надо вдруг что-то зашить,
Знаю – иголка в шкатулке лежит.
Тапочки, туфельки очень грустят,
Если в углу под диваном стоят.

Вещи, которые нас окружают,
Словно друзья, нам всегда помогают,
Жизнь украшают, дают нам уют
И очень тихо к себе нас зовут.

Бережно вазу со шкафа снимаю,
Тряпочкой мягкой её протираю,
И благодарная ваза сияет,
Солнышко нежно на гранях играет.

Малыш, вместе с папой играя в лошадок,
Сказал очень важно: «Нам нужен
Порядок!»

И девочка Катя, полившая грядку,
Сказала: «Я делаю всё по Порядку!»

– Любимое слово у Бабушки нашей
Есть слово «Порядок», – шепнула мне
Маша.

У Бабушки весело дело идёт,
Как только Порядок она наведёт!

Нужен Порядок везде и во всём
Взрослым и Маленьким в Мире своём!

МУЗЫКАЛЬНАЯ ШКОЛА

Семилетним ребёнком привела меня мама
В музыкальную школу, что рядом была.
Эта школа звучала, эта школа играла
И, пока подрасту я, терпеливо ждала.

В школьных классах стояли пианино, рояли,
И на скрипочке мальчик что-то тихо играл.
А в большом светлом зале нас улыбкой встречали,
И на сцене огромной детский хор выступал.

Вот семь лет пробежало... Я так много узнала,
Как волшебные нотки умеют звучать.
Я была неумелой и играла несмело,
А теперь в этом зале буду я выступать!

Музыкальная школа, музыкальная школа,
Ты нам музыки душу понять помогла.
Мир гармонии светлой ты нам подарила
И на крыльях мелодий нас в Жизнь позвала.

МУЗЫКА И ДЕТИ

Музыка и дети –
Лучшее на свете!
С этим ты сроднилась,
С этим ты живёшь...

Мир твой так прекрасен,
Светел, мудр и ясен,
Музыке и детям
Сердце отдаёшь!

И тебе любовью
Дети отвечают.
Радостно навстречу
Глазки их сияют.

Пусть чудесный праздник
Длится много лет!
Музыка и дети –
Выше счастья нет!

МЕЧТЫ СБЫВАЮТСЯ

Сколько терпенья, любви, доброты
Вы нам дарили, и сбылись мечты!
Даже малыш, непоседа большой,
Ваши уроки воспринял душой.

Как вдохновенно он смог передать
Музыку жизни, о счастье сказать!
И с восхищением вместо конфет
Вы малышу подарили букет!

Вы нам служили примером во всём,
Вам благодарно цветы мы несём!

ИДЁМ, ИДЁМ МЫ В ЦИРК

Идём, идём мы в цирк!
Мы в цирк идём сегодня!
Там множество огней,
И клоун встретит нас!
С утра мы вечер ждём,
Как праздник новогодний,
Чтоб зазвучал оркестр
И в зале свет погас.

И вдруг всё оживёт
В мерцающем сияньи,
И цирка яркий мир
Нас увлечёт тотчас.
И словно мы летим,
И, затаив дыханье,
Мы будем чуда ждать,
И звёзды встретят нас!

ПЕСЕНКА ПРО ЛАПИКА

Маленький подарок папа мне принёс!
Папа очень добрый, он как Дед Мороз!
Медвежонок милый на меня глядел,
Он в огромном доме сильно оробел.

Медвежонка Лапиком стану называть!
Вместе с новым другом будем мы играть!
И не будет страшно ночью мне одной,
Я возьму в кроватку Лапика с собой!

САМОЕ ГЛАВНОЕ

Самое главное – радоваться жизни!
Самое главное – дружелюбным быть!
Самое главное – помогать друг другу!
И всё, что дорого, в сердце сохранить!

Самое главное – просто улыбнуться!
Самое главное – радость подарить!
Самое главное – в трудную минутку
Духом не падать, шуткой подбодрить!

Самое главное – забывать обиды!
Самое главное – дружбой дорожить!
Самое главное – тем, кого ты любишь,
Все их ошибки искренне простить!

Самое главное – радоваться жизни!
Самое главное – дружелюбным быть!
Самое главное – помогать друг другу!
И всё, что дорого, в сердце сохранить!

ВМЕСТЕ ДРУЖНО МЫ ЖИВЁМ

Дорогой мой друг Бахрам
Съел баранок килограмм
И от радости потом
Барабанил на весь дом!

А мой верный друг Расул
Перепрыгнул через стул,
Получил в награду торт,
Полюбил с тех пор он спорт!

А мой старший брат Андрюша
Полюбил гитару слушать.
Он теперь для нас играет,
Громко песни распевает!

Хорошо нам вчетвером!
Вместе дружно мы живём
И зовём других ребят –
Очень этому я рад!

КУКЛА И КЛОУН

Кукла и клоун со мною живут,
Вместе со мною по жизни идут
Кукла Катя и клоун Сандал.
Клоун на ушко мне как-то сказал:

«Нам так нужны и тепло, и вниманье,
И задушевность, и пониманье...
Ты уже с нами давно не играешь
И очень часто про нас забываешь...»

Пылью покрылось платье Катя,
А у меня уже нет конфетти...
Смотрят так грустно глазки Катя...»
«Рыжий мой клоун, меня ты прости», –

Я виновато ему отвечаю:
«Да, я спешу и из дома сбегаю,
Времени, кажется, не замечаю,
Но я вас помню и очень скучаю».

Детства мир добрый,
Всегда он со мной,
Он как магнит –
К нему тянет домой.

Больше не буду друзей огорчать,
Буду любить их, ласкать, баловать.
Я постираю платье Катя,
Клоуну я подарю конфетти.

Будет им радостно рядом со мной,
Буду всегда торопиться домой,
В дом, где друзья меня ждут терпеливо,
А на прощанье мне скажут: «Счастливо!»
Пусть мне сияют глазки Катя
И как снежинки летят конфетти!

ПЕСЕНКА ПРО ЛЕТО И ЖАБУ

Очень нам нравится лето!
Летом мы едем на дачу!
Там много солнца и света!
Плаваем мы и рыбачим!

Наша любимая жаба
Часто приходит к нам в гости,
Тихо сидит на крылечке,
Смотрит, как Шарик ест кости!..

Сытый и радостный Шарик
Весело с жабой играет!
Наша хозяйка Варвара
Ей молочко покупает!

Быстро кончается лето...
Время приходит расстаться.
Мы обнимаем Варвару,
Шарик бежит к нам ласкаться!

Наша любимая жаба
Тихо грустит на крылечке..
Шепчем мы ей на прощанье:
«Жаба, ты – в наших сердечках!»

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Чудный ласковый малыш,
Что ж ты, лапочка, не спишь?
Закрывай скорее глазки,
Расскажу тебе я сказку.
Тихо песенку спою,
Баю-баюшки-баю.

И тебе приснится сон,
Как по травке ходит слон,
И катает он ребят,
Всех, кто ночью сладко спят.
Поскорее засыпай,
Баю-баю, баю-бай.

ВСТРЕЧИ С ЛЕГЕНДОЙ КОСМОНАВТИКИ

Социальный центр «Александръ» организовал встречу старшеклассников с лётчиком-космонавтом Героем России Олегом Артемьевым в мичуринской средней школе № 1. Провёл встречу секретарь Союза писателей России Анатолий Труба, презентовавший школьникам книгу «Пора в космос», вступительную статью к которой написал Олег Артемьев.

Для жителей наукограда Олег Артемьев практически земляк. Корни его рода на Тамбовщине: в селе Сабурово нынешнего Никифоровского района родилась его бабушка, а в деревне Софьино современного Первомайского района – его дед.

Приятная неожиданность – космонавт стал участником программы «МАРС-500». С 2011

года предприятия научно-производственного комплекса наукограда принимают активное участие в разработке и поставке на орбиту наборов продуктов функционального питания. Их составляют с учётом вкусовых предпочтений членов российских космических экипажей.

В меню российского экипажа есть суп-пюре из зелёного горошка, солянка овощная из свежей капусты, соус томатный «Мичуринский», салат витаминный «Мичуринский», фруктовое пюре из яблок и многое другое.

– Витаминная продукция из Мичуринска пользуется у космонавтов особым спросом. Всё, что доходит до станции, очень вкусно! Это рацион не штатного пайка, это продукты, способные скрасить тяготы полёта. Космическая

еда из Мичуринска – это удовольствие! – отметил Олег Артемьев.

По-своему интересным стал ответ на вопрос, посвящённый досугу на орбите. Как выяснилось, в свободное от работы время космонавты могут поиграть в различные настольные игры, почитать книгу, позвонить домой и даже проверить уроки у своих детей. Можно полюбоваться видами Земли, сделать фото на память или поиграть в мини-теннис, мини-футбол и мини-хоккей. А ещё космонавты любят музицировать. В настоящее время на МКС обосновался мини-оркестр из двух гитар и скрипки.

Как выяснилось, стиркой на околоземной орбите никто не занимается. Просто у всех вещей есть свой «жизненный цикл». Так, футболка «живёт» три дня, брюки – одну неделю, носки – день. Все отработавшие свой «жизненный цикл» продукты пакуются в специальные резиновые мешки и складываются в грузовик.

После заполнения транспортный модуль отстыковывается от Международной космической станции и, войдя в плотные слои атмосферы Земли на первой космической скорости, сгорает над южной частью Тихого океана.

В космосе Олег Артемьев побывал трижды, общая продолжительность полётов – 560 суток, восемь раз он выходил в открытый космос. При этом суммарная продолжительность выходов превысила 52 часа.

Прославленного космонавта за прекрасную встречу тепло поблагодарила заместитель главы администрации Мичуринска Лариса Китайчик. От имени главы Мичуринска Максима Харникова она вручила лётчику-космонавту символ наукограда – яблоко – и книгу о родном городе, подготовленную журналистами «Мичуринской правды». Олега Артемьева сердечно приветствовали и душевно выступили перед аудиторией писатель Валерий Аршанский и учёный Наталья Савельева

Это второй визит космонавта в Мичуринск. Впервые он побывал в наукограде в 2020 году. В честь прославленного космонавта мичуринские учёные-селекционеры вывели сорт яблони «Звезда Артемьева». Ныне яблони этого сорта растут в Звёздном городке.

Следующей была организована встреча в Музейно-выставочном центре Тамбовской области. В Тамбове космонавт был в мае 2019 года.

И сюда Олег Германович приехал не с пустыми руками. Среди переданных музейно-выставочному центру экспонатов – копия рассекреченного личного дела Юрия Гагарина, настоящее космическое питание, книги о работе космических экипажей. Олег Артемьев уточнил: личное дело первого в мире космонавта было рассекречено в прошлом году. В Тамбове будет храниться одна из первых официальных его копий.

– Знаете, что самое интересное? Бывает, что известным людям часто придумывают биографию, которая разительно отличается от истинных фактов жизни. Изучив материалы рассекреченного личного дела Юрия Алексеевича Гагарина, я понял, что эта информация такая же, как нам всегда рассказывали, – поделился Олег Артемьев.

Одно из подаренных изданий – «С орбиты на Землю. Хроника посадок отечественных пилотируемых космических кораблей» (6+). Книга рассказывает о посадках советских и российских космических кораблей: от полёта Юрия Гагарина до экипажа под управлением лётчика-космонавта Антона Шкаплерова с участием актрисы Юлии Пересильд и кинорежиссёра Клим Шипенко. Во время этого полёта были сняты космические эпизоды фильма «Вызов» (6+), премьера которого назначена на апрель 2023 года. К слову, экипаж Олега Артемьева выступал дублирующим в период подготовки «кинополёта».

– Работа съёмочной группы немного «разворошила» нашу работу и жизнь в отряде космонавтов. Мои коллеги, космонавты «Роскосмоса» Олег Новицкий и Антон Шкаплеров, рассказывали, что при съёмках им пришлось немного «переучить» себя. В кино, даже в небольших ролях, нужны эмоции, а нас учат быть сдержанными, – говорит Олег Артемьев.

Были и ответные презенты. От имени руководства области и о. министра образования и науки Татьяна Котельникова и депутат облдумы Ирина Тен вручили космонавту юби-

лейную медаль в честь 85-летия региона. Особые подарки преподнёс полковник Григорий Просянных, начальник арсенала ВКС. Сувениры и приглашение посетить Ивановку были вручены от регионального министерства культуры.

Немало интересных фактов рассказал Олег Артемьев, отвечая на вопросы участников встречи. К примеру, самых юных гостей музейно-выставочного центра интересовала тема питания в космосе. Олег Германович отметил, что космонавты тоже едят лапшу быстрого приготовления, а вот вкус еды на орбите разительно отличается от вкуса на Земле.

– Попросите взрослых подвесить вас вниз головой и поддерживать и попробуйте в таком положении что-нибудь съесть. Пожалуй, это и будут похожие вкусовые ощущения. Острая пища в таком состоянии кажется острее, сладкая – слаще. Поэтому в космосе мы часто недосаливаем еду, меньше сахара добавляем, – ответил космонавт.

Рассказал Олег Артемьев и о реабилитации после полётов. Самая сложная – первая реабилитация, после следующих полётов уже легче, потому что знаешь, с чем предстоит столкнуться. Основа восстановительного периода – физические упражнения, трениров-

ки, а также назначенные врачом процедуры в санатории.

– Медкомиссия ожидает меня в последних числах марта – начале апреля. По результатам обследования будет принято решение о дальнейшей возможности полёта в космос. Я очень надеюсь, что буду «годен» к ещё одному полёту, – говорит космонавт.

О. Г. Артемьев рассказал, что летом планирует приехать на Тамбовщину вместе с семьёй и мамой: в детстве он часто гостил в селе Сабурово, где и сегодня живут его родственники.

– Самый красивый вид из космоса – это места, где ты вырос. Хотя, конечно, вся планета потрясающе красива с орбиты. И ни одна фотография не может передать этой красоты. Поэтому нужно обязательно самому лететь в космос, чтобы насладиться пейзажем Земли, – сказал Олег Артемьев.

На следующий день, в субботу, Олег Германович посетил Первомайский район. В актовом зале учебного корпуса № 3 Первомайской СОШ состоялась встреча учащихся с космонавтом-испытателем Героем Российской Федерации Олегом Германовичем Артемьевым. Перед началом встречи ребята посмотрели видеоролик о космонавте. После того как познакомились с Олегом Германовичем, беседа продолжилась в формате «вопрос – ответ». Ребята интересовали многие вопросы, на которые были даны ответы. Встреча прошла очень интересно. В заключение Олег Германович подарил музею истории школы замечательную книгу о космосе и календарь. В свою очередь А. С. Труба преподнёс в дар космонавту книгу «Наша школа», после этого были сделаны совместные фотографии. Огромное спасибо А. С. Трубе за организацию встречи с таким замечательным человеком!

Александр СЕРГЕЕВ

«АЛЕКСАНДРЪ»

 alexlib.ru